ПОЛЬ РИШАРДО

АРОМАТ

Этот завораживающий детективный роман соткан из воспоминаний и ароматов, пробуждающих все чувства.

Harper's Bazaar

Аромат
Поль Ришардо

Аннотация
Поль Ришардо. Аромат
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
Эпилог
Благодарности

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Когда Элиаса Револя спрашивают, где он работает, он отвечает: «В кабинете ароматерапии». На самом же деле он помощник ольфактора в филиале «Фрагранции» – могущественной корпорации, которая продает клиентам возможность посредством ароматов возвращаться в прошлое. К запахам у Элиаса врожденный талант – он мастерски превращает обрывки воспоминаний в химические формулы. «Фрагранция» для него – убежище: запахи спасают его от слишком яркого, слишком резкого мира. Но, приехав на стажировку в центральный офис «Фрагранции», юноша сталкивается с жесткой, лишенной сантиментов Норой Олесон, готовой во что бы то ни стало сохранить свои

секреты – и корпоративные, и личные. И из-за нее гиперчувствительный Элиас, который мечтал разливать по флаконам ностальгическую радость, ввязывается в расследование страшного дела и обнаруживает, что у преступлений тоже есть запах…

Поль Ришардо знает, о чем говорит, – он и сам парфюмер. Ришардо воспитан на «Парфюмере» Зюскинда и «твердой» научной фантастике, и потому в его сенсорном триллере «Аромат» парфюмерия строго научна (не считая одного фантастического допущения), а сюжет держит за горло. Даже его вымышленная зловещая корпорация родилась из реально ходившего во французских профессиональных кругах анекдота о том, как некто планировал подпольно ароматизировать алкоголь, чтобы потом контрабандой ввозить его в СССР.

«Аромат», дебютный роман Ришардо, уже переведен на десяток языков. Ришардо есть что рассказать – и он рассказывает: о сложном и дивном искусстве аромата, о тонко настроенных чувствах, которыми наделены немногие, о напряженном расследовании, которое почти невозможно довести до конца,

и о том, что справедливость порой устроена сложнее, чем нам бы хотелось, но все-таки существует.

Впервые на русском!

Поль Ришардо
Аромат

Paul Richardot
Fragrancia

© Éditions Jean-Claude Lattès, 2025
© Р. К. Генкина, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Жанетте

Каждое воспоминание обладает своим запахом, и тот, кому хотелось бы вновь пережить былую радость, должен просто вспомнить ее аромат.

Пролог

— А можно мне стакан воды? — спросил пациент; он скукожился в кресле и казался совсем маленьким.

Элиас, подрыгивающий ногой от возбуждения, повернулся к Алену. Наставник кивком дал согласие, и молодой человек метнулся к кулеру. Опустевший стаканчик, удовлетворенный вздох, и пациент наконец-то почувствовал, что готов. Элиас вернулся на свой стул, на котором успел уже извертеться. Его навязчивая потребность в постоянном движении, с которой он давно и безуспешно пытался совладать, еще усиливалась от стресса. А в стрессе он пребывал практически постоянно.

— Ну, месье Дюрен, прошу вас, можете начинать, — подбодрил Ален старичка, занеся карандаш над девственным листком бумаги.

Пациент еще глубже зарылся в кресло и прикрыл глаза.

— Сегодня мне хотелось бы еще разок увидеть урок моего школьного учителя. Прелюбопытный был тип. И забавный, и требовательный. Он

встречал нас на крыльце, в своем сером рабочем халате, прямой как палка. Какие же у него были очки? Круглые. Нет, квадратные.

На мгновение лицо пациента сморщилось.

— В точности уже не припомню, но это придавало ему суровый вид. Однако он был самым жизнерадостным из преподавателей. Вечно шутил. Но его уважали. Что да, то да. Теперь-то дело другое. Внук на «ты» даже со своими учителями. В мое время о таком и помыслить было нельзя…

— Месье Дюрен, не забудьте об обонятельных ориентирах, — прервал его Ален. — Крайне важно, чтобы вы подробнее рассказали нам обо всем, что вас окружало. Это ключевые детали, необходимые для создания точной реконструкции.

Старичок провел испещренной морщинами ладонью по сосредоточенному лицу и продолжил:

— Когда мы заходили, парами, — он изобразил сцену, помахав руками взад-вперед, — я всегда старался оказаться рядом с Луи. Он был моим лучшим другом. Я вам о нем уже рассказывал. Точно-точно. Тот самый, который отошел во сне около года назад. Хотелось бы и мне так распрощаться с миром.

Со всею мягкостью Ален призвал пациента к порядку.

— Простите, но я, когда закрываю глаза, становлюсь болтлив. О чем бишь я? Ах да! Мы с Луи, зайдя в класс, залезали на учительскую кафедру, чтобы измазать ладони крошками мела, которые валялись под большой черной доской, а потом вытирали белые руки о спины других учеников. И здорово веселились. Видели бы вы, как бесились остальные.

Услышав эти подробности, Ален вскинул бровь и поспешил записать на листке химические вещества, обеспечивающие нужный обонятельный состав. Сам того не осознавая, пациент только что дал сигнал к началу сеанса. Кашмеран[1] прекрасно передаст минеральное ощущение грифельной доски. Фенилацетатные нотки метила и цедрола воссоздадут навощенный пол. И почему бы не добавить приморского кореопсиса? Нет. Ален передумал использовать эту субстанцию. Слишком водянистая, слишком морская. Недостаточно сухо и пыльно. Ирис нитрил — вот что сформирует запах белого мела, щекочущий нос. Но специалист еще не закончил. Пока старик, пустившийся в бессвязный пересказ своих воспоминаний,

[1] Примечания: 1

Кашмеран — химическое соединение с пряным мускусно-древесным ароматом; изобретен в 1970 году, призван передать мягкое ощущение кашемира (отсюда и название). — *Здесь и далее примеч. перев.*

продолжал описывать школьный класс далекого прошлого, Ален фиксировал, разлагал на составляющие и интерпретировал каждый случайный извив старческой памяти. Тут кожаные башмаки, там холодные испарения чернильницы — он претворял информацию в исходные сырьевые вещества и записывал названия эссенций.

Довольный полученным результатом, Ален сделал Элиасу знак подойти. Пациент еще продолжал свои мысленные странствия, а молодой человек уже взял список, обогнул стол наставника и достал из шкафа склянки с указанными субстанциями. Бесшумно проскользнув через комнату, он устроился на рабочем месте, расположенном за спиной старика. Там ассистент ольфактора[2] смешал различные составляющие в химическом стакане, стоящем на прецизионных весах.

— Это была школа для мальчиков. Если хотелось повидаться с девочками, приходилось ждать до вечера. Помню, у меня была подружка. Она делилась со мной конфетами «Зан». Милая

---

[2] Примечания: 2

Ольфактор, ольфакторный — относящийся к запаху или обонянию, от «olfactorius» — обонятельный, душистый *(лат.).* В данном случае (и далее в тексте) ольфактор — специалист, занимающийся обонятельным восстановлением памяти.

девчушка.

Элиас прервал свое занятие и поднял голову, повернувшись к Алену. Конфеты «Зан»: старик имел в виду лакрицу? Специалист, заметивший реакцию своего ассистента, одобрительно ему улыбнулся. Элиас вскочил и вернулся к шкафу. Чтобы довести до совершенства обонятельную атмосферу воспоминания, этот аспект должен отразиться в конечной формуле. Изобутил хинолин вполне подойдет, несмотря на его зеленые кожаные нотки.

Когда смесь была готова, он растворил ее в эмульсии ЛМС, летучей мемоактивной[3] субстанции, заправил полученный состав в распылитель и передал его Алену. Тот спокойно подождал, пока пациент закончит свой рассказ, и спросил:

— Вы готовы?

Дрожащие губы старика выдавили едва слышное «да». Ален нажал кнопку, запускающую аппарат, и из прорези поднялись первые завитки испарений. Он протянул прибор пациенту и улыбнулся:

— Пора вам вернуться в прошлое!

Старик тотчас поднес устройство к носу и сде-

---

[3] Примечания: 3

Мемоактивная — зд.: воздействующая на память.

лал глубокий вдох. Доли секунды хватило его обонятельным клеткам, чтобы уловить витающие в воздухе пахучие молекулы. Мгновением позже дыхание у него прервалось и ему показалось, что он летит в пустоту. Падение в лимбы памяти, проникновение туда, куда никто не отваживается заглянуть: в забытое. Полное погружение в излучины собственного мозга. Ольфакторная химическая формула воскрешала не только воспоминания, но и все прошлые эмоции и ощущения. Беспечность, легкость и простодушие детства. Старик уже и припомнить не мог, когда чувствовал нечто подобное. В один прекрасный день все это просто исчезло из его восприятия мира.

Пока гипоталамус переваривал обонятельную информацию, тело налилось жаром. Взрыв образов из прошлого — один ярче и отчетливее другого, — и все они всплывали на поверхность. Давным-давно утраченные детали. Гримасы на лице учителя, когда ответ оказывался неверным. Вцепившиеся в ворот маленького Дюрена толстые короткие пальцы одноклассников, обнаруживших меловую обиду; вечно развязанные шнурки Луи. Луи и его смех, рикошетом отлетающий от стен школьного двора. Луи и его

оцарапанные коленки, все в земле и крови. Теплая волна разлилась в животе старика. Он был в эйфории, в экстатическом восторге. Он снова стал тем мальчишкой. Прощай, ветхое тело — тело, согнутое и изъеденное неумолимым ходом времени. Он вдруг почувствовал себя вечным, неудержимым и смелым, каким может быть только ребенок. Выпятил грудь навстречу будущему и лукавым взглядом бросил вызов расстилающейся перед ним жизни. Если бы молодость знала, если бы старость могла… Нет. Он топтал эту поговорку своими школьными ботинками. Если бы старость помнила, чем была молодость. Вся его душа полнилась наслаждением. Слезы текли по щекам, изборожденным прошедшими годами. Он был в одно и то же время пуст и полон, был здесь — и очень далеко.

Мало-помалу действие ЛМС проходило, увлекая с собой воспоминания прежней жизни. Детство только что нанесло ему короткий визит. Когда он очнулся, запахи прошлого испарились. Горло было сухим, а глаза влажными. Стоящий рядом Ален успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Добро пожаловать обратно к нам.

1

Несколько часов спустя Элиас проводил к выходу последнего за этот день пациента. Не слишком интересуясь местной политикой, он все же узнал мэра Мана благодаря расклеенным по всем улицам города плакатам, но счел своим профессиональным долгом обращаться с народным избранником как с совершенно незнакомым человеком. Наставник приучил его к соблюдению строжайшей сдержанности: «Чем полнее они отрешатся от всего, что представляют собой сегодня, тем полнее вспомнят то, чем были вчера». Данную сентенцию он не раз повторял во время их ритуальных посиделок пятничными вечерами — лишь тогда, раз в неделю, Ален позволял себе стаканчик алкоголя. Элиасу было в удовольствие составлять шефу компанию, тем более что Ален щедро делился слухами и сплетнями, сообщая самые свежие новости профессионального сообщества и совершенствуя таким образом неформальную подготовку ассистента. Но сегодня Элиасу пришлось прогулять очередной урок. Его отъезд в ольфакторный центр был назначен

на понедельник, и он считал делом чести оставить после себя все бумаги и хозяйство в полном порядке.

Этот филиал «Фрагранции»[4], расположенный на втором и третьем этажах весьма нестандартного старинного здания, имел в своем сокращенном штате только их двоих, что вынуждало Элиаса держать весь фронт в одиночку. Он перемыл стеклянный инвентарь, проверил комплектацию базовых атмосфер и исходного сырья, удостоверился, что все распылители в исправности, заполнил расписание и отправил подробный отчет об уровнях ЛМС в штаб-квартиру. Материнская компания, отвечающая как за производство данного вещества, так и за его распределение и применение, с особой строгостью следила, чтобы оно использовалось исключительно по назначению. Главный элемент сеансов ольфакторного транса, этот психотроп, был краеугольным камнем всего предприятия. Малейшая аномалия в присланных отчетах поставила бы в крайне сложное положение и их лабораторию, и самого Алена.

Оставшееся время Элиас посвятил инвента-

---

[4] Примечания: 4

От «fragrancia» *(позднелат.)* — запах, аромат.

ризации учетных карточек пациентов в базе данных. Он по одному перебрал все обонятельные воспоминания, затребованные на этой неделе, и распределил их по количеству обращений. К его огромному удивлению, «прогулка по пляжу», которую запрашивали в текущем месяце более пяти раз, не упоминалась в картотеке готовых типовых наборов. Перед отъездом надо предупредить об этом Алена. И наконец, Элиас добавил атмосферу стародавнего школьного класса в карточку месье Дюрена. Трогательный пациент. Он много говорил, частенько растекался мыслию по древу, но его сеансы ольфакторных воспоминаний всегда несли в себе ту поэтичность, которая скрывается в самых простых вещах.

Когда все необходимые задачи были выполнены, ассистент позволил себе передохнуть в пустой приемной. Скоро Ален отправит его домой. Элиас воспользуется этим, чтобы прибраться в своей комнате перед великим переселением. В его усталом мозгу мелькнула тревожная мысль. А вдруг во время испытательного срока он окажется не на высоте? Тогда у «Фраграции» не будет иного выбора, кроме как отослать его обратно. Интересно, Ален очень на него разозлится? Нет, не может быть. Этот человек желал ему только

счастья. Элиас вздохнул и запрокинул голову. Через несколько секунд в затылке возникла боль. Он выпрямился и обвел взглядом приемную. Прямоугольная, с высоким потолком, залитая светом из двух широких окон, она, однако, отличалась от обычной приемной количеством заполняющего ее разнообразного хлама. Надо будет как-нибудь при случае все здесь разобрать. Тут и пройти-то можно только с трудом.

Ален был неисправимым собирателем. Он хранил все. На старинном паркете возвышались стопки газет высотой с коленопреклоненных людей — точно осадочные керны, свидетели сменяющихся геологических эпох. Внушительные вазы, до краев заполненные рекламными шариковыми ручками, занимали центральное место, а стены были сплошь покрыты сотнями почтовых открыток, присланных со всего света. Элиас подозревал, что пациенты нарочно развлекаются, отправляя их только для того, чтобы увидеть, на которой из них коллекционная горячка спадет. Разросшаяся коллекция добралась уже до туалета, но Элиас опасался, что она поползет и дальше. Однажды, получив приглашение попить кофейку у наставника, он обнаружил ящик, набитый пустыми упаковками из-под камамбера.

Поэтому время от времени и с согласия Клодины, жены Алена, он принимался за перетряхивание и прореживание его накоплений, а тот никогда ничего не замечал.

Элиас прикрыл веки. Из-за предотъездного волнения он чувствовал потребность ощутить пустоту внутри себя. Сделал глубокий вдох и позволил чувствам излиться вовне — упражнение, которое он привык проделывать, когда испытывал тревогу. Внезапно тишину нарушил дверной звонок. Вздрогнув сильнее, чем любой другой на его месте, Элиас выскочил из кресла и прокричал в направлении кабинета Алена, что сам займется визитером.

Когда он открыл дверь, перед ним предстала парочка верзил, затянутых в черное от башмаков до кепи. Они даже не сподобились снять темные очки внутри здания. Ученик ольфактора мгновенно узнал это одноцветное облачение.

— Назовите себя, — приказали они.

— Элиас Револь, ассистент Алена Фиссона, — послушно доложил он, массируя затылок.

Тот, кто был пониже, провел тяжелым пальцем по списку имен на экране какого-то прибора и поднял голову. Прозвучал приговор:

— Доступ не подтвержден. Посторонись.

И визитер без промедления проложил себе дорогу плечом, а его младший коллега, настоящий гигант, двинулся следом. К его мощному запястью был пристегнут наручником алюминиевый чемоданчик.

— Где ольфактор Фиссон? — пролаял первый, сканируя обстановку взглядом поверх темных очков.

— В своем кабинете.

— И чего ты ждешь? Сходи за ним.

Но Элиас, выбитый из колеи жесткостью приказа, застыл на месте.

Стоящий позади него громила расстегнул свою форменную куртку. В смятении молодой человек принял футляр для очков на поясе нежданного посетителя за кожаную кобуру. Дыхание участилось, и Элиас на шаг отступил. Субъект, до крайности довольный тем, что кто-то наконец воспринял его амуницию всерьез, расплылся в широкой улыбке. У него была физиономия престарелого *vaquero*[5] (из тех, кого не взяли бы даже в спагетти-вестерн), так что эта гримаса показалась Элиасу угрожающей. В глазах у юноши помутилось, дыхание стало прерывистым и

---

[5] Примечания: 5

Пастух на лошади *(исп.),* испанский, а затем мексиканский прообраз американского ковбоя.

горячим. Им овладевал страх. Эмоции Элиаса отличались такой силой, что частенько вызывали приступы. Вот и сейчас он готов был в очередной раз потерять контроль. Точно-точно, совсем скоро он пойдет вразнос. Эта мелькнувшая в голове мысль только ухудшила дело. Тревога комом разрасталась в подвздошье, и ее следовало непременно повернуть вспять. Он вытащил из кармана металлический жетон и принялся теребить его в пальцах. «Расслабься, расслабься!» — молча уговаривал он себя, закрыв глаза.

— Это на него мой футляр от тактических очков так подействовал? Ну и ну. А ты еще называл дубиной меня.

Напарник пожал плечами:

— Глянь на него. Он же просто псих.

— Хватит, — вмешался Ален, выходя из кабинета.

Оба курьера тут же замерли.

— Ольфактор Фиссон, мы получили строжайшие предписания. Он нам…

— Молчать! — рявкнул Ален, подняв руку, чтобы продемонстрировать запястье с вытатуированной на нем розой с четырьмя шипами. — И оставьте в покое моего ассистента, — уже спокойнее продолжил он. А потом порылся в бумажнике

и протянул визитерам черную карточку, которую те суетливо проверили. — Не знаю, где Корнелия вас находит, но придется сказать ей пару слов по поводу критериев, которыми она руководствуется.

Ален назвал им код из пяти цифр. После раздавшегося мгновением позже металлического щелчка наручник раскрылся и чемоданчик был передан адресату. Удостоверившись в целостности бумажных лент, которыми был опечатан замок кейса, ольфактор небрежным взмахом руки отпустил обоих мужланов.

Элиас мало-помалу приходил в себя.

— Ты отлично справился, — ободрил его Ален. — Тебе удалось не поддаться приступу.

Он положил ладонь на руку Элиаса, мгновенно остановив лихорадочную мельтешню жетона. Молодой человек убрал вещицу в карман и внимательно оглядел чемоданчик. Глаза у него широко распахнулись. Раньше он никогда не видел биометрических замков. Ален хмыкнул:

— Новый протокол. Эта штука срабатывает только на мой отпечаток. Да к тому же большого пальца ноги. На случай, если мне решат отрезать руку. — Он подвигал пальцами. — Не представляю, откуда они берут свои придумки.

Догадываешься, что там внутри?

— Полагаю, ЛМС, — отозвался молодой человек, не скрывая своего восхищения драгоценной жидкостью.

Ален кивнул:

— Пошли. Поможешь мне открыть эту штуку. Две головы лучше, чем одна!

2

В этот же момент в сотнях километров от них черный сверкающий седан парковался на улице поблизости от ратуши. Водитель выключил мотор, опустил противосолнечный козырек и бросил взгляд в зеркало в салоне машины. На заднем сиденье его шефиня была погружена в чтение какой-то статьи.

— Мы прибыли, мадам.

Нора подняла голову и огляделась. Ничто не указывало, что они в Мелёне. Придется поверить на слово.

Достав пудреницу, она проверила, все ли у нее в порядке с внешним видом. Сияющее лицо молодой тридцатилетней женщины не выдавало усталости, которая копилась в ней с тех пор, как она заступила на свою должность. Только под глазами пролегли легкие тени. «Это знаки отличия работающего человека», — однажды заверила ее мать. Многие коллеги предсказывали, что она постареет до срока, имея в начальницах эксцентричную директрису «Фраганции». После пяти лет добросовестной и преданной службы Нора,

разглядывая себя, пришла к выводу, что они все могут подавиться своими пророчествами. Потом убрала пудреницу в сумку и вышла из машины.

— Я минут на двадцать, Франсуа, можете пока спокойно прогуляться, — бросила она водителю, прежде чем захлопнуть дверцу.

В этот предвечерний час центр города уже начал клевать носом. Только горстка прохожих да кучка заблудших туристов нарушали апатичную атмосферу. Но и эти неуместные нарушители скоро вольются в общий порядок. Один за другим коммерсанты на улице Генерала де Голля опускали металлические жалюзи, утомившиеся за день не меньше владельцев. Неподалеку Альмон, добросовестно обежав весь город, наконец-то воссоединялся с Сеной.

Молодая женщина бросила взгляд на экран своего мобильника. Когда она проходила в ворота решетки, служитель предупредил, что парк скоро закрывается. Она поблагодарила и продолжила путь.

Перед ней вырисовалась точка встречи — одинокое дерево рядом со скамейкой. Несколькими часами ранее Али Аббад из судебной полиции прислал ей сообщением описание этого места. Даже ее собственные каблуки, поскрипывающие по

посыпанной гравием дорожке, казалось, посмеивались над ситуацией. Вся нынешняя обстановка абсолютно не соответствовала обыкновениям следователя.

Издалека Нора заметила, как он, загасив сигарету о деревянную плашку и сунув окурок в карман, встал и двинулся ей навстречу. Али Аббад был плохо выбрит и неряшливо одет, словно несколько дней не заходил домой. Длинный плащ с поднятым до глаз воротом завершал неприглядную картину. Подойдя почти вплотную, он споткнулся и выронил папку.

— Все в порядке?

Нора наклонилась, помогая ему собрать рассыпавшиеся по земле бумаги.

— Простите.

Когда следователь разогнулся, в лицо молодой женщине пахнуло ароматом одеколона *Fougère moderne*[6], который Али покупал в супермаркете со своих двадцати лет. Этот коктейль из лаванды, дубового мха, кумарина и сигарет был его ольфакторной подписью. Его главным отличительным признаком. Отряхнув рукавом папку с бумагами, он протянул ее Норе:

---

[6] Примечания: 6

Букв. «Сегодняшний папоротник» *(фр.).*

— Мне опять нужна ваша помощь.

Он прикурил новую сигарету и предложил пачку ей. Она отказалась.

Дело, по которому он к ней обратился, касалось истории с изнасилованием на вечеринке. Проглядывая страницы досье, Нора поняла, что воспоминания подавшей жалобу женщины грешили пробелами. Та терпела неудачу при каждой попытке описать своего обидчика. Периодически ее, вызывая панические атаки, мучили неожиданно всплывавшие отголоски этого жуткого нападения. Посттравматический синдром, с которым привычно сталкиваются психологи, работающие с жертвами. Допросы молодых людей, присутствовавших на вечеринке, ни к чему не привели: никто ничего не заметил. Прямо-таки сборище подслеповатых юнцов. Единственное, что можно было сказать с уверенностью, просмотрев отчет, — полиция взялась за дело всерьез.

— Учитывая, как сейчас обстоят дела во «Фрагранции», боюсь, мы будем вынуждены отказаться от любого нового задания.

Нора хотела вернуть досье инспектору, но тот его не принял.

— Я бы прибегнул к другому способу, будь у меня выбор. Прокурор отказывается продолжать

расследование, если вы не вмешаетесь, чтобы подтвердить след.

— Какой след?

— Имеется подозреваемый. Вам достаточно развеять наши сомнения.

— Мне очень жаль, но мы не сможем вам помочь.

Она постаралась избежать сочувственного тона. При данных обстоятельствах вставать в театральную позу было бы по меньшей мере непродуктивно.

Али достал свой мобильник:

— На прошлой неделе коллеги из Марселя прислали мне фотографии одной операции по захвату.

Нора взяла телефон у него из рук и внимательно вгляделась в каждое изображение. Это была хроника ликвидации подпольной лаборатории. Мужчины в форме с нашивками бригады по борьбе с наркотиками выставляли в ряд большие синие бидоны. Ей вдруг стало интересно, не скрываются ли за их защитными респираторами улыбки.

— Сколько?

— Сто литров. И очень плохого качества. Половина потребителей отравилась этой фаль-

сифицированной ЛМС. Моим коллегам в конце концов удалось допросить их непосредственно в больничных палатах. Но не стоит беспокоиться. Мы поступили, как и в предыдущих случаях. Предъявили этим горе-химикам другие пункты обвинения. Они надолго отбыли в казенный дом.

Али забрал свой телефон.

Нора сочла попытку шантажа грубоватой и не преминула довести это до сведения агента. Угроза поставить под удар отношения, сложившиеся между полицией и «Фрагранцией», была просто смешной. Конечно, предприятие нуждалось в силах правопорядка, чтобы держать свою деятельность в секрете, но и те много бы потеряли, если бы лишились услуг «Фрагранции».

— Не станем впадать в низкопробное запугивание, договорились? От этого никто не выиграет.

Нора вернула досье. На этот раз полицейский его принял.

— Как только нам позволит график, вы сможете снова рассчитывать на наше сотрудничество.

Несколько метров оба прошагали в молчании. День клонился к закату, становилось все холоднее, и между двумя затяжками Аббад подышал на пальцы, стараясь их согреть.

Нора уже было поздравила себя с избавлением

от логистического ада этого задания, которое потребовало бы не только тщательной организации работы ольфакторов и дешифровщиков, но еще и продумывания различных сценариев, однако внезапно ее кое-что смутило.

— А почему именно это расследование, а не какое-то другое? Обычно вы не обращаетесь к нам с рядовыми происшествиями. Послушайте, подвергшаяся нападению на вечеринке девушка — это, конечно, неприятно, но не кажется ли вам перебором привлекать в данном случае «Фраграницию»? Тем более что наше сотрудничество должно оставаться неофициальным.

Али так сильно затянулся сигаретой, что та сгорела до фильтра. Он был знаком с жертвой. Эта информация не понравилась Норе, но теперь она, по крайней мере, лучше понимала его поведение и причину дешевых полицейских угроз. Он был эмоционально связан с этим делом. Нора всегда с опаской относилась ко всяким тонким чувствам. Особенно чужим. По части привнесения бардака в общую картину душевным страданиям равных не было.

— А если бы сеанс выявил виновность вашего субъекта, против которого вы не нашли никаких дополнительных улик? Что бы вы стали делать?

Излишне напоминать, что признание под ЛМС никак не может фигурировать в уголовном деле.

Впервые взгляд Али оторвался от его башмаков и встретился со взглядом Норы.

— Ваше дело доказать его виновность. Остальное я беру на себя.

Нора воздержалась от замечания, что он не ответил на вопрос. Откровенно говоря, ей было плевать, что он собирался предпринять в таком случае, — помогать-то ему она все равно не намерена. Неожиданно перед ними из ниоткуда (а может, из кустов) возник служитель.

— Ну все, хватит. Я же предупреждал мадам, что парк закрывается. Вынужден попросить вас покинуть это место.

Нора извинилась, и они направились к выходу. За оградой Али удержал Нору за руку и, дыша на нее табаком и алкоголем, прошептал:

— Искра.

Молодая женщина отпрянула. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не выдать своей оторопи. Не дожидаясь ответа, Аббад сунул папку в сумку Норы и исчез на перекрестке с улицей Контрэскарп.

— Да твою же мать, — вырвалось у нее.

Он ее все-таки прищучил.

3

Ольфактор обошел свой деревянный письменный стол и поставил чемоданчик на пол. Снял ботинок и прижал голый большой палец к маленькой биометрической панели. Дрожа от нетерпения, Элиас пристально следил за каждым этапом священнодействия. Увидел зеленый огонек, услышал щелчок и звуковой сигнал… Наконец чемоданчик открылся, распавшись на две части. Ален расчистил столешницу, сдвинув десятки фигурок и собрание бобов из пирога[7], которое собирался преподнести Клодине, когда коллекция будет полной. И положил чемоданчик на стол.

Элиас с виноватым удовлетворением заметил досаду наставника, обнаружившего, что самолично поцарапал кожаную обивку столешницы металлическими заклепками кейса. По просьбе Алена молодой человек бессчетное количество раз натирал это жуткое покрытие водоотталки-

---

[7] Примечания: 7

Имеется в виду традиция в католических странах готовить к празднику Богоявления особый пирог, в который запекается боб (или заменяющие его орехи, монеты, фигурки Христа и святых). Тот, кому этот боб попадется, становится Бобовым королем.

вающими составами, чтобы предохранить от возможных повреждений сырьевым материалом. При всем безграничном уважении к своему ментору Элиас, однако, был кое-чем недоволен. Взять хотя бы меблировку… Став ольфактором, он обязательно обзаведется стеклянным столом. И на нем — ничего лишнего, строжайший минимум. Кроме исходного сырья, никаких коллекций. Ни единой. Никогда.

Ален вытащил алюминиевый бидончик с надписью «Летучая мемоактивная субстанция — 500 мл», за которой шла последовательность цифр. Поправил на носу, удлинившемся под действием времени и гравитации, очки в тонкой оправе и пошевелил мышкой компьютера, чтобы оживить экран. Со всею медлительностью, выдававшей неумелость, он тюкнул по нескольким клавишам на клавиатуре. Ален терпеть не мог всякую технику. Кстати, он относился к тому меньшинству, которое в свое время считало, что Бернар Марти и так уже слишком далеко зашел со своим минителем[8].

[8] Примечания: 8

Минитель — французская информационная система, созданная в конце 1970-х годов; инженер Бернар Марти был одним из ее разработчиков. До 2000-х годов минитель был самой популярной системой коммуникаций во Франции, но затем его в основном вытеснил интернет.

— Тебе помочь?

— Да, пожалуйста. С этой их новой платформой я больше ничего не понимаю. Вот, введи номер серии, написанный на бидоне. Отлично. А теперь, если можно, дай мне два чистых распылителя.

Элиас послушно отправился к шкафу и взял два аппарата из трех, которые успел сегодня промыть.

— Проведем тест на качество.

— А для чего?

— Чтобы проверить, не была ли ЛМС разбавлена на перегоне между местом производства и нами. — Ален взял распылитель. — Учитывая все теперешние кражи, Корнелия решила усилить контроль.

Несмотря на свое возбуждение, Элиас не смог сдержать опасливой гримасы. Ален впервые обратился к нему за помощью при выполнении этой операции. Хуже того, наставник станет свидетелем чрезмерной реакции Элиаса при вдыхании ЛМС. Хотя Элиас знал, что в руках специалистов мемоактивная летучая субстанция вполне безопасна, ему не удавалось отвлечься от мысли, что в чистом виде она способна вызвать пугающие трансы.

Ален открыл алюминиевый сосуд, пипеткой

извлек немного содержимого и перенес его в резервуары распылителей. Затем положил перед ассистентом прибор, способный без нагревания превращать жидкости в облачко мельчайших частиц.

Элиас был приперт к стенке. Почувствовал, как зашлось сердце, но после длинного вдоха сумел отогнать страх. По опыту зная, какое опустошение способны принести неуправляемые эмоции, он должен без промедления подавить мысль о возможной потере самоконтроля. Раз уж юноша жил наедине с самим собой, ему пришлось научиться предугадывать каждый свой новый приступ. Ирония судьбы заключалась в том, что это чрезмерное внимание к собственной персоне в немалой степени способствовало эмоциональному раздраю. Элиас совмещал в себе палача и приговоренного.

— Должен тебя предупредить, впечатление окажется довольно сильным. «Нормальный» мозг, — Ален обозначил пальцами кавычки, — всегда получает в результате основательную встряску. Но ничего такого, с чем ты бы не справился, не будет.

Внутренне сжавшись, Элиас кивнул. По спине у него пробежала дрожь. Ему еще ни разу не пред-

ставлялось случая попробовать чистую ЛМС, и он сомневался в своей способности перенести шок. Эта мысль вновь пробудила все его тревоги.

Он вытер взмокшие ладони о джинсы, напоследок взглядом поискал поддержки у наставника и наконец решился. Взяв распылитель, включил его и поднес к носу прорезь, откуда подымался молочный дымок. Закрыл глаза, сделал глубокий вдох носом и откинулся на спинку стула.

Обычно летучая мемоактивная субстанция, соединенная со знакомым запахом, поступала в носовую полость, захватывалась слизистыми клетками обонятельного эпителия и поднималась к рецепторным ресничкам, расположенным на окончаниях обонятельных нейронов. Эти нейроны, реагируя на мемоактивность ЛМС, передавали насыщенный информацией нервный импульс, причем настолько мощный, что, пройдя через луковицу и достигнув коры, он потрясал все лимбические области головного мозга. Миндалевидное тело и гиппокамп, две зоны, отвечающие за обработку эмоций и воспоминаний, возбуждались так интенсивно, что все три органа совместно порождали извлеченные из памяти сенсорные галлюцинации. На профессиональном жаргоне это называли погружением.

Но при вдыхании ЛМС без сопутствующего обонятельного окружения вся картина оказалась иной. В чистом виде эта субстанция приобретала синтетический едкий запах с холодными нотами, восходящими и колкими, почти уксусными. Когда приток данных достиг лимбической системы, по всему черепу Элиаса распространилось приятное ощущение, как если бы внутри вдруг затрепетала мягкая анестезия. Потом он почувствовал легкое головокружение, быстро уступившее место эйфории. Путешествие становилось пьянящим, захватывающим. Это состояние продлилось несколько секунд, но затем дело приняло скверный оборот. Мозг начал прокручиваться впустую. Элиаса накрыл ментальный гул, остановить который он был не в силах. Тщетно он пытался вспомнить прошлое, которого не существовало. Ничто не всплывало на поверхность, хотя были задействованы все синапсы. Мозг рылся в безнадежно пустой картотеке. От раздражения и неудовлетворенности руки вцепились в подлокотники. Глаза сощурились под сомкнутыми веками. Он прикладывал серьезные усилия, чтобы вспомнить то, что было забвением само по себе, вновь пережить несуществующее и проникнуться пустотой.

То, что поначалу воспринималось как неприятное затруднение, вроде вылетевшего из головы слова или когда никак не получается чихнуть, быстро превратилось в физически ощутимое раздражение. При каждой попытке хоть что-то выцепить из памяти та упорно сопротивлялась. На лбу выступили капли пота. Изнемогающий и обессиленный мозг наконец сдался. Эффект рассеивался. Элиас открыл глаза. Ален поставил перед ним стакан.

Элиас достал из кармана жетон и начал крутить его в пальцах.

— Убери это и попей. Не волнуйся, там всего лишь подслащенная вода. Учитывая, сколько усилий потребовалось от коры твоего головного мозга, ей сейчас только это и надо.

Элиас послушался.

— Ну и как тебе твой первый раз?

— А что ты ждешь, чтобы я сказал? Это было крайне неприятно. Я даже не знал, что искать.

— Фрустрация. И судя по твоему раздраженному виду, ее ты нашел.

Ален расстегнул воротник рубашки. Ситуация очень его развлекала. Он продолжил:

— Когда никакой запах не связан с ЛМС, мозг, получая информацию, приказывающую ему

вспомнить, не понимает, что именно от него хотят. Эта неясность и порождает фрустрацию. Очень тягостное ощущение, тут я с тобой согласен. Но чем неприятнее проведенный опыт, тем тверже уверенность, что качество продукта на высоте. Эта партия, — он указал Элиасу на бидончик, — явно не была разбавлена.

Впечатления от эксперимента почти стерлись, и Элиас расслабился:

— Извини, что я вспылил.

— Брось, тут не за что извиняться. Твоя реакция подтвердила качество. Скорей уж надо радоваться.

— Должен признаться, что имел место не только негатив. Начальная фаза была даже очень приятной.

— Так называемый «приход»? Досадная непредвиденная случайность, доставляющая нам массу проблем. Находятся болваны, которые пытаются синтезировать ЛМС исключительно ради этой начальной эйфории. — Ален встал и потянулся. — Кстати, именно из-за этих болванов мы обзавелись еще большими болванами, которые теперь нам ее доставляют. — Он ткнул пальцем в экран. — Помоги мне поделиться результатами с «Фрагранцией». А потом отправляйся отдыхать.

Ты это вполне заслужил.

4

Элиас поднялся на три этажа, отделявшие его от снимаемой им квартиры. С велосипедом на плече и покупками, оттягивающими руки, он опасливо нащупывал каждую следующую ступеньку. Угроза исходила от пакета с хозтоварами. Предательски хилая упаковка грозила лопнуть при каждом резком покачивании. Элиас внутренне умолял ее потерпеть. Содержимое пакета было совершенно необходимо, чтобы прибраться в комнате. На последней лестничной площадке он со вздохом опустил все на пол. Ежедневный бытовой подвиг.

Этим дуплексом в сто квадратных метров в самом центре квартала Болле он был обязан своему соседу по квартире, на пару с которым ее и снимал. В свое время Адаму хватило благоразумия родиться в богатой семье. Затем их с Элиасом свел сайт объявлений. Изначально, однако, ничто не предвещало возникновения дружбы. Если Адама тянуло в толпу, как мэра в разгар избирательной кампании, то Элиас с трудом выносил присутствие людей; если Элиас придерживался

здорового образа жизни, то Адам, казалось, искал сокровища тамплиеров на дне каждого стакана с выпивкой.

Этот вечер пятницы в полной мере отражал их различия. Едва зайдя, Элиас окунулся в гул дружеской вечеринки. В гостиной беседовала дюжина каких-то субъектов. Сосед протолкался поближе к нему. Пропитанная потом рубашка, скорее прозрачная, чем белая, облегала все его пухлые прелести.

— Эй, а я думал, ты явишься позже. Все норм?

И он чуть не упал на Элиаса.

— Да-да, — придушенным голосом отозвался тот.

— А, так не все норм? Это из-за вечеринки? Прости, братан.

Алкоголь не умалял проницательности Адама. Вместо ответа Элиас извлек из кармана жетон и стал крутить в пальцах. Неожиданность, помноженная на социальную тревожность, выбила молодого человека из колеи. Поздороваться, заговорить, оживиться — действия вроде бы несложные, но без предварительной подготовки они представлялись ему трудновыполнимыми.

Элиас прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Десятки запахов, все до единого присущие дру-

жеской пирушке, хлынули ему в нос. Пролитое на пол пиво, холодные косяки на дне стаканов, теплый табак, туманными завитками вырывающийся из легких. Он различил также одеколон Адама и росчерк геля на его светлых волосах. Почувствовал женский парфюм с розовыми нотками, который просачивался между людьми, прочерчивая следы в воздухе гостиной. Впрочем, его аромат был таким тонким, что Элиас не смог определить источник. Он успокоился, затерявшись среди ароматов. Нечто вроде обонятельной медитации — его собственный уникальный способ бороться с приступами тревожности.

— Не волнуйся, мы сейчас двинем куда-нибудь еще.

— Да не надо, без проблем, оставайтесь.

Сосед был предупредителен. Эта черта характера объясняла, почему, несмотря на всю их несхожесть, Элиас питал к нему дружеские чувства.

— Что-то слабо верится. Ты только делаешь вид, что улыбаешься.

— Не беспокойся, все уже и правда в порядке.

Обрадовавшись, Адам возложил влажную ладонь на затылок соседа и потащил его знакомиться со своим мирком. Пока Элиас расписывал

свою профессиональную карьеру, ему поднесли стаканчик с *Get 27*[9]. Любому, кто не принадлежал к «Фрагранции», он привычно рассказывал, что работает ассистентом арома-терапевта. Он даже выучил полезные свойства основных масел для тела, чтобы его ложь звучала убедительней.

— Вот объясни-ка нам, от чего лечит эта мята! — покачивая своим стаканом, обратился к Элиасу какой-то тип, чье имя он не запомнил.

Все от души рассмеялись, а Элиас поглубже забился в кресло. Он вернул себе контроль над ситуацией, постепенно поборов турбулентность и уподобившись пловцу, благополучно выбравшемуся из водоворота. Но он знал, что стоит ему дать слабину, как течение унесет его в море. Поэтому он не выбивался из своего ритма. Весь секрет заключался в осторожности. Время от времени он вступал в разговор: проявил интерес к чьей-то забавной истории, высказал свое мнение и даже задал пару вопросов. Однако эти усилия утомили его, и вскоре он почувствовал, как волны снова увлекают его вдаль. Надо было менять стратегию, и он решил выбрать менее затруднительную роль — роль слушателя. Эта позиция позволяла

---

[9] Примечания: 9

Get 27 — французский мятный ликер ярко-зеленого цвета.

обходиться без борьбы. Изображать ни во что не вмешивающегося статиста — лучший способ оставаться на сцене. Но тут важна бдительность: слушанье, то есть настоящее слушанье, все же подразумевает активное участие. К счастью, согласно общему мнению, в этой области Элиас был великий мастер. Он реагировал на все, что говорилось, — мимикой, вставленным словом, жестами. И не кривя душой. Его искренность трогала, обезоруживая окружающих. Это качество вызывало симпатию и даже заставляло забыть о его странностях. Иногда какой-нибудь особо рьяный визави в ответ интересовался им самим. Случай редкий, но не невероятный. И хотя в такие моменты Элиас впадал в смятение и внутренне напрягался до ломоты в мускулах, он этого совершенно не показывал. Никогда. Позволить тревоге вернуться означало бы признать, что он тонет. И Элиас деликатно вновь переводил разговор на собеседника, возвращаясь таким образом в спокойные воды.

Вечеринка была в разгаре. Все громко разговаривали, подшучивали друг над другом и хохотали. Элиас слушал, как девица рядом поносит своего парня. Она нашла в лице нового собеседника великолепный мусоросборник и

не собиралась быстро выпускать его из рук. Ее носило от отношений мужика с его матерью до рыка, который он испускал, когда кончал, — да, Элиас проник во все подробности их интимной жизни. Уж эта-то гостья ничего не выведает о нем самом. Не получит ни малейшей информации. А ведь она могла бы, к примеру, узнать, что ее собеседник благодаря ежедневным сеансам медитации развил у себя великолепный нюх. Если большинство людей достигали предельной концентрации, фокусируясь на звуках, ощущениях или дыхании, то он использовал собственное обоняние. Постоянные упражнения радикально усовершенствовали его талант. Будь у него желание проиллюстрировать свои способности, он мог бы сообщить ей, что от нее исходит очень легкий миндальный запах увлажняющего крема, специально предназначенного для шершавых рук. Но девица была тут не для того, чтобы интересоваться жизнью Элиаса. Ей, по всей видимости, хватало собственной — с любовными проблемами и сухой кожей. Ну и ладно.

По мере того как компания углублялась в ночь, два соседа теряли своих случайных сотоварищей одного за другим. Каждое такое исчезновение становилось дополнительным доказательством

победы Элиаса над социальной тревожностью. Он закончил вечеринку триумфатором, счастливым и пьяным. Совершенно пьяным. Голова у него кружилась, и в какой-то момент его субтильное тело рухнуло на диван. Даже его черные волосы упали на темные глаза. Только длинный тонкий нос еще стоял стоймя. Присутствие на финале пирушки напоминало просмотр киноэпизода на быстрой перемотке. Мир вокруг стал размытым и слишком ускорился, так что Элиас не мог оценить его по достоинству. Впрочем, он никогда не понимал этот мир по-настоящему. С пустым желудком он погрузился в усталость ночи, насыщенной алкоголем. Заторможенные, приглушенные ощущения. С первыми проблесками наступающего дня молодой человек позволил себе скользнуть в сон.

5

Не обращая внимания на спящего рядом счастливого избранника, Нора Олссон включила лампу у кровати. Она решила больше не гоняться за сном и вылезла из постели. Пушистое ощущение ковра под ногами стало маленькой, но утешительной победой над необходимостью смириться с обстоятельствами. Обнаженная, кошачьей походкой она обошла кровать и взяла брошенный на спинку стула пеньюар. У этого стула было единственное предназначение — принимать на передержку ее одежду: вещи, недостаточно грязные, чтобы отправиться в стиральную машину, но недостаточно чистые, чтобы вернуться в платяной шкаф.

Проходя мимо зеркала на стене спальни, она бросила беглый взгляд на свою фигуру. Каждая встреча с собственным отражением давала ей основание заняться очередной странной проверкой: вдруг по самой невероятной и чудесной прихоти случая она чуть-чуть подросла. Просто чтобы перевалить за метр шестьдесят. Нора не просила многого. В ожидании этого благосло-

венного дня она укладывала светлые волосы в густой высокий шиньон, что позволяло выгадать несколько сантиметров. На всякую скаредность природы найдется своя военная хитрость.

Мужчина, чей мохнатый торс был еще влажным от пота после ночных утех, заполнял спальню своим храпом. Нора мало его знала, они встречались всего трижды, и поводом всегда был уход за орхидеями. Сегодняшнее свидание прошло не так блистательно, как предыдущие, но винить в этом знатока орхидей она не могла. Дело было в ней. Разговор с Аббадом постоянно прокручивался у нее в голове. «Искра». Одним-единственным словом этот сукин сын перекрыл возможность любого отказа. Ее мучили десятки вопросов. И самый страшный — что именно ему известно? По всей видимости, немало. А Нора никак не могла позволить ему продемонстрировать обширность этих познаний. Если Аббад хоть что-то донесет Корнелии, Норе придется распроститься со своим постом. Эта мысль ее тревожила. Во «Фрагранции» была вся ее жизнь. Вот же дерьмо, только шантажиста ей не хватало. Тем более сейчас. Учитывая постоянно множащиеся чуть ли не по всей стране утечки ЛМС и организационные реформы, затеянные Корнели-

ей, чтобы решить эту проблему, уровень стресса и так зашкаливал. Выбора у Норы не оставалось: ей придется капитулировать и выручить Али.

Прежде чем покинуть спальню, она бросила последний взгляд на своего партнера по совокуплению. Он казался умиротворенным, довольным, даже удовлетворенным. Наверняка был горд результатом своих немалых усилий. Она закатила глаза. Его сон представлялся ей унизительным. А его безмятежность — оскорбительной. Она потуже затянула поясок пеньюара, словно не желая дать волю наготе, и оставила незнакомца храпеть в свое удовольствие.

Остатки наспех поглощенного ужина бесславно громоздились на кухонном столе. Возбуждение взяло верх над голодом, но то, что накануне казалось распаляющим, теперь выглядело как бардак.

Поскольку она никогда не готовила, ее кухня являла собой нечто вроде декорации. Нора начала было наводить порядок, но быстро опомнилась. Она шла в гостиную с единственной четкой целью — разобраться, и как можно быстрее, в этой истории с изнасилованием. На кону стояло безоблачное существование ее предприятия, а соответственно, и ее собственное.

Нора взяла переданное Аббадом досье и устроилась с ним на диване. Снова вспомнила ту физиономию несвежего покойника, с какой Аббад предстал перед ней в парке. Они были знакомы довольно давно, и никогда еще полицейский не выглядел таким мрачным. Встретились они четыре года назад, когда взаимовыгодные отношения между «Фраграницией» и силами правопорядка только начинали выстраиваться. Сейчас же Али Аббад был представителем полиции в секторе Мелёна. Славный парень, скорее робкий и уравновешенный, из тех, от кого и слова громкого не услышишь. Тем сильнее потряс Нору его шантаж. Из уст человека сдержанного угроза всегда звучит страшнее. Нора сожалела о том доброжелательном следователе, который всегда уважительно относился к личным границам другого человека. Она спросила себя, в какой момент сердечность упорхнула прочь, подобно залетному вору, удравшему через окно вместе со столовым серебром и ценными безделушками. Молодая женщина, о которой шла речь, наверняка много значила для Аббада.

Одри, двадцать пять лет. Вроде бы обычная девушка. Нора пробежала глазами разнообразные бумаги и остановилась на протоколе допроса

потерпевшей.

ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА:

— ВОПРОС: Вы не могли бы изложить факты, которые привели вас сегодня в наше отделение? —

— ОТВЕТ: По-моему, меня изнасиловали на вечеринке. —

— Вы не могли бы задавать вопросы? Мне проще отвечать на вопросы.

— ВОПРОС: Кто был организатором вечеринки? —

— ОТВЕТ: Эмилия, моя подружка по школе медсестер. Ее родители уехали на выходные. Весь дом остался в ее распоряжении. —

— ВОПРОС: Вы знали других приглашенных, кроме Эмилии? —

— ОТВЕТ: Поначалу я узнавала всех, но потом уже нет. Адрес вечеринки разошелся в соцсетях, так что на нее пытались прорваться всякие незнакомцы. —

— ВОПРОС: И Эмилия их впускала? —

— ОТВЕТ: Не всех, но некоторых да. Потому что это были приятели приятелей. —

— ВОПРОС: И сколько в итоге вас было? —

— ОТВЕТ: По-моему, около сорока. —

— ВОПРОС: А сколько мужчин? —

— ОТВЕТ: Половина. Может, немного боль-

ше. —

— ВОПРОС: А потом?

— ОТВЕТ: Потом мы тусили. —

— ВОПРОС: Что вы подразумеваете под «тусили»? —

— ОТВЕТ: Мы разговаривали. Играли в игры с алкоголем. Танцевали. Фоткались. И всякое другое, ну, как обычно на тусовках. —

— Но я плохо помню. —

— ВОПРОС: Вы слишком много выпили? —

— ОТВЕТ: Да, то есть нет. Не думаю. Я допила свой стакан, и через некоторое время мне стало нехорошо. —

— ВОПРОС: Вы оставляли свой стакан без присмотра? —

— ОТВЕТ: Да, много раз. Он оставался на столе в гостиной, пока мы играли. —

— ВОПРОС: Вы можете описать свои ощущения?

— ОТВЕТ: Я уже в точности не помню. Меня мутило, и голова кружилась. Я словно оцепенела.

— ВОПРОС: Что вы сделали, поняв, в каком вы состоянии? —

— ОТВЕТ: Я поднялась на второй этаж, чтобы прилечь. Эмилия сказала, что я могу поспать в комнате ее младшего брата. —

— ВОПРОС: Его там не было? —

— ОТВЕТ: Нет. Кажется, он ночевал у друга. —

— ВОПРОС: Кто-нибудь пошел с вами в комнату? —

— ОТВЕТ: Нет. Да. Я не знаю. Может, вначале рядом была Эмилия. Думаю, она боялась, что меня вырвет. Но я знаю, что легла в кровать одна. —

— ВОПРОС: Откуда такая уверенность? —

— ОТВЕТ: Кровать была узкая, и я сказала себе, что и хорошо: никто не завалится спать рядом. Кто-то из перебравших, к примеру. —

— ВОПРОС: Комната изнутри запиралась? —

— ОТВЕТ: Нет, но я об этом как-то не задумывалась. —

— ВОПРОС: Вы быстро заснули? —

— ОТВЕТ: У меня кружилась голова, и я легла. Знаю, что заснула одетой. Я не хотела раздеваться. —

— ВОПРОС: Почему? Вас что-то тревожило? —

— ОТВЕТ: И да и нет. Ну, мало ли что… А еще мне не хотелось, чтобы меня увидели в одном белье. —

— ВОПРОС: Что было потом? —

— ОТВЕТ: Я в точности не знаю. Я не знаю, приснился он мне или все было наяву. —

— ВОПРОС: Вы не могли бы постараться изла-

гать точнее? —

— ОТВЕТ: Об этом очень тяжело говорить. Мне что-то нехорошо. —

— Примечание: допрос был прерван на десять минут. —

— ВОПРОС: Как вы думаете, Одри, что с вами произошло? —

— ОТВЕТ: У меня очень смутные воспоминания. Как вспышки. —

— Мне открывали рот, чтобы вставить туда член. —

— ВОПРОС: Вы это осознавали? —

— ОТВЕТ: Нет. Мне все казалось каким-то далеким. Но у меня было полное впечатление, будто во сне я задыхаюсь. —

— А еще я что-то чувствовала внизу живота. —

— ВОПРОС: Вы имеете представление, что это было? — ОТВЕТ: Нет. Помню, в какой-то момент меня затошнило, потому что меня трясли. А потом… всё. —

— ВОПРОС: Почему, проснувшись, вы решили, что подверглись нападению? —

— ОТВЕТ: Я была голая, и у меня очень сильно болел низ живота. А еще на простынях была кровь. —

— ВОПРОС: Где была ваша одежда? —

— ОТВЕТ: Лежала скомканная в углу комнаты. —

Потрясенная, Нора закрыла досье. Настоящий жесткач, по-другому и не скажешь. Бедная девочка. Нора достаточно хорошо знала систему правосудия, чтобы понимать: в случаях изнасилования жертв, страдающих амнезией, да и не только их, расследование очень редко дает результаты. Однако ее приятно удивило, что прокурор принял это дело близко к сердцу. Возможно, в конечном счете ситуацию все-таки удастся переломить.

Она встала и направилась в прихожую. В кармане куртки своего партнера нашла пачку сигарет, украшенную изображением ступни с некрозом. Он ни разу не посмел закурить при ней, но его выдало дыхание. Нора курила только в самых редких случаях. В частности, когда бывала озабочена. «Красные „Лаки страйк“. Наверняка крепкие. Вот и отлично», — подумала она.

6

Проснувшись с похмельем, достойным занесения в книгу рекордов, Элиас собрал последние силенки, чтобы дотащить свои кости до кухни.

Сосед, расхлябанный ипохондрик, вечно разбрасывал лекарства по всей квартире. Но на этот раз болеутоляющего не обнаружилось ни среди столовых приборов, ни в ящике по соседству. Пришлось Элиасу довольствоваться стаканом воды из-под крана.

Через некоторое время вниз спустился Адам в одних трусах. Элиас различил на его коже розовый аромат давешней незнакомки с вечеринки.

— Хорошо поспал?

— Одетым на диване, — отозвался Элиас, почесывая поясницу.

— Судя по твоему виду, ты пребывал в нирване. Я не решился тебя будить.

— Спасибо. Ведь пижама и кровать — это такая пошлость.

Адам послал ему улыбку и открыл холодильник.

— Ты запланировал до отъезда что-нибудь осо-

бенное или все как обычно?

— Загляну в кабинет ароматерапии, а потом пойду пройдусь.

— Ага, значит, как обычно.

— Ты не знаешь, где таблетки от головы?

— В коробе электросчетчика не смотрел?

Элиас оставил велосипед в квартире и отправился в лабораторию пешком. По дороге зашел в булочную купить сэндвич и пирожное. Прежде чем откусить, пришлось убеждать себя, что осы, жужжавшие в витрине, не садились на его завтрак. Потом он спустился по улице Болтон, пересек площадь Республики и наконец поднялся по бульвару Рене Левассёра.

В филиале не было ни души. До чего же приятно оказаться в таком безлюдном и тихом месте! Элиас открыл кабинет Алена и достал из металлического шкафа десятки склянок с исходниками. Можно приступать к ревизии всех гамм[10]. Он начал тестировать вещества вслепую. Благодаря своему натренированному носу он разлагал на составляющие и готовил список оттенков каж-

---

[10] Примечания: 10

Гамма ароматов — синестетическое определение свойств парфюмерной композиции; гамма может описываться в терминах температуры (теплая или холодная гамма) или сочетания цветов (желто-зеленая и т. д.).

дого запаха. Затем записывал все в тетрадь, уже третью за этот год. С каждым запахом он ассоциировал цвет, воспоминание, а главное — эмоцию: уж этого-то ему хватало выше головы, при малейшей передряге эмоции били из него фонтаном.

В возрасте семнадцати лет психиатр диагностировал у него повышенную эмоциональную возбудимость. Элиас воспринял это известие с некоторым облегчением. Узнать имя своего врага — первый шаг в борьбе с ним. Всю жизнь он чувствовал себя не таким, как другие, не понимая, в чем дело. Со временем он заметил, что привычка разбирать, из чего состоит интимный запах его собеседников, не вполне соответствует понятию нормы. И с тех пор каждое мгновение стало для него борьбой — с собственными эмоциональными затруднениями, а главное, с раздражающей склонностью принюхиваться ко всему окружающему.

Один за другим он подносил к носу все исходные материалы. Закончив, отправлялся за новыми, и так до самого вечера. Прогулкой явно придется пожертвовать. Вызванные обонянием головные боли, сопровождавшие первые сеансы, казались уже страшно далекими: теперь он спокойно мог перебирать свои гаммы ароматов

целыми днями, и на данный момент источником его мигрени был исключительно *Get 27*…

Внезапно Элиас остановился: блоттер[11] с нанесенной на него субстанцией вызвал у него мимолетную ассоциацию. На этикетке значилось «цитраль»[12]. Отголосок приятного воспоминания быстро сменился желанием снова пережить тот момент. Он встал и направился к туалету. Опершись о край раковины, приподнял одну из плиток навесного потолка, сунул в отверстие руку и достал завернутый в ткань маленький алюминиевый бидон.

После каждого забора летучей мемоактивной субстанции обязанностью Элиаса было выкинуть использованную пипетку. Но предварительно он собирал ею несколько капель, оставшихся на стенках резервуара. Таким образом юноша накопил около десяти миллилитров чистой ЛМС. Если кто-нибудь однажды узнает про этот тайник, Элиасу останется только сдать свой бейджик «Фрагранции» и обзавестись термосумкой

---

[11] Примечания: 11

Блоттер — бумажная полоска-тестер, на которую наносят пахучее вещество для оценки аромата.

[12] Примечания: 12

Цитраль — химическое соединение, имеющее сильный лимонный запах.

уличного разносчика. Даже Алену не удастся его отмазать.

Он смешал психотроп с первичным цитрусовым обонятельным сырьем и поудобнее устроился на стуле. Выбрал комфортное положение тела, включил респиратор и вдохнул пары. Голова на несколько мгновений закружилась.

Вначале обозначились холодные гесперидные[13] ноты, потом к ним добавились фруктовые оттенки. Мозг предложил ему множество реминисценций… все туманные. Словно каталог, который листают слишком быстро, не различая конкретики. Затем истории стали узнаваемыми. В сознании сформировались слова. Продолжая скользить, Элиас сумел ухватиться за одно из воспоминаний: лето, лимонад, солнце, загородный дом, аромат, фрукт, пирог. Есть. Он его засек. Молодой человек пришел в себя. На лбу выступили капли пота. На жаргоне «Фрагранции» такой опыт назывался панорамой. Техника заключалась в том, чтобы почувствовать простой и знакомый запах. Из тех, которые не раз встречаются в жизни. Мозг, реагируя, предлагал множество ассоциированных воспоминаний,

---

[13] Примечания: 13
Гесперидный — цитрусовый (аромат).

оставалось только выбрать и углубить одно из них. Элиас свое нашел.

Это был его первый визит в дом Фиссонов. Ален с женой жили в красивой усадьбе недалеко от Мана. Вдоль аллеи, ведущей от дороги к крыльцу, высились сосны. А в глубине сада имелись даже переливной бассейн и теннисная площадка с твердым покрытием. Элиас, который в то время был лишь одним из многих пациентов, прекрасно все помнил. Запах стирального порошка вился из комнаты в комнату, тонкий, мягкий и приветливый. Этот аромат врезался ему в память — в особенности из-за резкого контраста с царящим вокруг негостеприимным нагромождением хлама. Уже и в то время коллекции ольфактора поглощали все свободное пространство, так что Элиас передвигался по комнатам с жуткой опаской, ожидая неминуемого оползня. В мировой истории он стал бы первой жертвой домашней лавины. В тот день Ален предложил ему устроиться в гостиной. Эта комната принадлежала Клодине Фиссон, и коллекциям Алена доступа сюда не было. Она увлекалась разнообразными, всех видов и размеров, растениями и размещала их буквально повсюду. К примеру, на журнальном столике красовался роскошный букет ландышей,

жаждавший поделиться своим благоуханием с любым, кто к нему приблизится.

Чуть позже из кухни появилась и сама Клодина — с широкой улыбкой и возвышавшимися на тарелке двумя кусками лимонного пирога.

Элиас, довольный тем, что поймал-таки свое воспоминание, поднялся, чтобы подготовить все необходимые ингредиенты. Выставил их перед собой и откупорил. Потом уточнил атмосферу. Белый мускус дома, хлор бассейна, скошенная трава в саду, теплое покрытие теннисного корта, древесный сок высоких сосен, пыль предметов, слишком долго остававшихся на одном и том же месте, навощенный паркет, грунт для растений, аромат ландыша. И конечно же, цитраль — главная составляющая лимонного пирога и становой хребет его воспоминания. Какие-то запахи он забыл, но и этих будет вполне достаточно.

Закончив, он включил распылитель. Погружение оказалось таким резким, что он не успел устроиться на стуле и чуть с него не сверзился.

— Душа моя, мне нужно переговорить с Элиасом. Ты не могла бы оставить нас одних?

Ален словно бы стеснялся Клодины.

— Ты знаешь, почему я каждый год дарю мужу ландыши?

Клодина достала часть цветов и протянула их Элиасу.

— Наверно, это традиция?

Молодой человек уткнул нос в один из колокольчиков. Приятный бело-зеленый запах напомнил ему отдушки для туалета. Он разозлился на себя за эту ассоциацию.

— Ландыши в начале июня! Да уж, оригинальнее традиции не придумаешь! — развеселилась Клодина.

— Душа моя! Посерьезнее!

Воздев указательный палец, Клодина заставила мужа замолчать и, не спуская с Элиаса глаз, объяснила ему всю особенность ландышей. Эти цветы, как и все лилейные или, например, пионы и сами лилии, так тонко устроены, что никакая техника экстракции не позволяет получить из них экстракт или абсолю[14]. Но парфюмеры, очень не любившие сталкиваться с сопротивлением, пустились на хитрость. При помощи носа и достижений органической химии они сумели искусственно воссоздать запах ландыша, столь ревниво оберегаемый природой. Подобные растения называли немыми цветами.

---

[14] Примечания: 14

Абсолю — вещества, посредством спирта извлеченные из конкрета (экстракта).

— Значит, вы хотите намекнуть мужу, что иногда надо помолчать?

Смех Клодины звонко раскатился по комнате. Элиас покраснел.

— Я смотрю на это по-другому. Мне важнее, чтобы он всегда держал в голове, что не надо ничего и никогда от меня скрывать. Потому что я непременно найду способ развязать ему язык.

Вот так Клодина сумела тогда настоять на своем присутствии при поворотном моменте в жизни Элиаса.

В это мгновение воспоминание ускорилось. Точность и истинность реминисценции уступили место жару эмоций.

— Я заметил, как свободно ты себя чувствуешь с запахами. У тебя настоящий талант.

Эти слова Алена отозвались в юноше с такой силой, что породили всплеск огромной радости. А потом ольфактор предложил ему место ассистента, на что Элиас без раздумий согласился. Впервые в него поверили. Впервые дали повод двинуться по дороге, которая прежде никуда не вела. Эмоции теснились, опережая друг друга. Гордость, признательность, облегчение. Они овладевали им все вместе и каждая по отдельности. Элиас принимал всё. Это было прекрасно,

величественно, а главное, усилено эффектом летучей мемоактивной субстанции.

И наконец, чтобы отпраздновать такую важную новость, Клодина принесла из кухни нарезанный лимонный пирог. Какой же он был вкусный. Словно только-только из лавки кондитера. Ностальгия обладает безумной способностью приукрашивать все, к чему прикасается. Если по воспоминаниям пирог был просто хорош, то теперь он становился поистине божественным.

— Недостатки моего мужа систематически искупаются его кулинарными талантами.

Это замечание заставило всех троих расхохотаться.

Элиас вынырнул, удовлетворенный и измученный. Это маленькое путешествие вызвало у него желание повидать Клодину, и он пообещал себе до отъезда в Фонтенбло нанести ей визит. Потом он встал, убрал свою ЛМС в тайник и прилег на диван. От усталости уже пощипывало в глазах. Психотроп с удесятеренной силой оживил воспоминание о моменте, который воплощал для Элиаса окончание его мучений и блужданий. И напомнил обо всем, чем он был обязан Алену. Умиротворенный, как сын, добившийся признания в глазах отца, он заснул.

7

Утро субботы не принесло Норе покоя. Герой мимолетного романа (на один вечер, не долее!) явно лелеял намеренье стать романом всей ее жизни. Поначалу, прибегнув к дипломатии, она использовала все мыслимые формулировки, пытаясь объяснить, что суженая ждет его не здесь. Но поскольку нет никого глупее того, кто попросту не желает понимать, ее разглагольствования пропали втуне. Чуть позже она обнаружила его голым на кухне. Нимало не смущаясь, он потягивал кофе из ее любимой чашки. У каждого человека есть такая любимая чашка. Сочетающая в себе хорошую термоизоляцию, удобную ручку и единственно нужную вместимость. Что стало последней каплей? Момент, когда он, по-прежнему голышом, устроился перед телевизором, чтобы посмотреть *ConsoMag*[15]. Вот тут она отбросила белые перчатки и без обиняков выставила его вон. Ночной недосып взял верх над терпеливостью.

---

[15] Примечания: 15

ConsoMag — французский тележурнал, посвященный правильному потреблению повседневных продуктов и услуг.

Нора жила в окружении минимального количества вещей, как в доме-образце, который демонстрируют потенциальным покупателям. Все ее добро, включая мебель, помещалось в грузовик объемом в двенадцать кубометров. Она это знала точно, потому что в день последнего переезда одной ходки такого грузовика оказалось достаточно. Она считала, что деньги лучше тратить на инвестиции, так что все ее сбережения вкладывались в недвижимость. К нынешнему дню она владела двумя маленькими квартирами на окраине Парижа, полностью препорученными управляющей компании, — сама Нора терпеть не могла заниматься администрированием. Чем сложнее была ее профессиональная жизнь, тем больше ей хотелось простоты в жизни личной. Чтобы освободить голову, она занималась бегом. Всякий раз, когда возникала такая потребность. То есть почти каждый день. У нее не имелось никакого домашнего питомца, привязанности ее раздражали. Она видела родителей и двух братьев на днях рождения и на Рождество. Иногда на похоронах. Этого ей вполне хватало.

Поскольку в качестве кризисного управляющего Нора давала больше двух интервью в неделю, она обставила свой домашний кабинет как

комнату для видеоконференций. Единственное место в доме, где можно было увидеть картину. Полотно красовалось у нее за спиной, когда она выходила на связь. Она не знала имени художника и выбрала самое безобидное произведение из всех возможных. Плоскости неярких цветов и более-менее геометрических форм на пастельном фоне. Воплощение консенсуса, а значит, ровно то, что нужно.

Она поискала среди избранных контактов в зашифрованной программе видеоконференции файл Стива и нажала на иконку «вызов». Как руководитель службы кибернаблюдения он часто оказывал помощь сотрудникам «Фрагранции». И теперь, когда очередная миссия перешла в разряд личных дел, Нора собиралась неприкрыто этой помощью злоупотребить. Когда на экране возникло его лицо, она заметила на заднем плане рабочие столы центра. Он помахал ей рукой, одновременно запустив другую в пакетик с желейными конфетами.

— Ты в курсе, что сегодня суббота? Так что же ты делаешь в центре? — поинтересовалась она.

— Скорость интернета здесь просто сумасшедшая. Гигабайт фильма грузится за двенадцать секунд. Я этим утром скачал все эпизоды «One

Piece»[16]. Хочешь, скину тебе на флешку?

Он извлек из пакета конфету в форме розовой клубничины и попытался забросить ее в рот. Промахнулся, но сделал вид, что так и надо. Нора улыбнулась:

— Нет, спасибо. Только не говори мне, что ты отправился в бюро, чтобы посмотреть мангу.

— Это называется аниме. И должен тебя заверить, что я предпочел бы посидеть дома. Но один левый блог испоганил мне все выходные. Ночью какие-то скоты опубликовали разоблачительную статью про «Фраганцию». Мне даже пришлось обратиться за помощью к близняшкам, чтобы остановить *leak*[17].

Он развернул веб-камеру так, чтобы показать двух женщин, отчаянно сражающихся в пинг-понг.

— По-моему, ты перегрузил их работой.

— Нет, просто ты появилась уже после битвы.

Сначала они запустили троллинг, чтобы очернить журналиста в комментариях. Поскольку этого оказалось недостаточно — число прочте-

---

[16] Примечания: 16

«One Piece. Большой куш» — манга японского художника Эйитиро Оды, выходящая с 1997 года, и ее аниме-экранизация.

[17] Примечания: 17

Утечка *(англ.)*.

ний и репостов все равно постоянно росло, — они перешли на следующий, более высокий уровень. В десять часов двенадцать минут их трио запустило DDoS-атаку. Очень много компьютеров одновременно отправляют на сайт огромный поток запросов, это вызывает перегрузку ресурсов сервера и прекращение его работы. Буквально через несколько минут вместо блога на экране стала высвечиваться страница *404 not found*[18]. Потребуются часы, чтобы все исправить.

Стиву во «Фрагранции» была отведена решающая роль. И хотя некоторые считали его работу цензурой, сам он рассматривал ее как обеспечение конфиденциальности. Основной задачей его команды было создание профиля каждого будущего пациента. Жизнь тех, кто желал принять участие в сеансах ольфакторного воспоминания, разбиралась по косточкам путем самого досконального расследования. Сотрудники Стива выискивали данные об их образовании, профессии, адресе, друзьях, хобби, политических взглядах и всех потребительских привычках. Клиенты, пускай даже в большинстве своем и весьма продвинутого возраста, как минимум

[18] Примечания: 18

«Ошибка 404» *(англ.),* означающая, что на сервере по указанному адресу нет искомой страницы.

имели личную страницу в «Фейсбуке»[19], что облегчало работу кибернаблюдателей. Люди не осознают, какой объем информации они сливают в социальные сети. Законченный циник Стив имел привычку говорить: «Мы ничего у них не просим, они сами нам все преподносят. Мы не шпионим, а словно бы открываем окно и выглядываем наружу».

Если же поиск в социальных сетях и вообще на просторах интернета ничего не давал, соискатель получал от ворот поворот. Попросту нет — и всё. Корнелия ненавидела рисковать. Желая защитить «Фраганцию», она зашла еще дальше: надеяться быть принятым на работу мог лишь тот, за кого ручались двое постоянных сотрудников, и если хоть один из троих нарушал регламент, увольняли всю троицу. Несмотря на эти препоны, количество просьб о приеме постоянно увеличивалось, и компания показывала такие результаты, перед которыми бледнели самые успешные французские предприятия.

[19] Примечания: 19

Здесь и далее в тексте упоминаются социальные сети *Facebook* и *Instagram*. Действующее законодательство РФ обязывает нас указывать, что «деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации». — *Примеч. ред.*

Корнелия считала Стива и его команду стражами своей империи и предоставляла им практически неограниченный бюджет.

Нора отсканировала досье следователя Аббада и послала Стиву.

— Не станешь же ты подкидывать мне работенку после скандала, который я только что замял? Какое бездушие.

— Дело важное. С твоими умениями у тебя это не займет и десяти минут. Мне нужен лучший.

Стив покраснел:

— Ладно, чего ты хочешь?

В досье, которое Аббад так любезно передал ей в парке, Нора обнаружила имя главного подозреваемого: некий Симон Вильме. И, прочитав все, что имелось на него у полиции, пришла к выводу, что углубленный поиск отнюдь не помешает.

— Загляни ко мне во вторник. К тому времени у твоего субъекта уже не будет от меня секретов.

Если Стив объединится с судебной полицией, расследование быстро даст результаты, подумала Нора и поблагодарила главу службы кибернаблюдения. Тот же, не дав ей времени попрощаться, мгновенно положил конец разговору, так что через несколько секунд черный экран компьютера отражал лишь Норино лицо. Что бы там ни

скрывал этот самый Симон Вильме, он обречен: минуту назад Нора пустила по его следу свою лучшую ищейку.

8

Чтобы появиться в лаборатории в воскресенье, Ален готов был воспользоваться любым предлогом. Проверить уровень ЛМС, проветрить кабинет, помыть кофемашину. За этими увертками скрывалось властное желание как можно быстрее вернуться к работе. В тот день судьба преподнесла такой предлог на блюдечке. Администратор центра выдал ему аккредитацию на взятие атмосферной пробы. Поэтому Ален вытащил на свет божий парфюмерный орган[20], почти такой же старый, как он сам. Сундук, заполненный базовыми эссенциями, в эпоху искусственного интеллекта и портативных аппаратов *headspace*[21] во «Фраграции» считали данью старомодности и экстравагантности. Ален

---

[20] Примечания: 20

Парфюмерный орган — рабочий стол парфюмера (иногда, как в данном случае, портативный), состоящий из полочек с баночками, в которых содержатся ароматические эссенции. Термин впервые был употреблен в книге «Наоборот» Жорис-Карла Гюисманса и закрепился в профессиональной терминологии парфюмеров.

[21] Примечания: 21

Headspace — разработанная швейцарским химиком Романом Кайзером технология, позволяющая улавливать ароматные молекулы из воздуха, чтобы затем проводить их анализ и воссоздавать их в лабораторных условиях.

же, напротив, не разделял пристрастия к курсу на инновации, которого придерживалась компания. Он был убежден, что рано или поздно мир образумится и положит конец технологической гонке. А пока этот момент не наступил, он не изменит в своей партитуре ни единой ноты.

Повернув ключ в замке, ольфактор заметил, что дверь не заперта на два оборота. Неслышным шагом он прошел по коридору в приемную, где и обнаружил Элиаса, спящего на диване. Он разбудил парнишку, и тот своим выражением лица отчего-то напомнил ему зайца, мечущегося вслепую по скоростной автостраде. Ален тут же предложил ассистенту поехать на задание вместе. Причину он выбрал идеальную, поскольку обоснованную: помощь с GPS. В последний раз, когда Ален использовал это чертово приспособление, отправляясь в соседний Ле-Ман-Ажан, дело кончилось тем, что ему пришлось предъявлять документы на испанской границе.

Жалкий, растерянный, все еще полусонный, Элиас был решительно не способен вспомнить, как очутился в лаборатории. Он так сильно паниковал, что Ален поспешил успокоить своего подопечного. Сумев наконец привести мысли в порядок, Элиас машинально достал жетон и стал

с ним играться. Все возвращалось на круги своя.

— Итак, Элиас, помоги мне снести орган в машину.

— А куда мы едем?

— К морю.

Из багажника спортивной машины доносилось звяканье сталкивающихся склянок. Салон вибрировал, Ален рулил на большой скорости, шины визжали на поворотах.

На полдороге он уголком глаза проверил состояние своего пассажира. Какое же удручающее впечатление произвел на него при первой встрече потерянный вид молодого человека! Между прочим, Элиас так и остался бы простым пациентом, если бы однажды не продемонстрировал поразительную тонкость восприятия. Такую, что на следующем же сеансе Ален пригласил его к себе домой и предложил стать своим ассистентом. Лучшее решение в его карьере.

В какой-то момент Элиас вроде бы окончательно пришел в себя. Он поморгал, потянулся и прибавил звук радио. Иногда Ален задавался вопросом, куда именно уносились мысли его подшефного. Во всяком случае достаточно далеко, чтобы, очнувшись, он чувствовал себя огорошенным в мире адекватных людей.

Ален питал к Элиасу отцовскую привязанность. И был признателен ему за это неожиданное чувство — олигоспермия[22] свела к нулю его собственные шансы иметь детей. Впрочем, Клодина никогда их и не хотела.

По мере приближения к цели воздух все больше насыщался йодом. Скоро они прибудут к месту назначения.

Ален припарковался и заглушил мотор. Авторадио с его передачей о здоровье замолкло, оставив Элиаса наедине с фундаментальным вопросом: получит ли он, молодой контрактник, рекомендацию или нарвется на отказ?

Прежде чем вылезти из машины, Ален попросил спутника осторожнее открывать дверцу, чтобы не улетела коллекция талончиков на парковку. Элиас ухватил тяжеленный сундук за ручки и вытащил из багажника. Затем они двинулись по тропинке, ведущей через дюны. Слышалось, как волны шуршат по песку. Воздух был теплым. Им потребовалось всего несколько минут, чтобы оказаться на пляже. Не считая чаек и парочки серфингистов, горизонт был пуст.

Жестом Ален дал Элиасу понять, что следует

---

[22] Примечания: 22

Олигоспермия — уменьшение числа активных сперматозоидов.

подготовить орган. Молодой человек наклонился над сундуком и расцепил два хромированных замка-защелки. Хитроумный механизм в мгновение ока превратил сундук с отсеками в башенку-этажерку. Каждый выдвижной ящик был заполнен флаконами с жидкостями. Все они были рассортированы по обонятельным семействам[23]. Наверху гесперидины, внизу фураны[24], посередине зеленые ноты. Ориентироваться в них было детской забавой. Элиас погладил пробки кончиками пальцев. Завороженный песней запахов, он испытывал желание немедленно все испробовать.

Ален подошел поближе и начал перебирать склянки.

— Можешь воспроизвести окружающую нас атмосферу?

Сердце Элиаса пропустило удар. Он вытер ладони о брюки и потоптался на месте. Его охватило возбуждение. Впервые он проведет эксперимент совершенно самостоятельно.

---

[23] Примечания: 23

Обонятельные семейства — классификация, созданная Французским обществом парфюмеров в 1984 году. Выделяет семь основных групп: цитрусовые, цветочные, фужерные, шипровые, древесные, восточные (или амбровые) и ароматические.

[24] Примечания: 24

Фуран — бесцветная жидкость с характерным запахом хлороформа.

Ален чуть не опрокинулся назад, усаживаясь на пригорок. Вдали серфингисты скользили по океанской ряби.

Атмосфера была такой насыщенной, что Элиас не знал, с чего начинать. Он огляделся, чтобы выбрать обонятельный ориентир. Нагретые солнцем водоросли, скудная растительность дюн, сухой песок, мокрый песок. Его завалило информацией. Ален растянулся на спине.

— Эй, мальчик мой, подыши.

Это простое слово подействовало на молодого человека как электрошок. Он закрыл глаза и превозмог внутренний галдеж. Все разговоры в мире смолкли, и воцарилась полная тишина. Через несколько мгновений он расслышал шепот запахов. Элиас понимал их язык. Язык невидимого, невыразимого. Он претворял каждый доносящийся до его носа запах в исходную субстанцию. И давал названия каждому фантому. Варварские названия. Химические. Научные. Когда они заполнили его рот, он выговорил их на одном дыхании. Произнести означает приручить. Флюиды переходили в его собственность. Именно так запах песка превратился в тоналид. Это первичное вещество из семейства полициклических мускусов обладало сухими землистыми

оттенками, Элиасу придется напитать его водой, чтобы приблизиться к реальности. Геосмин[25] — вот тот синтетический продукт, который его смочит. Один крик чайки спустя он перешел к фукусу[26]. Вполне подойдет абсолю водорослей в смеси с нонадиеналем[27]. Элиас отряхнул штаны и направился к сундуку. Наклонился и, найдя абсолю, порылся на разных полочках в поисках нонадиеналя. Тщетно. Хотел было пожаловаться Алену, но сообразил, что имеет смысл вспомнить полное название вещества: транс-2-цис-6-нонадиеналь. Попытка найти нужную этикетку увенчалась успехом. Эта молекула привнесет в абсолю воздушную мощь, которая дополнит оттенки огурца и листьев фиалки. Он смешал запах песка и водорослей, а затем поднес блоттер к носу. Хорошее начало, но не слишком убедительное. «Калон»[28]. Основополагающее вещество морских ноток, жрец озона и король всего вод-

---

[25] Примечания: 25

Геосмин — органическое вещество; переводится как «запах земли».

[26] Примечания: 26

Фукус — разновидность бурых водорослей.

[27] Примечания: 27

Нонадиеналь — огуречный альдегид, он же альдегид листьев фиалки.

[28] Примечания: 28

Калон — согласно парфюмерному словарю, синтетический материал с морским запахом.

ного. У Алена был только десятипроцентный этаноловый раствор. Ничего, Элиас выкрутится. Эта субстанция сымитирует запах брызг и пены.

Его игра ассоциаций начинала приобретать формы. Однако сам он пока рассматривал свою работу лишь как вульгарное обезьянничанье. Неуклюжий набросок реальности, слишком, слишком богатой, чтобы ее можно было охватить целиком. В таком виде смесь была карикатурой. Последний штрих превратит ее в почтительную копию. Оглядывая сотни этикеток, он остановился на одной из них: линалилацетат. Отлично. Добрая доза этой эссенции даст сочетанию взрывную вибрацию и привнесет серебристую текучесть, подобную рыбьей чешуе.

Ален, наблюдавший за ним издалека, подумал, что Элиас переменился. Это был уже не боязливый мальчик, растерянный и эмоционально неуравновешенный. От него исходила дерзкая уверенность. Та же уверенность, свидетелем зарождения которой он стал четыре года назад в своем кабинете.

— Без тебя лаборатория покажется опустевшей.

Поднимающийся ветер не позволил этому замечанию долететь до ушей Элиаса. Но наставник

не стал повторять свои слова. Это был момент слабости, сумевшей пробить барьер привычной стыдливой сдержанности. Больше он такого не допустит.

Элиас продолжал экспериментировать, от попытки к попытке меняя дозировку. Капля за каплей, оттенок за оттенком.

Через несколько минут он поднял голову и объявил, что закончил. Убрал все материалы, протер стеклянные сосуды и протянул флакончик Алену. Тот поднес его к носу. И ничего не почувствовал. Только спиртовую основу. Фруктовую и одуряющую. Он скрыл свое разочарование за вежливой улыбкой.

— Ну что?

— Неуверенная ретранскрипция. Но ты не расстраивайся. Обучение в центре даст тебе кучу времени для самосовершенствования.

Элиас опустил глаза. Порыв ветра взметнул его волосы, откинув их с лица. Бледного и угрюмого.

Ален его успокоил. Это было совершенно нормально, Элиасу попросту не хватало опыта. Воссоздать атмосферу без помощи машины было делом если не невозможным, то безусловно сложным. Мало кто способен на такое геройство, но Ален не сомневался, что Элиас, вкалывая так,

как он умел, рано или поздно присоединится к элите. Ален засунул флакончик в карман, встал и похлопал ассистента по плечу.

— Если бы только ты смог увидеть в себе то, что вижу в тебе я. Твои способности ограничены лишь твоими страхами.

Ветер прошелся по дюне, и принесенный им песок хлестнул в лицо им двоим. Природа намекала, что людям пора удалиться. Они не заставили просить себя дважды.

Обратная дорога была оживленнее, чем путь на пляж. Потерпев неудачу, Элиас не удержался и поделился своими страхами провалиться во время обучения на ольфактора в штаб-квартире «Фрагранции». Сегодняшнее фиаско вызвало у него желание отложить поездку и остаться еще на какое-то время ассистентом Алена. Тот постарался его убедить, что мечту нельзя откладывать в долгий ящик. Когда удача сама плывет в руки, ее следует ловить.

— Я понимаю, что тебе страшно. То, что тебе предстоит, вовсе не пустяк. Но нельзя, приложив столько усилий, уходить с финишной прямой.

— А мы будем снова работать вместе, когда я стану ольфактором?

— Конечно. Так легко ты от меня не отдела-

ешься.

Умиротворенный, Элиас убрал жетон в карман.

Высадив Элиаса у его дома, Ален не уехал, а еще несколько минут постоял, припарковавшись вторым рядом. Интуиция подсказала ему засучить рукав рубашки выше локтя и уткнуться носом в сгиб предплечья. Полезный технический прием: несколько секунд вдыхаешь собственные эманации, чтобы перезапустить обоняние. Некоторые парфюмеры предлагали клиентам зерна кофе, чтобы добиться того же эффекта. Как только Ален стер из памяти атмосферу салона автомобиля, он достал флакончик, отвинтил черную пробку и снова понюхал пробный состав Элиаса. И трепетно закупорил флакон. Он совершил грубейшую ошибку, решив оценить состав непосредственно на пляже. А здесь, в центре квартала Болле, и волны, и водоросли, и песок, и рыбы, и чайки, и галька, и все прочее, что можно увидеть на берегу моря, немедля ожило и всплыло на поверхность.

Элиас решительно был лучшим выбором за всю его карьеру.

9

Ранним утром понедельника Нора перечитала свои заметки, готовясь к телефонному интервью для первого сегодняшнего выпуска «Франс интер»[29]. Одной из ее многочисленных обязанностей было общение с массмедиа, а также обезвреживание слухов, которые не удалось пресечь команде Стива. Телевидение, радио, пресса — Нора сражалась по всем фронтам.

Политика Корнелии в том, что касалось контактов с общественностью, отличалась прямо-таки обескураживающей простотой: чтобы жить счастливо, надо жить скрытно. С этой целью директриса вела непрерывную охоту на тех, кто пытался осветить деятельность «Фрагранции». Она использовала все мыслимые способы, как легальные, так и менее благовидные, чтобы ее предприятие оставалось в тени. Прежде политика «ноль информации» срабатывала, но в последние месяцы начались сложности. С некоторых пор ее предприятие стало давать пищу самым безумным

[29] Примечания: 29

«Франс интер» («France Inter») — французский общественный радиоканал.

фантазиям — и все из-за распространяющейся в социальных сетях глобальной мнительности и роста популярности теорий заговора. Добавьте к этому смехотворный процент приема новых пациентов, и вот уже «Фрагранция» превращается в масонскую ложу под управлением рептилий-иллюминатов. На протяжении последней недели видео, тайком снятое в кабинете ольфактора, пользовалось скромным успехом в интернете. Отделу кибербезопасности потребовалось совсем немного времени, чтобы идентифицировать филиал в Гренобле, и еще меньше, чтобы отыскать нежеланного глашатая тревоги. Хотя с ним самим все уладили с присущей внутренним разборкам строжайшей секретностью, его клип подхлестнул медийный аппетит, вызываемый загадочностью «Фрагранции». В своем сегодняшнем интервью Нора рассчитывала напомнить всем о нормальности предприятия.

Ее телефон зазвонил ровно в восемь. Выступления в прямом эфире уже давно не вызывали в ней никакого волнения. Спокойная и расслабленная, она слушала, как ассистентка вкратце описывала предполагаемый ход беседы. Ее попросили вырубить радио, чтобы избежать помех и наложения звука, прежде чем подключить непо-

средственно к утреннему выпуску «7/10». После вынужденно краткого предисловия с описанием «Фрагранции» — у журналистов не оставалось иного выбора, настолько редкими были вбросы информации — они перешли к главной теме.

— Но говоря конкретно, какого рода услуги предлагает «Фрагранция»?

Привычно придерживаясь тщательно выверенных формулировок, Нора заявила, что они оказывают самые обычные услуги оздоровительного центра ароматерапии. Неудовлетворенные ответом, ее собеседники возразили, что известно не так уж много оздоровительных центров, которые придерживались бы настолько жесткой политики в отношении новых клиентов и культивировали бы такую секретность. Нора в ответ заметила, что они гарантируют своим пациентам полную конфиденциальность и несут за нее ответственность. Именно эта гарантия и привлекает клиентов, побуждая обращаться в столь престижное заведение, как «Фрагранция». Журналистка с раздражением продолжила:

— А эта субстанция, которую называют ЛМС? Что вы можете о ней сказать?

— Это всего лишь активное вещество, используемое для релаксации. Мы применяем его с

целью совершенствования наших сеансов ароматерапии.

— Однако что вы ответите тем, кто считает данный продукт психотропом, который может обострять эмоции?

— Что я, оказывается, была не в курсе того, что мы располагаем подобным изобретением… При случае надо будет испытать его на себе. А говоря серьезно, единственные активные вещества, которые вы могли бы у нас найти, это эфирные масла. И если мы начнем утверждать, будто лавандовый экстракт является наркотиком, то многие профессиональные медики рискуют оказаться за решеткой. Я могу вас заверить в легальности предоставляемых нами услуг и соответствии их всем существующим нормам. Распространяемые о нас слухи — это лишь следствие нашей корректности. В обществе, где царит желание все всегда и обо всех знать, подобная конфиденциальность порождает разные небылицы. Любое успешное предприятие неизбежно привлекает к себе внимание злопыхателей.

Тут взял слово помалкивавший до поры до времени второй журналист. Один из источников недавно сообщил о проведении в Марселе широкомасштабной операции по борьбе с

наркотиками, в ходе которой неоднократно упоминалась «Фрагранция». Как сегодняшняя гостья объяснит связь между оздоровительным центром и бригадой наркоконтроля? Нора ушла от ответа, заявив, что не знает всех обстоятельств дела. Журналисты явно не располагали достаточной информацией, чтобы это представляло серьезный риск.

За защитой последовало нападение. Откровенно угрожая, она напомнила, какую важность «Фрагранция» придает борьбе с диффамацией, и воспользовалась моментом, чтобы привести список свершений компании в данной области — исключительно для проформы, поскольку любой журналист был в курсе репутации фирмы и той цены, которую некоторые корреспонденты вынуждены были заплатить за попытку слишком подробно осветить ее деятельность. За долгие годы Корнелия стольким дала на лапу ради сохранения секретности, что на сегодняшний день «Фрагранция» была практически неприкосновенна.

Недовольные тем, какой безобидный оборот принимает разговор, журналисты поблагодарили гостью и запустили новостной блок. Главными событиями стали рекордная жара и победа фут-

больного клуба «Ланс» над «Пари Сен-Жермен» в первой лиге.

Скинув с себя эту ношу, Нора смогла сосредоточиться на по-настоящему срочном деле. Она достала из шкафа черный костюм. Ей необязательно было облачаться в униформу «Фраграции», поскольку сегодня она работала из дома, но привычка — это зло, которое трудно искоренить. Налив себе кофе, она вернулась в кабинет. Возложенная на нее Аббадом миссия поглощала все ее внимание; только разобравшись с ней побыстрее, Нора снова сможет нормально дышать. Она уже подключила к делу кибербезопасность. Теперь следовало выискать время в расписании этой недели. Она проглядела графики загруженности других служб, чья помощь ей наверняка понадобится. Но у всех, кто мог бы подставить ей плечо, планинг на ближайшие дни был заполнен до отказа. Значит, придется довольствоваться оставшимися паршивыми овцами, которых удастся призвать на службу. Обычно такие непредвиденные препятствия Нору не смущали, но на этот раз риск был слишком велик. Молодая женщина на несколько мгновений замерла в нерешительности. Вопросы, со вчерашнего дня роившиеся у нее в голове, становились все тягостнее. Ей

необходимо было все прояснить, хотя бы для очистки совести.

Она открыла в телефоне приложение для закодированных сообщений и нажала на единственный контакт в меню. После секундного колебания — она уже давно с ним не общалась — отправила: «Ситуация?»

С этим собеседником они ввели в привычку изъясняться как можно лаконичнее. И в десятках скупых сообщений одно слово встречалось особенно часто: «Искра». Ответ пришел почти незамедлительно. Она прочла такое же краткое, как обычно, сообщение: «Спалился».

Нора получила подтверждение нанесенного ей удара. Значит, Аббад не блефовал.

Это началось в конце ее второго года, почти сразу после того, как ее назначили кризисным менеджером и правой рукой Корнелии. Тогда полиция принялась устраивать рейды по первым подпольным лабораториям, и Нора однажды принесла к себе в кабинет часть конфискованной фальсифицированной ЛСМ. Хотя поначалу она испытывала недоверие к этому некачественному контрафакту, со временем ею овладело пагубное любопытство. Первые порывы соблазна ей удалось побороть: мозг просто реагировал на

природную тягу к запретному, увещевала она себя. Но желание опробовать эту субстанцию становилось все сильнее. Дальнейшее, как часто случается в жизни, явилось результатом несчастливого стечения обстоятельств. Череда сложностей и стрессовых ситуаций — и в конце концов Нора не устояла. В один прекрасный вечер, после тяжелых рабочих часов, в тишине кабинета, еще полнившегося атмосферой бурной дневной деятельности, Нора впервые увидела в этом веществе нечто вроде лазейки. Лазейки туда, где можно отвлечься и развлечься. Вот что она об этом думала первое время. Основанная на той же молекуле, что и версия «Фраганции», подпольная ЛСМ усиливала главным образом приход. Изначальное эйфорическое состояние длилось в пять-десять раз дольше. Зато эта субстанция намного слабее подстегивала обонятельные реминисценции. Протестировав ее позже вместе со знакомыми запахами, Нора заметила, что погружение под поддельной ЛСМ придавало воспоминаниям смутное, расплывчатое и химическое послевкусие. Смахивало на сон под снотворным. Она пробуждалась оглушенной, вялой, так и не испытавшей никаких настоящих ощущений, кроме чувства, что была пьяна. Поэтому после

первого приема — как, кстати, и после второго и третьего — молодая женщина не поняла, с чего вдруг вокруг этого продукта разыгрались такие страсти… но со временем выяснилось, что в этом-то и заключалась вся проблема. Поскольку эффект наступал не как резкое потрясение основ, а скорее как бархатистая эйфория, Нора слишком поздно осознала, в какой попала переплет. Это произошло лишь через несколько месяцев, когда она подсела окончательно. Коварная жалкая зависимость завладела ею целиком, и ловушка захлопнулась. Стоило возникнуть сложной ситуации — а ее пост предоставлял их в избытке, — и она закрывалась в своем кабинете, чтобы пуститься в недолгий побег. Каждая очередная доза обеспечивала женщине передышку, вздох, позволяющий лучше справиться со следующим препятствием. А поскольку запас полицейского конфиската быстро иссяк, ей пришлось искать поставщика. С ее связями и положением это было проще простого. Найденный дилер предложил в качестве обменной точки табачный магазинчик в Париже. «Искра». Название магазинчика и стало их паролем. Оно заключало в себе слабость Норы, ее зависимость, ее тайну. Шепотом изданный призывный клич. Глубоко запрятан-

ный стыд.

«Искра». Выбор казался ей насмешкой — сейчас, когда вся ее карьера могла вот-вот обратиться в дым. Раз уж полиция умудрилась добраться до ее личного дилера и теперь использовала ее же пароль для шантажа. Самым обидным в этой истории было то, что Нора уже больше года не употребляла поддельную ЛСМ. Воспоминания о том мрачном периоде вгоняли ее в смятение. Она знала, что еще далеко не спасена. Да и можно ли чувствовать себя застрахованной от соблазна, когда тебе уже знаком мучительный экстаз порока?

Она сделала глубокий вдох и отложила телефон. Внезапно ею овладело неудержимое желание пойти побегать. Нора переоделась, влезла в кроссовки и двинулась по привычному маршруту. Ровное дыхание, послушное тело — с первых шагов Нора знала, что это будет освободительный бег. В беспроводных наушниках Woodkid пел «Run Boy Run»[30]. Планеты наконец-то выстраивались в правильном порядке. Вскоре она почувствовала первые выплески эндорфина.

---

[30] Примечания: 30

«Беги, парень, беги» *(англ.)* — сингл французского клипмейкера, автора-исполнителя и дизайнера Йоанна Лемуана (он же Woodkid) 2012 года.

Прибавила скорость. Ляжки напрягались, ступни отталкивались от асфальта. Неудержимая. Она бежала в ритме толчков сердца. Вся в поту, с растянутыми до бесконечности мускулами. Любые проблемы сейчас казались далекими. Благодаря усилиям тела все становилось простым. Пока мозг занят превозмоганием боли, с человеком происходит нечто спасительное. Все внешнее предстает ничтожным. В отбивающих ритм шагах было что-то примитивное. Она поможет следователю найти виновного, и все вернется на круги своя. На полдороге телефон, закрепленный в кармашке на руке, завибрировал, и музыка прервалась, уступив место звонку. Нора узнала номер регистрационного отдела «Фрагранции» и ответила.

— Мадам Олссон, у нас проблема.

10

В мире насчитывалось тридцать два ольфактора. Восемь практиковали в Фонтенбло, остальные двадцать четыре обосновались в каждом крупном городе Франции. Чтобы стать частью этой элиты элит, требовалось пройти долгую и сложную процедуру, причем возможность предложить свою кандидатуру имел только сотрудник «Фрагранции». Одно это уже представляло собой немалый вызов: на *Linkedin* список вакансий в тайных сообществах, естественно, не публиковался. На следующем этапе наемный работник, имеющий не менее четырех лет стажа, мог поступить на обучение в центр в Фонтенбло исключительно под поручительство и при поддержке своего наставника. Элиас Револь сейчас пребывал в начале именно этого этапа. Само обучение занимало от двух до пяти лет. Период, на протяжении которого новобранец ждал, когда освободится место одного из тридцати двух практикующих специалистов. Тогда ему предложат выкупить лицензию уходящего на покой. Но если Корнелия не замечала в нем требуемого таланта, то все

усилия ученика могли в любой момент пойти прахом. Никто не имел шанса стать ольфактором по какой-то случайности.

Утром в понедельник Элиас явился домой к Алену. Именно оттуда его должна была забрать машина, присланная центром. Он приехал чуть раньше, чтобы выпить кофе с Клодиной. Увидев, как он заходит на кухню, та бросилась к нему и от души обняла. Элиас отметил, что на ней были духи, изготовленные Аленом. Тот дарил жене свое новое творение к каждой годовщине свадьбы. Традиция, остававшаяся незыблемой даже после стольких лет. У Клодины были странные отношения с ароматами: ее предпочтения следовали строгим циклам, последовательно перебирая все семь обонятельных семейств. Во время их предыдущей встречи мадам Фиссон вступала в фазу «цветочные духи». Высвободившись из ее душистых объятий, Элиас пришел к выводу, что нынешний период — это «шипровый с фруктовыми нотами». И очень обрадовался. Аккорд этого типа, основными составляющими которого являлись бергамот, персик, дубовый мох, пачули и ладанник благородный, был у молодого человека среди самых любимых. И даме не первой молодости классическая формула, чуть сдобренная

мазком современности, придавала сдержанный оттенок юности.

Клодина и Элиас как раз беседовали за чашечкой крепкого кофе, когда к ним присоединился ноющий Ален. У ольфактора сложилось впечатление, будто кто-то прикасался к его коллекции снежных шаров. Пока Клодина беспардонно врала, заверяя, что она тут ни при чем, Элиас, тщетно пытавшийся вернуть разговор в прежнее русло, внезапно различил в завитках ароматного пара, поднимающегося от черной жидкости, нотки индола[31]. У этого препарата была одна особенность: в чистом виде он обладал сильным фекальным запахом, но, дистиллированный в очень малом количестве, приобретал цветущие чувственные акценты. Парфюмеры единодушно выбирали это исполненное парадоксов вещество, чтобы оттенить композиции из белых цветов. С закрытыми глазами Элиас разбирал на составляющие каждый нюанс напитка, позволяя жидкости остыть.

— Тебе следовало предупредить нас, Элиас, что ты предпочитаешь фраппучино.

Шутка Алена не понравилась Клодине, и та

[31] Примечания: 31

Индол — ароматическое соединение, бесцветные кристаллы с запахом, напоминающим запах капусты.

незаметно хлопнула мужа по руке. Ален давно подметил: когда Элиас, чтобы успокоиться, укрывается в ольфакторном мире, он становится похожим на аватара из видеоигр, которого отключили от главного сервера. Но если наставник не позволит себе даже подшутить над поведением ассистента, то малышу так никогда и не удастся с собой совладать. Ален был убежден, что именно ирония позволяет продвигаться гигантскими шагами по пути выздоровления и принятия себя.

Скрип гравия под колесами въезжающей во двор машины положил конец его размышлениям. Прощание было коротким, тем более что Ален вскоре приедет в центр для участия во внеочередной генеральной ассамблее. Единственный багаж Элиаса состоял из рюкзака с черной одеждой. Строгий дресс-код, заведенный Корнелией, еще одна из ее многочисленных эксцентричных штучек. Из машины вышел мужчина и, не говоря ни слова, открыл заднюю дверцу. Элиас бросил последний тревожный взгляд на Клодину и Алена, прежде чем залезть в салон. Ровно в десять часов седан с затемненными стеклами отъехал от жилища Фиссонов.

В дороге Элиас заметил, что от водителя исходит весьма дешевый аромат. Это наблюдение

немного успокоило молодого человека. Он-то воображал, будто сотрудники центра благоухают более изысканным парфюмом, нежели продукция из супермаркета.

Он впервые так надолго покидал свой город. Элиас вырос в Мане и еще несколько лет назад был уверен, что там и умрет. В глобализированном мире, где нормой считалось беспрерывное движение, отдать концы в той же больнице, в стенах которой вы появились на свет, выглядело бунтарством. Словно осознавая всю серьезность этого отъезда, водитель предоставил молодому человеку два с половиной часа тишины, достойной Белого марша[32]. Измученный недосыпом Элиас воспользовался этим, чтобы хоть немного вздремнуть.

В первый раз он открыл глаза из-за пронзительного сигнала электронной системы дорожных сборов и окончательно проснулся, когда машина съехала с автострады. Еще минут десять они катили по тенистой департаментской дороге, а

[32] Примечания: 32

Белый марш — изначально демонстрация в Брюсселе в 1996 году после ареста серийного убийцы Марка Дютру: протестующие требовали лучшей защиты детей и более эффективного правосудия. Впоследствии «белыми маршами» стали называться любые демонстрации солидарности с жертвами; они проходят во Франции по сей день и зачастую принимают форму молчаливой демонстрации.

потом водитель свернул на асфальтированную и ухоженную узкую дорогу, ведущую в глубину леса. По бокам непреодолимой стеной возвышались деревья. Даже солнце, хоть и стояло высоко в небе, с трудом пробивалось сквозь листву. Элиас изогнулся, пытаясь в окно разглядеть верхушки этих исполинов. Казалось, автомобиль въезжает в зеленое царство.

Наконец седан остановился перед огромными воротами. Из будки вышли два охранника, и шофер протянул им черную карточку, такую же, как у Алена. Чугунные створки плавно распахнулись, и машина снова тронулась с места.

Прежде Элиас прокручивал в голове тысячу воображаемых кадров с мифическим центром ольфакторных воспоминаний. Но он и представить себе не мог, каким станет его первое впечатление.

Огромный английский сад скрывал то, что походило на господский дом. Садовники суетились вокруг цветочных куп. Элиас узнавал лаванду, расцветающую в июле, столистные розы с их мясистыми лепестками, густые заросли жасмина и чубушника с их тысячами белых звездочек. Повсюду, на сколько хватало глаз, колыхались пионы, оттеняя внушительные колонны, обви-

тые жимолостью. Он заметил также туннель из распустившихся глициний, в конце которого виднелся могучий куст сирени высотой в два метра. Вокруг него вилось облачко бабочек. Цветы были здесь повсюду. Истинные суверены в своем королевстве, они отводили Элиасу роль простого подданного. Он опустил стекло. Дурманящие цветы с их напоминающими звериные морды головками, робиния псевдоакациевая с привносимыми ею медово-цитрусовыми нотами… зеленые, хрусткие, миндальные, гвоздичные, пряные, розовые аккорды, рождаемые десятками неведомых источников… весь парк словно фонтанировал буколическими пьянящими запахами. Элиас был на грани передозировки. Казалось, этот цветочный рай призывал его, чтобы затем поглотить. Столько эманаций, которые следует определить, столько данных, подлежащих интерпретации. Он опасался надвигающейся панической атаки. Это растительное царство с его переизбытком информации, без сомнения, не позволит бедолаге погрузиться в спасительную ольфакторную медитацию. А если он не удержит себя в узде, то наверняка заработает приступ обонятельной эпилепсии. Элиас не знал, существует ли такая болезнь, однако вовсе не стремился ста-

новиться ее первой жертвой. Мысли заметались так беспорядочно, что он вынужден был поднять окно и достать свой жетон, чтобы успокоиться.

Словно желая поразить его еще больше, водитель двигался с черепашьей скоростью. Пациенты, в основном пожилые, прогуливались по посыпанным гравием дорожкам. Плакучая ива нежилась под солнцем. Пчелы, бабочки и прочие насекомые резвились в воздухе, довершая эту сюрреалистическую картину. Мало-помалу Элиас вернул себе контроль над эмоциями. Машина повернула, и за шеренгой деревьев наконец показалось само здание. Четырехэтажное, с двумя более низкими флигелями. По величественной лестнице спускались люди в лабораторных халатах, чтобы встретить ожидающих у ее подножия посетителей. Отдельные группки беседовали снаружи. Некоторые окна на первом этаже были открыты, и внутри виднелись кабинеты с находившимися там пациентами и специалистами. Повсюду царило оживление. В голове Элиаса даже мелькнул образ жужжащего улья. Позади особняка с обеих сторон он заметил две внушительные пристройки. Еще дальше, в глубине, возводили другое здание, такое же большое, как и главное. Водитель высадил Элиаса у ступеней,

и машина направилась на парковку в восточной части территории.

Элиас поднялся по внушительной лестнице, и на верхней площадке его встретила одна из сотрудниц. Она проводила новичка к стойке, чтобы он зарегистрировался, а потом провела через один из флигелей и попросила подождать в маленькой, скудно обставленной приемной. Кулер и стоящие рядом с ним в коридоре упаковки с водой свидетельствовали, что эта часть комплекса была отведена служащим. Элиас сел и достал свой мобильник. Ни единой сети. Через несколько секунд появился грозный и массивный сотрудник службы безопасности, бросивший на Элиаса свирепый взгляд. Личные мобильники на территории компании запрещены. Пришлось подчиниться и позволить конфисковать гаджет. Однако эта неприятность не умалила возбуждения Элиаса. Наконец-то ему представилась возможность продемонстрировать всем свои способности, дать Алену повод гордиться учеником. Четыре года Элиас претворял воспоминания в запахи, четыре года он ждал своего часа. И теперь чувствовал, что готов. Через несколько минут откроется дверь и здесь появится директор по набору персонала. Этот величественный цербер

выдаст Элиасу допуск в империю «Фраграции». С таким сезамом в кармане молодому человеку останется лишь не упустить шанс осуществить свою мечту — стать ольфактором. Всего-то и нужно, чтобы эта дверь открылась. Та самая дверь, на которой висела аккуратно прикрепленная записка, извещающая, что директор по набору отбыл в отпуск.

11

Контроль над службой набора, среди прочего, входил, разумеется, в обязанности Норы. Правая рука Корнелии, она иногда думала, что в случае ее неожиданного вынужденного отсутствия «Фрагранция» закроется из-за нехватки персонала. Впрочем, из всех функций, возложенных на нее в данный весьма специфический период, именно эта была уж точно наименее обременительной. Единственное, что от нее требовалось, — рассылать иногда по электронной почте письма в филиалы, напоминая о временном прекращении приема сотрудников. И к этой задаче она относилась очень серьезно: последние полгода дублировала данное сообщение каждые две недели. Каково же было ее удивление, когда ей позвонили из регистратуры (как раз когда она занималась бегом) и предупредили, что некий кандидат ждет ее в центре.

Она тут же вызвала своего водителя, и теперь они на всех парах неслись в Фонтенбло. Расположившись на заднем сиденье, Нора проглядывала на планшете информацию на этого нарушителя

спокойствия. Его звали Элиас Револь, и он уже четыре года работал ассистентом в лаборатории в Мане. Руководил ею Ален Фиссон, пятый ольфактор в западной части страны, но этот филиал был настолько незначительным, что Нора почти забыла о его существовании. Два сотрудника, сто тридцать пациентов, смехотворный оборот. Быстрым движением она прокрутила личное дело Элиаса, остановившись на его фотографии. Худое лицо, впалые щеки; нос, внушительный и тонкий, напомнил ей плавник акулы. Венчала все это черная кудрявая шевелюра. Но ее внимание привлекли глаза, темные и печальные. Норе нравились мужчины с меланхолией во взгляде. Они внушали ей доверие. В конце концов она закрыла планшет и убрала его в специальный карман на дверце.

Покусывая указательный палец, Нора погрузилась в размышления о том, что стало источником неожиданного осложнения и как лучше его устранить.

Элиас этого, конечно, знать не мог, но, столкнувшись с нарастающей волной краж ЛСМ, с увеличением количества подпольных лабораторий и повторяющихся утечек в прессу, Корнелия решила принять меры. Придя к выводу, что при-

чиной потери контроля и предания излишней гласности деятельности «Фрагранции» было ее расширение, она избрала политику сокращения территориального покрытия. Начальница также планировала (в строжайшей тайне) закрыть наименее продуктивные из двадцати четырех филиалов. И заведение в Мане числилось среди семи неудачников. Однако подобное решение согласно правилам могло быть принято только голосованием ольфакторов на генеральной ассамблее. Вот почему последние шесть месяцев Корнелия, которая могла бы дать фору самым ярым лоббистам, готовила почву, укрепляя свое влияние, реорганизуя «Фрагранцию» и ведя переговоры, чтобы добиться одобрения этой меры теми филиалами, которых она не затрагивала. И одним из первых шагов стала приостановка, под надуманным предлогом, набора будущих специалистов.

Нора прищурилась. Почему этот Ален Фиссон, несмотря на дюжину мейлов, сообщавших о прекращении приема, все же прислал своего ассистента за десять дней до решающего события? Она снова взялась за планшет, вышла из профиля Элиаса Револя и щелкнула по профилю его ментора. Веб-портал «Фрагранции» располагал базой

данных, содержащей полную информацию о каждом сотруднике предприятия. Но доступ к ней был только у избранных. Разумеется, Нора Олссон входила в их число. В специальном поле на его карточке Нора обнаружила запись, оставленную начальником отдела кадров: «Отъявленный технофоб, связываться главным образом по телефону лаборатории».

— Все хорошо, мадам?

Шофер смотрел на нее в зеркало заднего вида. Вот уже пять лет он возил ее повсюду. Молчаливый свидетель ее возвышения, он чувствовал, когда шефиню что-то мучило.

— Все отлично, если не считать того, что один ольфактор, которому я полгода посылаю мейлы, их не читает.

— Вы можете просто ему позвонить.

— Я бы с удовольствием. Но уже слишком поздно. Франсуа, пожалуйста, следите за дорогой. На такой скорости мы в одном чихе от встречи с Великим Архитектором[33].

Нора знала, что, учитывая непопулярность предстоящей реформы, Корнелия, чтобы ее протолкнуть, ставила на эффект неожиданности.

---

[33] Примечания: 33

Великий Архитектор Вселенной в масонской традиции — обозначение Верховной Сущности (Бога).

Держать семерых попавших под удар ольфакторов в неведении было для директрисы гарантией того, что они заранее не объединятся и не сумеют создать диссидентскую коалицию, которая обеспечила бы им большинство.

— Но как же быть с ассистентом?

На этот раз Франсуа повернулся к ней всем телом.

— Бога ради, глядите на дорогу, — запаниковала женщина и продолжила: — «Фрагранция» никогда не отказывала в испытательном сроке кандидату, которого предложил ольфактор. Если я отошлю Элиаса, есть риск, что сюда заявится его наставник, требуя объяснений. Ровно то, чего Корнелия хочет избежать.

Сколько она ни обдумывала проблему, в голову ей приходило единственно возможное решение. Столь же простое, сколь и неприятное: следовало принять Элиаса и продержать его в центре до дня генеральной ассамблеи.

Минут десять спустя машина подъехала к воротам центра. Там двое охранников, казалось, схлестнулись с пациентом. Их позы и жесты говорили о том, что они преграждают ему путь. Заинтригованная сценой, Нора велела шоферу остановиться и пойти выяснить, в чем дело.

— Этот тип хочет получить сеансы на халяву. Он не платит уже почти месяц, — доложил водитель, садясь обратно за руль.

— Сколько сеансов он не оплатил?

— Около пятнадцати, мадам.

Она бросила взгляд через заднее стекло. Мужчина, встрепанный после стычки и отброшенный на несколько метров от ограды, казался совершенно сломленным.

— Вы, случайно, не спросили его имени?

Франсуа высунул голову из машины и громогласно велел одному из стражей сообщить данные изгнанника.

— Так бы я и сама могла, — досадливо бросила Нора.

— Простите, мадам.

В своем планшете Нора выяснила, что пациент, недавно овдовев, использовал сеансы ольфакторных воспоминаний, чтобы снова пережить счастливые моменты супружеской жизни. Мужчина рассказал ольфактору, который им занимался, что старается продать дом, чтобы погасить свои долги. С трудом справившись с комом в горле, Нора велела шоферу подъехать к сторожевому посту. «Пропустите его. Только в этот раз», — приказала она охранникам и под-

няла стекло.

Поступая подобным образом, Нора понимала, что действует вразрез с политикой «Фрагранции». Но она слишком хорошо знала, что такое зависимость, с которой сейчас боролся этот мужчина. Доза воспоминаний была не просто нужна несчастному — она была ему жизненно необходима.

Шофер высадил ее у большой лестницы центра. Нора зашла в здание, пересекла холл, поднялась на второй этаж и, прежде чем добраться до двери в приемную, проследовала по бесчисленным коридорам. Она перевела дыхание, оправила свой черный костюм и негромко постучала…

Элиас не заметил ни ореховых глаз, ни светлых волос, уложенных в безупречную, возвышающуюся над головой прическу, ни даже ее маленького роста, ибо все его внимание было мгновенно поглощено пьянящим, разящим, манящим и дурманящим запахом молодой женщины, разлившимся в помещении. Сама эта волна требовала внимать каждому слову, и Элиас подчинился. Без колебаний.

— Меня зовут Нора, и я приветствую тебя от имени всей нашей команды. Добро пожаловать в наши ряды.

12

Элиас оглядывал свое новое жилище, позабыв об открытом чемодане, который лежал у его ног. Нора поскупилась на разъяснения, и ему пришлось положиться на свое чувство ориентации, чтобы сообразить, куда именно он попал. Кажется, он находился в южном флигеле, под самой крышей. Проходя по последнему коридору, он отметил, что весь этаж был отведен под спальни. Однако восемь других комнат, таких же тесных, как и его собственная, казались незанятыми. Наконец Элиас распаковал свои вещи и убрал их в комод, единственный тут предмет меблировки, если не считать кушетки.

«Куда как по-спартански!» — сказал он себе, ощупывая матрас. Тот под давлением ладони издал жалобный вопль. Старое пружинное ложе наверняка помнило времена Второй мировой войны. Он присел на краешек и стал терпеливо дожидаться, пока Нора за ним придет. Без мобильника ожидание быстро стало мучительным. Его поколению не позволили ни узнать, что такое скука, ни научиться ее выносить. Ноутбук он с

собой не взял, стены комнаты были голыми. Сожалея о том, что не захватил какую-нибудь книгу, он принялся следить за стрелками наручных часов. В конце концов, занятие не хуже прочих. В какой-то момент он готов был поклясться, что секундная скакнула назад.

Его взгляд скользнул к окну, и он решил выглянуть наружу. Кровля на первом плане и море зелени… вид не то чтобы из лучших. Он снова присел на кушетку, отчего матрас вновь заскрипел, словно напоминая, что ему тоже есть на что пожаловаться. Даже сама комната была обонятельно нейтральной. Никакого запаха краски или пыли. Полная пустота. Несколько раз молодой человек едва удержался, чтобы не выйти вон и не отправиться на поиски приключений. Но так ничего и не сделал. Приказ Норы был вполне однозначен: ему предписывалось ждать ее возвращения. Элиас слишком дорожил своим местом, чтобы рискнуть совершить малейшую оплошность.

Эти адские муки длились битый час, показавшийся ему пятью. Когда он уже начал терять надежду, что рано или поздно кто-нибудь придет освободить его, в дверь постучали. Избавление.

— Открыто! — крикнул он, даже не стараясь

скрыть волнение в голосе.

Нора и ее пьянящий парфюм вплыли в комнату. В руках она держала стопку сложенной одежды.

— Прости, что тебя поместили именно сюда. У нас сейчас самый разгар работ по расширению.

— Не беспокойтесь, по виду не скажешь, но матрас довольно удобный. Правда, забавно поскрипывает.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, Элиас чуть попрыгал ягодицами на кушетке. Когда женщина ему нравилась, он в обязательном порядке превращался в некое странное и неадекватное создание. Стоило мелькнуть этой мысли, как ассистент почувствовал, что щеки у него запылали: ему вспомнился случай, когда он в самой неподходящей ситуации продемонстрировал пациентке свое умение изгибать язык так, что тот становился похож на клевер с тремя лепестками.

— Набор черных халатов. Униформа ольфакторов, — улыбнулась Нора, кладя стопку рядом с ним.

Это уточнение тронуло молодого человека. Конечно, не всяк монах, на ком клобук, но ему впервые предлагали облачиться в соответствующее одеяние.

Он сменил наряд, и они отправились на обзор-

ную экскурсию.

Корнелия приобрела это поместье двадцать лет назад. Окруженные лесом и высоченной кованой оградой, ее владения были труднодоступными и гарантировали абсолютную конфиденциальность. Легенда гласит, будто учредительница, осмотрев ограду окружностью в два километра, взяла у растерявшегося риелтора бумаги и подписала их, даже не заглянув в здания. Понадобились два года строительных работ, чтобы превратить эту территорию в элитный комплекс.

Нора и Элиас спустились в сад по большой лестнице из известняка. От массивных тесаных ступеней, за долгие послеполуденные часы прогретых солнцем, исходил сухой меловой запах. Запах лета, который на мгновение перенес Элиаса в посыпанный гравием двор его дедушки и бабушки. Показывая парк, Нора заодно объяснила, как устроена работа центра. Пациенты, чей профиль предварительно был тщательно проверен, прибывали в поместье со всей Франции для участия в сеансах ольфакторных воспоминаний. С понедельника по пятницу их принимали, регистрировали и распределяли среди восьми работающих здесь ольфакторов. В глазах счастливых избранников и персонала эти восьмеро

были настоящими рок-звездами. Некоторых ольфакторов очень устраивало подобное отношение, хотя большинство разыгрывало смиренную скромность. Однако Нора, проработавшая в компании много лет, была убеждена: все они без исключения — те еще недоумки. И этим своим выводом она, приостановившись, доверительно поделилась с Элиасом.

Он оценил откровенность экскурсоводши. Молодой человек сознавал, что с Аленом его связывали особые отношения, и всегда опасался того приема, который окажут ему другие ольфакторы. Поэтому его немного успокоило, что, по мнению Норы, те были не лишены недостатков. Значит, если отношения сложатся не лучшим образом, то не обязательно по его вине. Затем молодая женщина и ее объяснения двинулись дальше. В своем постоянном стремлении к максимальной закрытости «Фрагранция» оставалась исключительно французским предприятием. Ни единого филиала за пределами Гексагона[34]. Жертвой паранойи

[34] Примечания: 34

Гексагон — шестиугольник, одно из названий Франции, чья территория имеет форму шестиугольника.

Корнелии пали даже заморские территории[35] (ведь выход на международный рынок повлек бы за собой дополнительный риск утечки ЛСМ). Но иногда «Фрагранция» все же предлагала свои услуги иностранцам — если те соответствовали всем условиям приема и были рекомендованы двумя надежными поручителями.

— Ты в курсе истории «Фрагранции»? — спросила Нора, повернувшись к нему.

Гордясь хорошо выученным уроком, Элиас повторил то, что однажды вечером за стаканчиком поведал ему Ален. Прошлое предприятия было тесно связано с прошлым Корнелии. Великая искательница приключений, она открыла ЛСМ в девяностые, во время путешествия по Восточной Сибири. Алеутский шаман провел ее, согласно ритуалам своего племени, через обряд посвящения: погрузил чужеземку в транс, используя для окуривания корень эндемичного растения с особыми свойствами, известного только инуитам. Корнелия привезла несколько этих корней во Францию и выделила их активное начало, а затем ей пришла в голову идея соединить его со

---

[35] Примечания: 35

Заморские территории Франции — тринадцать территорий (преимущественно острова, за исключением Гвианы), принадлежащих Франции, но удаленных от ее европейской части.

знакомыми запахами — так она изобрела феномен погружения.

Нора расхохоталась:

— Неплохая история. Я ее не слышала. Мне-то рассказывали, будто Корнелия была химиком в колумбийском картеле и случайно синтезировала ЛСМ в поисках нового наркотика, который можно было бы провезти через американскую таможню так, чтобы его не засекли бригады со специально натасканными собаками.

— Ну а как было на самом деле? — раздосадованно спросил он.

Нора пожала плечами. Возможно, Корнелия создала эту формулу, когда работала на фармацевтическую группу. А может, она просто выкупила активное начало у третьего лица. Не исключено даже, что молекулярная структура ЛСМ ей приснилась. Ответа на этот вопрос не знал никто. И лучший урок, который можно извлечь из целого скопища россказней, вот каков: всегда важно уметь сохранять тайну. Корнелия владела этим искусством в совершенстве.

Экскурсия продолжилась в ольфакторной лаборатории, расположенной в одной из пристроек. Элиас смотрел вокруг, и ему с трудом верилось, что Ален работает на это же самое предприятие.

Подобно биометрическому чемоданчику, в котором перевозили ЛСМ, центр был буквально нашпигован передовыми технологиями. В этом храме научного прогресса имелись приборы, каких Элиас в жизни не видывал. В центре помещения на десятках поддонов, установленных на стеллажах, теснились в строгом порядке тысячи пахучих веществ. Изобилие, к которому уроженец Мана тоже не был привычен. А благодаря работающей на полную мощность вентиляционной системе воздух не был насыщен испарениями, как в большинстве лабораторий парфюмеров, в том числе и в Мане. На фоне такой продвинутости офис Алена казался теперь Элиасу каким-то деревенским. Все равно что сравнивать мотыгу средневекового крестьянина с гидравлическим прополочным ротационным культиватором.

Пока они шагали по дороге, ведущей к его будущему рабочему месту, некоторые лаборанты приветствовали Элиаса как нового члена сообщества. Он отвечал им робкой улыбкой. Позднее, думал он, кто-нибудь непременно возьмется объяснить ему, как функционирует хранилище исходного сырья и его роботизированная система выдачи.

В главном здании Нора показала новичку

помещения, которые ему предстоит посещать: кухню, комнату отдыха, приемную, столовую, большую часть комплекса… На одном из этажей, где располагались практикующие специалисты, она остановилась перед какой-то дверью, проверила время, глянув на часы, и трижды постучала. Никто не ответил. Нора зашла внутрь, Элиас — за ней.

Это была просторная комната, залитая ярким естественным светом, льющимся из двух арочных окон. Мебель в стиле Людовика XVI украшали африканские скульптуры. Его взгляд упал на лежащий на полу ковер Корделии[36] от «Эрме». Элиас когда-то видел такой в иллюстрированном журнале в одной из бесчисленных коллекций Алена. На потолке, в трех метрах над его головой, висела современная люстра, состоящая из золоченых переплетающихся колец. У стены с развешанными на ней фотографиями в рамках располагался оранжевый бархатный диван. А в центре красовалась мечта Элиаса — стеклянный письменный стол.

— Добро пожаловать в кабинет одного из вось-

---

[36] Примечания: 36

Имеется в виду Корделия де Кастеллан, креативный директор «Диора», основательница многопрофильной студии *Studio Cordelia de Castellane,* специализирующейся на дизайне для роскошных интерьеров.

мерых.

Элиас подошел к фотографиям:

— Это он рядом с Шираком?

— Да. — Нора тоже подошла. — И у него очень тесные связи с политиками его родной страны, Сенегала. Вот тут ты можешь видеть его рядом с Абдулаем Вадом. А здесь он пожимает руку Мустафе Ниассе во время его последнего визита в Париж.

Заметив растерянное лицо юноши, Нора уточнила, что речь идет о бывшем председателе Национальной ассамблеи Сенегала. Элиас кивнул и, смущенный своим невежеством, сменил тему:

— А вот это я узнаю.

Он указал пальцем на распылитель, используемый на сеансах ольфакторных воспоминаний, и взял его в руки.

— «Достаточно дать вещи имя, чтобы за знаком возник смысл», — прочитал он вслух выгравированную на распылителе фразу.

— Леопольд Седар Сенгор, — добавила Нора. — Ладно, ступай за мной. На сегодня хватит.

Элиас вернул распылитель на подставку и двинулся следом. Никогда прежде ему не приходилось видеть такого сосредоточения культуры

в одном помещении. Они еще даже не встретились, а этот ольфактор уже дал ему понять, что принадлежит к совсем другому миру. И в этот момент молодой человек ничего бы не пожалел, лишь бы тоже стать частью этого мира.

13

На следующий день машины пациентов выстроились в длинную очередь перед чугунными воротами еще до открытия центра. Охранники проверяли личность каждого водителя, прежде чем впустить его в парк. Любой, чье имя не фигурировало в списке одобренных пациентов, немедленно изгонялся. Из окна столовой Элиас наслаждался этим захватывающим зрелищем. Едва не обжегшись, он рассеянно подул на кофе, раздумывая над тем, что его ждет. Перспектива первого дня вгоняла его в легкую дрожь. Тихий внутренний голосок с самого приезда твердил, что вряд ли он окажется на высоте. Иногда Элиасу удавалось его заткнуть. Но не этим утром.

Закончив завтрак, он отправился в холл и сообщил у стойки регистрации, что разыскивает Нору. Пока его вели в информационный центр, он чувствовал себя ребенком, которого сопровождают во время школьной экскурсии. Нору он застал в разгар бурной дискуссии с мужчиной едва старше ее самой, развалившимся в геймерском кресле. Увидев Элиаса, тот прервался и с

удивленным видом повернулся к собеседнице.

— Кто это?

— Начинающий ольфактор, — явно чувствуя себя неловко, объяснила та.

— Да ну? А я думал, что набор заморожен.

— Я тоже. Элиас, позволь представить тебе Стива, а вон там, сзади, — она подбородком указала на группу из пяти человек, — члены его команды.

Никто из них на приветствие Элиаса не ответил. Стив рассмеялся:

— Не обижайся, они у меня вечно ведут себя как надутые индюки. Что ж, парни, придется мне поработать над вашими манерами. Когда с вами здороваются, следует отвечать. Даже если это магл.

Он сопроводил свое замечание броском конфеты в одного из тех, кто сидел за мониторами. Уткнувшийся в экран парень проворчал пару ругательств, но потом едва слышно буркнул «здрасте». Остальные, не желая становиться мишенью для сладких снарядов, тоже неохотно поздоровались.

— Элиас, можешь подождать меня снаружи? Мне нужно буквально несколько минут, — приказала Нора.

Расследование Стива, касающееся главного подозреваемого в деле об изнасиловании, оказалось намного успешнее того, что провела полиция. Симон Вильме, двадцати шести лет, вращался в мире инфлюенсеров. Безработный — в обычном смысле этого слова, — сам он называл себя предпринимателем. Жил за счет размещения рекламы товаров в социальных сетях и всякого рода оплачиваемых советов. Команда Стива выяснила, что он продавал онлайн-обучение в самых разных областях: лайф-стайл, боевое искусство, инвестиции в криптовалюту, токены… Судя по всему, его экспертные заключения выходили далеко за пределы его познаний. Тем не менее он пользовался определенным авторитетом в мире маклеров и мелких спекулянтов благодаря редкой прихоти судьбы. В начале семнадцатого года он по совету друга вложил все свои сбережения в биткоин. Один токен стоил тогда около тысячи долларов, и Симон решился купить целых одиннадцать. А после обвала в июне двадцать первого поспешил их продать — за скромные тридцать пять тысяч евро за штуку. Из этой прибыльной сделки он вышел в ореоле репутации, которая в дальнейшем позволила ему зарабатывать на собственном имидже. Множа видеоклипы, где

он позировал в автомобилях класса люкс или выставлял напоказ престижные наручные часы, Симон продвигал определенный стиль жизни, а молодая податливая публика ему за это платила. Ни один из подобных предметов роскоши ему, как водится, не принадлежал. Впрочем, кто бы сомневался.

Рассказав о доме Симона в парижском предместье, о его холостяцком статусе и о ежемесячных денежных поступлениях в размере плюс-минус четырех тысяч евро, Стив завершил свой доклад.

— Как ты получил сведения о его доходах?

— Я же тебе говорил, у меня лучшая команда. Мои ребята действительно гроза социальных сетей. Одно твое слово — и мы закроем его аккаунт в «Инстаграме».

— Нет, ни в коем случае. — Нора резко выпрямилась. — Он не должен ничего заподозрить.

На несколько мгновений она погрузилась в размышления. У Симона — девяносто тысяч подписчиков, поэтому подвергать его прямому ольфакторному допросу было бы рискованно. Он бы сразу устремился в социальные сети и все рассказал своему сообществу. Это не сулило ничего хорошего, и Нора поморщилась. Что ж, значит, придется задействовать протокол

«чувствительный профиль». Стив разделял ее мнение. Правда, тут потребуются колоссальные средства, но зато тайна существования «Фрагранции» будет сохранена. Нора воздержалась от признания, что на самом деле у нее не остается иного выбора. Шантаж Аббада витал над каждым ее решением, как стервятник над трупом. После короткого обсуждения они выработали план: поскольку Симон считал себя предпринимателем, они придумают ловушку, рассчитанную на его предпринимательскую жилку. Первым этапом станет создание Стивом цифрового прикрытия. Нора дала ему сорок восемь часов.

Выйдя от компьютерщиков, молодая женщина обнаружила Элиаса и протянула ему не совсем обычный смартфон. Аппарат перенастроили так, что отныне любая, даже самая незначительная его активность будет отслеживаться центральным постом службы безопасности. Другими словами, как только Элиас его включит, группа, занимающаяся мониторингом, сможет все видеть и слышать. Эти меры были направлены на то, чтобы избежать утечек.

Элиасу подобный подход показался столь грубым вмешательством, что он потерял дар речи. Раздраженная его ошеломленным видом,

Нора уточнила, что он, разумеется, может в любой момент вернуть свой старый телефон. Ему вручат мобильник в машине, которая отвезет его обратно в Ман. В этот момент молодой человек окончательно осознал, что о благожелательности, подобной той, которая отличала его наставника, можно позабыть. Он поблагодарил Нору и убрал смартфон в карман черного халата.

Внезапно краем глаза Элиас заметил в кустарнике какое-то движение. Сначала юноша решил не обращать внимания и продолжал шагать рядом с Норой, но когда через несколько секунд дорогу им перебежала пугливая тень, он застыл на месте.

— А это еще что такое?

Нора улыбнулась, присела на корточки и, сунув два пальца в рот, издала короткий пронзительный свист.

Словно бы отвечая на призыв, это *нечто* покинуло свое убежище, приблизилось и стало тереться о ноги Норы. Элиас вздернул брови. Размером не меньше барсука, животное походило на помесь бенгальской кошки и куницы. Задняя часть туловища выглядела куда крупнее, чем предполагалось законами анатомии. Темные пятна на бежевом мехе переходили в полосатый узор

на лапах и шее. Черные длинные волосы стелились по хребту вдоль всего тела до самого хвоста. А сам этот хвост — толстый, с пятью белыми кольцами — заканчивался чем-то вроде кисточки. Элиас был так изумлен, что не мог вымолвить ни слова. Кошкоподобное существо обратило на него взгляд больших блестящих глаз.

— Познакомься с Кахетель, африканской виверрой, которую спасла Корнелия. Только не делай резких движений. Даже прирученная, она по-прежнему очень боязлива.

— Невероятно! — выдохнул наконец совершенно очарованный Элиас.

Ален много рассказывал об оригинальности Корнелии, но виверра в качестве домашнего питомца — это уже не просто оригинальность, а самая что ни на есть эксцентричность. Нора протянула к животному ладонь, и Кахетель, обнюхав ее, издала смешок а-ля гиена и скрылась в кустах.

Нора воспользовалась интерлюдией, чтобы предупредить молодого человека о том, что вторую половину этого и весь следующий день он проведет с Эдмоном Шоле, главой ольфакторов центра. Она почти корила себя за то, что вынуждена поручить Элиаса такому человеку, ибо всем

сотрудникам были известны и репутация Шоле, и его склонность третировать новичков. Но ни один другой специалист-практик не пожелал выступить в роли опекуна. Ей оставалось только надеяться, что, согласившись принять молодого ученика, Шоле не держал какой-нибудь задней мысли.

14

После обеда Элиас постучал в дверь ольфактора Шоле. Она чуть приоткрылась, и молодой человек взял на себя смелость войти. Атмосфера в кабинете была совсем не та, какую он ощутил вчера во время экскурсии. Здесь царила степенная серьезность. Оперная ария, которую исполняла певица, испытывающая, казалось, нечеловеческие муки, рассеянный свет, угловатая мебель… все вокруг призывало Элиаса к осторожности. Оба арочных окна были занавешены плотными бархатными шторами. Он обернулся, чтобы полюбоваться картиной, закрывающей стену в глубине помещения, — великолепным образцом масляной живописи периода барокко. На ней был изображен человек, несущий нечто вроде большого бревна. Его лицо было искажено болью, от которой вылезали из орбит глубоко посаженные глаза, а напряженные мускулы резко выделялись под болтающейся грязной тогой…

Элиас вздрогнул. Справа от него воздвигся высокий мужчина — борода с проседью, дымчатые очки и белые, средней длины волосы. На какое-то

мгновение Элиасу показалось, что тот сошел с полотна.

— Симон Киринеянин, который, как утверждали римляне, помогал Христу нести его крест. Коим вам предстоит стать для меня на ближайшие дни.

Элиас бессознательно отступил на шаг, а его собеседник тем временем продолжил без всякой паузы:

— Завтра я ожидаю одного крайне соблазнительного пациента, чей бумажник располагает такими аргументами, что не уважить его запросы было бы неучтиво.

Ольфактор отошел в затемненный угол комнаты. Элиас едва его различал, оттуда доносился только низкий голос. При других обстоятельствах эта напыщенная мизансцена рассмешила бы юношу, однако в ее участнике было что-то по-настоящему угрожающее. Шоле сообщил:

— Я переслал вам по мейлу все необходимые сведения, чтобы вы могли съездить собрать атмосферу.

— Но я… я не получил должной подготовки.

— Ваши трудности меня не касаются. Я даю вам задание, вы его выполняете; если вы не справляетесь, я пишу докладную, и вы можете

распрощаться с нашим центром. Закройте дверь, когда будете уходить.

На подгибающихся ногах Элиас выбрался в коридор, слабо представляя, где он находится. Удержался от соблазна достать свой металлический жетон, никогда не покидавший его карман, и решил вместо этого сосредоточиться на дыхании, приложив ладонь к животу. Упражнение, которому научил его психиатр и к которому он часто прибегал в присутствии Алена. В этот момент ему остро не хватало маленького спокойного филиала в Мане, наставника со всеми его странными коллекциями и даже ипохондрического соседа по квартире. Его потянуло позвонить Алену, но он тут же вспомнил, что телефон отныне прослушивается, а Нора запретила рассказывать кому бы то ни было подробности пребывания в центре. Это относилось также и к его ольфактору.

Когда ему удалось успокоиться, он просмотрел досье, присланное на электронную почту. Пациент был молодым пенсионером, бывшим гендиректором крупной строительной компании. Элиас пробежал биографию и остановился на детали, которая его заинтересовала. Пациент лелеял постоянно возвращавшееся воспомина-

ние, которое и хотел бы любой ценой полностью пробудить. В доме его детства отец превратил подвал в мастерскую. Оба они проводили там большую часть свободного времени, что-то мастеря или чиня. С той поры мужчина приобрел огромное богатство, а его родители переехали в особнячок, который он им подарил, но ничто в этой новой жизни не могло сравниться с простыми радостями разделенных с отцом моментов. К досье прилагалась куча предоставленных пациентом фотографий. На одной из них, с зернистостью, характерной для семидесятых годов, можно было разглядеть взрослого человека и ребенка лет десяти в том самом подвале. Вокруг царил невообразимый кавардак. На последней странице досье Элиас узнал, что дом находился в старом квартале Больё в Шартре.

Нора посоветовала ему при малейшей проблеме обращаться в регистрационный отдел. Например, если ему понадобится машина. Поэтому он отправился в холл и встал перед полукруглой стойкой. За нею, подобно важным господам на званом приеме, располагались две женщины и один мужчина. Они так горделиво восседали на своих стульях, что складывалось впечатление, будто их главной задачей было выглядеть как

можно более величаво и высокомерно.

— Прошу прощения. — Элиас выбрал ту, которая сидела посередине, — единственную, кто не разговаривал по телефону. — Ольфактор Шоле поручил мне воссоздать атмосферу, и я должен поехать по этому адресу. — Он показал отметку в приложении с картами. — У меня нет…

— «Мерседес» с номерными знаками FB — сто восемьдесят три — AZ. Ждет вас на западном паркинге. Мы позволили себе положить в багажник аппарат *headspace.* Будьте любезны доставить его в аналитическую лабораторию в конце дня.

Координирование и планирование осуществлялись здесь с пугающей эффективностью. Какой же любительщиной представлялись ему теперь годы, проведенные в филиале в Мане! Однако Элиас отбросил эту мысль. Он не желал отрекаться от того, что недавно обожал.

На паркинге его ждал мужчина в темных очках. Руки у него были покрыты татуировками, и он был почти так же разговорчив, как водитель, привезший Элиаса в центр. Дорога прошла в тишине, которой позавидовала бы обитая войлоком палата в дурдоме.

Когда через полтора часа машина остановилась перед нужным зданием, Элиас был готов плакать

и смеяться одновременно. Муниципальный дом дешевой застройки шестидесятых годов был уже наполовину снесен, и работы по сносу продолжались. Позже он узнает, что мэрия Шартра запустила широкомасштабную кампанию по обновлению города, начав именно с квартала Больё. Его сносили, чтобы построить нечто лучшее. Менялось даже название — отныне квартал будет именоваться ДеКло.

Итак, в многоквартирном доме зияла гигантская дыра. Весь фасад был выдран, так что прохожие могли, как в кукольном домике, наслаждаться видом любых внутренних помещений. Экскаватор, снабженный телескопической стрелой и металлическими челюстями, гордо возвышался перед учиненным им разором. Стройку огораживали высокие щиты.

Элиас впал в отчаяние. В голове у него теснились вопросы. Цел ли еще подвал? А если да, то не уничтожили ли работы по сносу здания прежний запах?

Словно читая его мысли, водитель подошел и впервые за время поездки раскрыл рот:

— Сразу предупреждаю, я туда не полезу.

— Простите, что?

— Да и вы, если дорожите жизнью, тоже. Они

уже добрались до фундамента. — Он ткнул пальцем в насыпь из земли и строительного мусора. — У меня кузен строитель, я знаю, что говорю.

Пожалуй, Элиас предпочел бы, чтобы тот продолжал помалкивать.

— Вы ведь отвечаете за мою безопасность?

— А что я буду делать, если все начнет обваливаться? А? Проведу боевой захват несущей стены? Или прием, блокирующий балку?

Элиас не ответил. Размышлял над тем, что его ждет, если он вернется в центр без требуемой атмосферы. Его выпрут, это точно. Ален предупреждал, что если он хочет заполучить это место, то должен преуспеть.

Глухая тревога, поселившаяся внутри с момента встречи с ольфактором Шоле, переросла в гнев. Разве тот не мог поручить ему что-нибудь попроще? Например, атмосферу продавца мороженого на приморском бульваре какого-нибудь курорта?

Считая задуманное предприятие чистым безумием, шофер предупредил, что пойдет выпить кофе. Он, оказывается, приметил неподалеку симпатичную кафешку. Но прежде чем уйти, этот добрый малый не позабыл известить моло-

дого человека о том, что «Фрагранция» не несет никакой ответственности за несчастные случаи при исполнении задания. Ошеломленный Элиас смотрел, как тот удаляется. Неужели в дополнение к профессии водителя и телохранителя эти люди еще и проходили ускоренную юридическую подготовку?

Он остался один перед стройплощадкой. Разум уговаривал его не соваться туда, но сбежать означало бы распроститься со своими амбициями. В это мгновение перед ним словно материализовалось его будущее. Проблема была в том, что оно приняло форму грозившего обрушиться здания.

15

В этот самый момент Нора Олссон встречалась со следователем в таком богом забытом местечке, что Франсуа, ее водитель, был вынужден ввести в навигационную систему автомобиля почтовый код, чтобы отыскать эту глухомань. Когда они подъехали к поселку в Сесоне, молодая женщина снова с сожалением подумала о неудавшемся проекте создания филиала на острове Реюньон. У такого рода миссии, среди бирюзовых волн, питонов, водопадов и каменистых уступов, был бы совершенно иной привкус. Нора вздохнула. Путешествия — единственное, о чем она сожалела из прошлой жизни. Жизни, в которой и намека не было на «Фраганцию» со всеми ее заморочками. Родители Норы, достойные потомки викингов, выказали себя настоящими бродягами. Совершенно неспособные усидеть на месте, они таскали Нору и двух ее братьев по всему свету. За долгие годы странствий она здорово пополнила свою обонятельную коллекцию. Там, откуда другие привозили фотографии, безделушки и прочие сувениры, напоминающие о поездке,

Нора собирала запахи. Мокрые мостовые Рима, рынок специй в Стамбуле, национальный парк «Секвойя» в Калифорнии или холодный, насыщенный озоном воздух Гренландии. Все места и страны обогащали ее багаж. Для нее аромат был путешествием. Пока она пыталась изгнать из головы запах плюмерий на кладбище моряков в Сен-Поле, ее водитель умудрился втиснуться между двумя грязными машинами, стоявшими у некогда белых ворот. Аббад, похоже, считавший, что должен внести свой вклад в царящее здесь уныние, присоединился к ним, бессильно свесив руки и угрюмо хмурясь.

Нора не видела его после той встречи в Мелёне, и новое свидание внушало ей опасения. Если бы существовала градация неловких ситуаций, то легкая болтовня с собственным шантажистом заняла бы там одну из первых строчек. Поразмыслив, она решила отказаться от всяких условностей и, ничуть не стесняясь, расставить все по местам.

— Давайте сразу внесем ясность. Я согласна помочь вам. Но ваш шантаж положил конец нашему прежнему взаимопониманию.

Аббад бросил окурок, раздавил его мыском башмака и выдохнул из ноздрей дым. Очевидно,

в знак согласия.

— И очень вас прошу: перестаньте изображать ищейку не первой молодости. Вам это совсем не идет.

Их прервал водитель, протянувший Норе ее чемоданчик с оборудованием.

— Вот здесь, прямо в первом, на Одри и напали. — Аббад ткнул пожелтевшим от табака пальцем в сторону скопления одинаковых домов.

Нора не поняла, на какой именно он показывает, но виду не подала. Покончить с этим как можно быстрее — вот что неотвязно крутилось у нее в голове. Он продолжил:

— Эмилия и ее отец ждут нас.

Молодая женщина прочла в полицейском досье, что дружба связывала Эмилию и Одри с тех пор, как они познакомились в школе медсестер в Мелёне, где обе учились. Правда, в отчете не уделялось особого внимания неустойчивости их отношений, колеблющихся между взаимопониманием и соперничеством. Действительно, к чему вдаваться в банальные подробности девичьей дружбы?

Следователь уже собирался позвонить в дверь, когда Нора, охваченная внезапным подозрением,

придержала его руку:

— В тот день в парке вы сказали, что близки с жертвой. Насколько близки?

— Она моя знакомая.

И в знак того, что не собирается долее распространяться на эту тему, нажал на звонок. Им открыл отец Эмилии. Следователь, который уже встречался с ним во время допроса, представил Нору как коллегу из психологической службы судебной полиции. Тот не стал задавать вопросов и вялым жестом указал на второй этаж. Нора благодарно кивнула и следом за Аббадом стала подниматься по лестнице.

Эмилия оказалась закомплексованной девушкой лет двадцати. Зеркало показывало ей ровно то, чего она не желала видеть: грубоватые черты, слишком пухлые щеки, слишком тонкие губы, слишком выпирающие десны. Даже тело, которое окружающие единодушно считали стройным, не выглядело грациозным в ее глазах — кстати, по ее мнению, излишне карих. Дверь своей комнаты она им открыла в большом и бесформенном худи. А потом сразу отвернулась и без единого слова уселась на кровать. Нора почти ничего не знала о синергологии, но обгрызенные ногти и бегающий взгляд студентки и будущей медсестры ее

насторожили.

После кратких взаимных представлений следователь приступил к очередному допросу. Отношения Эмилии с Одри, с однокурсниками, с родителями, ее любовные истории — он расспрашивал буквально обо всем. Ответы Эмилии были уклончивыми, зато ее поведение говорило о многом. При каждом упоминании Симона Вильме девушка все больше сжималась, замыкаясь в себе. К концу беседы казалось, что у нее вообще нет шеи.

Нора тем временем готовила необходимое оборудование. Закончив, она подала знак напарнику, тронув того за плечо. Он прервался и спросил Эмилию:

— Твой младший брат здесь?

— Нет. На тренировке по футболу.

— Ладно. Можешь показать его комнату?

— Зачем?

— Потому что мне надо взять несколько проб, — вмешалась Нора.

Девушка одернула рукава худи, опустила глаза и вышла из комнаты. Нора восприняла это как приглашение следовать за ней.

Обиталище подростка было пропитано запахом уксусных дрожжей, характерным для тела в про-

цессе перестройки. Липкий и агрессивный душок. Пахучая смесь, вызывающая желание держаться подальше. Павловский рефлекс подтолкнул следователя открыть окно, чтобы проветрить, но Нора ему не позволила и повернулась к Эмилии:

— Ты не знаешь, твой брат часто меняет постельное белье?

— Никогда. Он настоящая свинья.

Ответ прозвучал восхитительно, и Нора поспешила засунуть под одеяло стеклянный колпак. Отточенными движениями сняла крышечку с датчика, высвободила белый волокнистый фитиль… Ввела его в горлышко колпака, соединила латексной трубочкой с аппаратом в чемоданчике.

— Что вы делаете?

В первый раз с начала разговора Эмилия сумела побороть свой страх.

— Я настраиваю систему извлечения запаха. Профессионалы называют эту технологию *headspace.* Обычно такие аппараты куда больше и вдобавок подсоединены к громоздким машинам, но мы, к счастью, располагаем и портативными экземплярами. То, что ты видишь, — Нора ткнула пальцем в колокол, — необходимо для первого этапа: взятия проб. Вокруг обонятель-

ного источника формируется замкнутое газовое пространство — для того, чтобы не допустить любой внешней интерференции. Затем особая головка извлекает попавшие в колокол пахучие молекулы. — Ее рука поднялась к цилиндрическому датчику-ловушке. — Этот этап называется изоляцией летучих составляющих. Полученная информация отсылается в аналитическое устройство, вон в ту черную башенку прямо перед тобой — осторожнее с проводом, спасибо, — чтобы получить идентификационную карту запаха. И наконец, благодаря хроматографии в газовой фазе, мы получаем возможность интерпретировать результаты и воссоздать идентичный запах.

Нора была уверена, что Эмилия поняла далеко не все, и потому опешила, когда та с недоверчивым видом спросила, зачем полиции воспроизводить запах кровати ее брата. Нора-то полагала, что, если перенасытить объяснение техническими подробностями, студентка отступится, решив, что все это для нее слишком сложно. Иногда избыток информации — лучший способ затуманить то, что хочешь скрыть.

Заметив растерянность напарницы, Али пришел ей на помощь:

— Моя коллега пытается подтвердить или

отбросить одну гипотезу. Еще слишком рано делиться результатами нашего расследования, но в свое время мы поставим вас в известность.

Этот ответ, казалось, не удовлетворил Эмилию, но что она могла поделать, если визитеры отказывались приводить иные доводы? В знак капитуляции она извинилась и вышла из комнаты. Нора предложила Али последовать ее примеру. Исходящий от него запах холодного табака, смешанный с резким парфюмом, портил всю картину.

Закончив с кроватью и комнатой, Нора решила сделать забор атмосферы в коридоре, но на экране прибора высветилось сообщение об ошибке. Для решения такой проблемы ее технических навыков, полученных на курсах ускоренного обучения, было мало, и ей пришлось отказаться от мысли пополнить спектр атмосферы. Ничего страшного, комнаты хватит. Эта техническая накладка напомнила Норе, что ни один ольфактор центра не согласился сопровождать ее, хотя бы подстраховки ради. Все как один заявили, что перегружены, но она им не поверила. Неборимая лень — вот в чем была главная причина отказа. Нора вздохнула и стала складывать оборудование.

Снова оказавшись на улице, она поделилась с инспектором своим впечатлением об Эмилии. Тот печально улыбнулся и прикурил сигарету.

— Знаю. Именно благодаря ей мои подозрения упали на Симона Вильме, причем после первого же допроса. Понятия не имею почему, но этот тип внушает малышке ужас.

16

— Да что я вообще здесь делаю?!

Элиас собирался нырнуть во внутренности общипанного монстра. Дерзость и безрассудство были для него чем-то совершенно непривычным, а следовательно, опасным. Он поражался тому, как далеко его нынче занесло.

Для начала он обошел вокруг строительной площадки в поисках способа проникнуть за ограждение. Два боковых щита неплотно прилегали друг к другу, оставляя достаточно пространства, чтобы можно было протиснуться между ними, — если, конечно, удастся как следует выдохнуть и задержать дыхание. Выданный шофером чемодан с *headspace* он решил оставить снаружи. Мало того что ноша была слишком громоздкой, так Элиас еще и представления не имел, как этот аппарат работает. Ален категорически отказывался использовать тот экземпляр, который был предоставлен филиалу в Мане, видя в нем проклятый предмет, сородичи которого вот-вот уничтожат человечество. Одна лишь мысль о современных технологиях превращала

его в ретрограда.

Элиас перелез через нагромождения щебня и всяких покореженных железяк и добрался до одного из подъездов. С этой стороны стена всего лишь растрескалась, так что выглядела практически невредимой, особенно в сравнении со всем остальным. Прежде чем забраться внутрь, он убедился, что никто его не видит. Длинный коридор, шедший через все здание, был погружен в темноту. Элиас полагал, что, судя по верхним уровням, открытым всем ветрам, свет мог пробиться до первого этажа. Но, очутившись среди царящего вокруг мрака, понял, что внутренние переборки остались целы. Фонарик мобильника освещал лишь малую толику пространства, и молодой человек молился о том, чтобы не споткнуться.

Носовые пазухи щипало. В воздухе плавали частицы стеклянной ваты, смешанные с запахами влажного цемента, извести и пыли. Элиас решился продолжить путь, хотя предусмотрительно и уткнулся носом в рукав рубашки. Двери отсеков, которые когда-то служили жилыми комнатами, отсутствовали. Окна были завалены крупными строительными блоками. Время от времени луч фонарика высвечивал выцветшие обои. Оказавшись перед очередным таким фрагментом, узор

которого ему понравился, Элиас внезапно почувствовал желание его сфотографировать. Быстро опомнившись, он встряхнул головой и двинулся дальше. Решительно, чем более стрессовой становилась ситуация, тем настойчивее мозг цеплялся за незначительные детали.

В конце концов он обнаружил в центре здания лестницу, ведущую в подвал, и даже занес было ногу над первой ступенькой. Но тут тревога так сдавила ему горло, что он едва не задохнулся. Несколько минут юноша постоял, пытаясь продышаться. Как же ему хотелось позвонить Алену! Но что сказать? «Ку-ку, я собираюсь лезть в подвал здания, которое как раз сейчас сносят. Чмоки»? Да Ален ничем бы и не смог ему помочь. Кстати, как и сотрудники «Фрагранции», которым предписывалось отслеживать его телефонные переговоры. Если здание рухнет, Элиаса завалит. Или того хуже: с его-то везением он, пожалуй, умудрится выжить под обломками. Он представил, как будет вопить и биться о бетон, несмотря на размозженное плечо и придавленные металлической балкой ноги. Разумеется, найдут его слишком поздно. К тому времени, как немецкая овчарка в специальной упряжи начнет лизать лоб страдальца, его труп уже окоченеет. Пони-

мая, что воображение разыгралось сверх всякой меры, Элиас выбросил из головы эти навязчивые картины и стал спускаться.

Добравшись до подвального уровня, он отметил, что каменные перегородки еще держатся. Но только они. Отвел нос от рукава, сделал короткий вдох. И с облегчением обнаружил, что запах разрушаемого здания не полностью перекрыл влажную характерную эманацию подвалов. Разделение двух миазмов — это, конечно, препятствие, но вполне преодолимое. Он снова заткнул ноздри, но на этот раз из других соображений — не хотел, чтобы обоняние «принюхалось». Мозгу хватает семи минут, чтобы усвоить запахи своего окружения. Он прошел еще несколько метров, стремясь оказаться в центре пространства. Здесь он опустил руку, высвободив нос.

— Ты можешь это сделать, — пробормотал он, стараясь придать себе мужества. — Ты можешь это сделать.

Потом будущий ольфактор закрыл глаза, чтобы еще больше сосредоточиться, и принялся расшифровывать запах глубин. Сначала он почувствовал мшистые ноты кедра. Различил легкую примесь ладанника с его бальзамическим амбровым призвуком. Сигнатура включала в себя

сильный глинистый аккорд. Элиас понял, почему пациент нигде больше не мог отыскать подобную атмосферу: смешанный с резкостью, свойственной оттенкам плесени, меловой запах кремня высвобождал акценты меха и грибов, отчасти напоминающие эвернил[37] с его доминантой дубового мха. Элиас лихорадочно занес все свои наблюдения в мобильник. Набросок приобретал формы. Следовало еще добавить металлические и химические оттенки, чтобы воспроизвести ауру мастерской. На фотографиях, предоставленных пациентом, он заметил баллончик WD-40. Значит, в составе должен обязательно присутствовать и одуряющий запах этого растворителя. При воспроизведении атмосферы просто «по нюху» не обойтись без доли индивидуальной интерпретации, особенно если требуется подобраться к истине как можно ближе. Однажды Элиасу случайно попалась цитата Андре Бретона: «Воображаемое — это то, что стремится стать реальным»[38]. Никогда еще он не слышал такого

---

[37] Примечания: 37

Эвернил — синтетический парфюмерный компонент с фенольным запахом мха и земли.

[38] Примечания: 38

Цитируется статья Андре Бретона «Однажды там будет…» («Il y aura une fois», 1930), перев. Е. Гальцовой.

точного определения своей профессии.

Началось все с ритмичного гула, почти неощутимого в глубине под землей, где все еще находился Элиас. В любом ином случае он бы не заметил, но сейчас стресс заставлял его постоянно держаться начеку. Едва он немного привык к ситуации, как все его тело напряглось. Насторожившись, он прислушался к изменяющемуся звуку. Рокот мотора. Как если бы вдали проходила колонна машин. Элиас замер на месте и затаил дыхание, чтобы только тонкая струйка воздуха вылетала из легких. Звук вроде бы исчез. Молодой человек снова расслабился. Перечитал заметки на своем мобильнике и решил, что информации достаточно. Можно подниматься. Но внезапно через тело прошла вибрация. Он вскинул голову.

— Проклятье, да успокойся ты! Тебе просто… — проговорил он хрипло.

Его перебил адский грохот, а мгновением позже ему на голову обрушился град разнообразного строительного мусора. В луче фонарика возникло облако мелких частиц, а одежда покрылась белой пылью. Элиас наглотался трухи и закашлялся. Он задыхался. Заслонил нос тканью рубашки. На языке появился навязчивый вкус гипса. Пыль лезла в глаза и так их сушила, что он чувствовал, как

веки, смыкаясь, всякий раз трутся о глазные яблоки. Элиас попытался выровнять дыхание. Еще раз и еще. Приступ паники нарастал. Он дышал все чаще, перенасыщая легкие… сердце билось на разрыв. Полное ощущение, что с ним сейчас случится удар. Надо любой ценой выбираться отсюда. Но это оказалось невозможно: тело, как в дурном сне, отказывалось повиноваться.

Рефлекторно Элиас упал наземь. Он должен был найти максимально надежную точку опоры и потому вцепился в пол. Колени стукнулись о жесткий холодный бетон. Острый край камешка впился в коленную чашечку. Боль распространилась по всей ноге. Элиас сжался; в висках у него стучало. Пыль во рту заставила его сплюнуть. Больше всего он боялся отключиться. Нет, только не это. Тогда с ним будет покончено. Юноша наугад пополз туда, где, как он надеялся, отыщется выход. Руки беспрестанно шарили по полу. Ему казалось, что все вокруг рушится, что стены обваливаются сразу за ним. Спустя какое-то время он замер, захлестнутый избытком информации. В голове роились самые мрачные мысли. Чаще всего в воображении возникал образ поисково-спасательной собаки — все той же немецкой овчарки. Охваченный паникой разум ударился

в галлюцинации. В темном нутре подвала Элиас видел пляшущие вспышки мигалок кареты «скорой помощи». Участившиеся удары сердца сжали грудь. Он явно проигрывал сражение с паникой. Стоял на четвереньках, вжав голову в плечи, и чувствовал, что не в силах пошевелиться… как вдруг в его голове промелькнуло воспоминание. Оно относилось к тому времени, когда Элиас пытался научиться контролировать свои страхи с помощью последовательных сеансов медитации. Еще тогда он осознал главное: медитация срабатывала, только если он сосредотачивался на запахах. Мысль, что сейчас ему это не удастся, вызвала, разумеется, новый прилив паники. Нет! Он должен попытаться. Должен подавить вгоняющую в ужас мельтешню образов и остановить завертевшиеся шестеренки. Сфокусировать все свое внимание на одном запахе. Но даже воздух ему приходилось втягивать судорожными глотками, а атмосфера вокруг стала плотной и чудовищно меловой. У него не получится. Крик, кашель — и он рухнул лицом в пол подвала. Однако, когда он уже готов был сдаться, другое воспоминание проложило дорогу в тумане его мыслей. Жетон, который всегда был при нем. Металлическая отдушка, которую он ощущал на

пальцах после того, как этот жетон вертел. Очень особый запах, ассоциировавшийся с ржавыми гвоздями. Однажды, заметив, как Элиас крутит в руках свой жетон, Ален объяснил ему, что металлы не пахнут. А специфический душок, который он ощущает на своих пальцах, рождается жирными кислотами кожи, вступившими в реакцию с металлом. «Если ты не будешь его трогать, то ничего не почувствуешь».

Если ты не будешь о ней думать, панической атаки не случится. Элиас глотнул воздуха.

Он воспользовался затишьем, чтобы вскочить и помчаться вперед. Снова грохот. Он споткнулся. На этот раз телефон упал и фонарик потух. Наступила полная темнота. Он задыхался. Пыль, новый приступ кашля. Тело пронизал какой-то скрежет, и инстинкт выживания взял верх. Элиас рывком выпрямился, надеясь, что воздух у потолка окажется менее насыщенным пылью. Легкие немного расправились, и он смог сделать глубокий вдох, а потом снова лег на пол и лихорадочно зашарил руками вокруг. Если он не отыщет мобильник… Мысль так и осталась висеть в сознании. Главное — не додумывать ее, ни в коем случае не додумывать. Паника поджидала, затаившись в конце этого рассуждения. Нужно

зажечь проклятый фонарик. Время для анализа настанет позже, когда он окажется снаружи. Элиас шипел, изрыгал ругательства, плевался гипсом, смешанным со слюной. И ненавидел себя за то, что потерял заветный гаджет. Новый грохот, на этот раз сопровождаемый треском. Похоронный колокол. Потолок вот-вот рухнет. Собаки. Жетон. Мигалки. Медитация. Все казалось сейчас таким далеким. Нет, он не позволит себе умереть. Только не здесь. Не как последний недоумок в подвале дома, который сносят во славу политики урбанистического усовершенствования. Это слишком глупо.

И тут рука внезапно нащупала нечто холодное и эргономичное. Он почувствовал, как внутри у него затеплилась надежда. Схватил смартфон, включил… Стекло растрескалось, фонарик вдребезги. Не страшно, можно настроить освещенность экрана на максимум и отвернуть его от себя. Свет слабенький, но все же лучше, чем ничего. В конце ада он увидел лестницу, ведущую на поверхность.

После одного из двух перерывов, предусмотренных контрактом, рабочие компании «Шартр-снос» направились обратно на стройплощадку. Пока один из них орудовал ковшом экскаватора,

разгребая обломки северной части фундамента, другой отошел на несколько секунд, чтобы помочиться. Маленький мочевой пузырь был его вечной проблемой, не дававшей продыху. Заметив черный чемоданчик, оставленный рядом с дырой в ограждении, он похолодел. Проверка содержимого только подтвердила его предположение: хоть он совершенно ничего не смыслил в помещавшейся там электронной начинке, все, вместе взятое, безусловно, походило на видеооборудование. Он схватил свою рацию и приказал немедленно прекратить работы по сносу. Какие-то мелкие недоноски явно полезли исследовать заброшку. Рабочий был в курсе этого новомодного увлечения, поскольку в «Ютубе» ему попадались документальные видео на подобные темы. Едва он успел отнести чемодан во времянку и вручить прорабу, как заметил появившуюся из северной стены потрепанную пыльную тень. Он провожал ее взглядом до тех пор, пока та не скрылась на соседней улице, а потом снял защитную каску и потер лоб. Такого ему еще видеть не доводилось. Даже в роликах на «Ютубе».

17

Ближе к ночи близняшки потребовали внимания Стива. По просьбе Норы он поручил им сложную задачу: разобраться в причинах того страха, который Симон внушал Эмилии.

Им и часа не потребовалось, чтобы просочиться в мельчайшие закоулки цифровой жизни девушки. Телефон, компьютер, планшет. Они повсюду расставили потаенные дверцы. Вообще-то, делать это куда проще, чем многие думают. Хакерство, весьма далекое от голливудских клише, основывается главным образом на человеческой слабости. В реальной жизни нет никакой нужды в длиннющих строках кодов, лихорадочно набираемых на перегретой клавиатуре. Чтобы обойти брандмауэр и прочие защитные системы, достаточно отправить выбранной мишени электронное вирусное письмо, способное вызвать интерес адресата, и подождать, пока тот кликнет по вложению. В отличие от Симона, Эмилия не отличалась особой осторожностью. Выдав себя за администратора школы медсестер, близняшки отправили ей фальшивое расписание

занятий. Как только файл был загружен, он посадил в компьютер студентки «троянского коня». И разумеется, поскольку на дворе уже двадцать пятый год двадцать первого века, а это что-то да значит, персональный комп Эмилии был связан со всеми остальными ее устройствами. В итоге через мобильник сёстры получили доступ не только к разговорам девушки, но и к ее СМС, фото, голосовым сообщениям и социальным сетям. А благодаря подключенному трекеру даже смогли узнать, какое количество воды ежедневно выпивает Эмилия.

— Подумать только, и это те самые люди, которые не желают прогуливаться нагишом по дому из страха, как бы кто из соседей их не увидел, — вздохнул Стив. — Ну а Симон?

— Ничего. У него хороший антивирус. Но тебя интересует то, что у нас есть, или только то, чего у нас нет?

— Простите, девочки. Продолжайте, улыбнулся Стив, откидываясь на стуле.

Эмилия нашла Симона через его спонсированные публикации в «Инстаграме». Генетика одарила девушку атлетическим сложением, так что она могла позволить себе обходить спортзалы стороной. А потому потребление фитнес-публика-

ций в социальных сетях стало для нее истинной отдушиной. Дамы с избыточным весом, исходящие кровавым потом на беговых дорожках, несли ей утешение. Сравнивать свое тело с другими оказалось неимоверно успокаивающим занятием.

— Бросьте, не надо преувеличивать!

— Она сама написала это черным по белому в одном из комментариев к видео. Вот. Прочитай сообщение, которое заканчивается словами: «Эти видео — мой *safe place*»[39]. Так что, мы можем продолжить?

Стив умолк.

Короче, Эмилия заглатывала подобные посты в количестве, достаточном для того, чтобы алгоритм принялся заваливать ее рекламой всего, что связано с физическими усилиями. И в конце концов «Инстаграм» вполне ожидаемо вывел ее на контент Симона Вильме. В одной из своих заказных публикаций тот, позируя с обнаженным торсом, расхваливал пользу какого-то протеинового напитка. Близняшки предъявили Стиву вышеозначенное фото. (Кстати, заодно они выяснили, что данная марка пищевых добавок спустя несколько месяцев прекратила свое суще-

---

[39] Примечания: 39
Безопасная территория *(англ.).*

ствование, поскольку во множестве случаев эта хваленая продукция вызывала язву желудка.)

Эмилия, очарованная прелестями мужчины и его контента, подписалась на страницу Симона, предварительно поставив под публикациями кучу лайков. Потребовалось совсем немного времени, чтобы Симон засек эту активность и добрался до личного мессенджера Эмилии.

— Откуда вам известно, что именно Симон сделал первый шаг?

— Хватит уже. — Одна из близняшек, до того не сказавшая ни слова, кинула в него антистрессовый мячик, который разминала в пальцах с самого начала отчета. — Завязывай со своим фактчекингом[40] и перестань перебивать нас на каждом шагу.

Сестры продемонстрировали самое первое сообщение из переписки Симона и Эмилии. Он написал ей: «Привет, если тебе нужны персональные советы, не стесняйся, ха-ха». Стив, которому нравилось играть у близняшек на нервах, с легким разочарованием пообещал их больше не прерывать.

Эмилия поспешила ответить, и с тех пор эти

[40] Примечания: 40

Фактчекинг — проверка данных в тексте для устранения сомнительной информации.

два юзера ежедневно и подолгу обменивались сообщениями. Неделю спустя они провели вместе вечер. В программе: азиатский ресторанчик в парижском пригороде и кинотеатр с объемным звуком от «Долби». Эмилия предупредила: она терпеть не может фильмы ужасов. Тогда Симон выбрал «стрелялку». Экшен, стволы и девицы. Чуть поколебавшись, Эмилия в конце концов позволила убедить себя заняться в тот же вечер любовью. Все сообщения, которые они посылали друг другу до и после пресловутого свидания, крутились вокруг этого. Можно было даже с точностью указать место, где все произошло: на заднем сиденье белого «Ауди А3» Симона.

Это случилось три месяца назад. С тех пор они больше ни разу не переспали.

— Пока что ничего обнадеживающего.

Стив с ухмылкой ждал продолжения.

Близняшки, никак не отреагировавшие на замечание босса, упрямо разматывали на экране цепочку посланий. За несколько дней до той самой вечеринки Эмилия сообщала, что до нее дошли разговоры о существовании видеозаписи их любовных утех, и умоляла эту запись удалить.

— Секс-видео?

Стив перестал раскачиваться на стуле.

— «Мне слишком стыдно. Я не хочу, чтобы у тебя были такие кадры». Напрямую нигде ничего не говорится, но обмен сообщениями не оставляет повода сомневаться.

Симон, в свою очередь, утверждал, будто ничего подобного у него нет и что он тоже жертва этих слухов.

— Почему Симон появился на вечеринке у Эмилии, если она обвиняла его в том, что он тайком снял это видео? На его месте я бы вел себя тише воды ниже травы, — заметил Стив, почесывая висок.

— Наверняка хотел объясниться лично и убедить ее, что никакой записи не вел.

Близняшкам никак не удавалось выловить само пресловутое видео: для этого им надо было получить доступ к компьютеру Симона. Однако Эмилия явно верила в существование компрометирующих кадров, и этого было более чем достаточно, чтобы ее терроризировать.

— И последнее, — добавила та из сестер, которая бросила в Стива антистрессовый мячик. — Может, это мелочь, но в ту ночь около четырех часов Эмилия послала сообщение Одри: «Ты в порядке?», на которое подруга так и не ответила.

Явно взволнованный, глава службы кибербез-

опасности поблагодарил близняшек, подкатился на стуле к своему столу, налил себе колы в картонный стаканчик и несколько минут просидел, уставясь в экран компьютера.

Согласно полицейскому протоколу, Одри тем вечером довольно рано отправилась спать. Так какого же черта Эмилия решила глубокой ночью выяснить, как у подруги дела? Почему просто не поднялась наверх и не посмотрела? Она же была у себя дома, в конце-то концов! А может, она что-то увидела или услышала? Что-то, помешавшее ей зайти в спальню? Он нахмурился и начал покусывать нижнюю губу. Когда Нора вернется, он поделится с ней новой информацией. А пока что ему надо сосредоточиться на своей работе, то есть на защите центра. Пальцы Стива застучали по клавишам клавиатуры чуть сильнее обычного. Никогда еще за все долгие годы, что он работал на «Фрагранцию», ему так не хотелось запустить против кого-либо мощную кибератаку. Допив колу, он смял стаканчик и бросил его в мусорную корзину.

18

В среду в полдень ольфактор Шоле мерил шагами свой кабинет. Его пациент должен был появиться с минуты на минуту, а предъявить ему было нечего. Шоле редко испытывал такое беспокойство, и сидящая на диване Нора упивалась зрелищем. Чем в большее уныние впадал Эдмон, тем острее становилось ее наслаждение. Почувствовав, что пора и честь знать (ибо, что бы там ни думали ультралиберальные экономисты, все хорошее рано или поздно заканчивается), она повернулась к Элиасу. Тот переминался рядом уже десять минут, изнывая в новых ботинках, от которых отчаянно ныли ноги.

— Подведем итог вчерашнему дню. Ты, — она начала подсчет, загибая пальцы, — превысил свои полномочия, совершил проникновение без санкции и даже без прикрытия, могущего обеспечить твою защиту, подверг себя опасности, бросил аппарат *headspace* ценой в десять тысяч евро…

— Не просто бросил. Этот никчемный бездарь позволил его украсть.

Эдмон подошел к встроенному бару, где хранились бутылки с виски времен первого поколения покемонов.

— Все верно, ольфактор, но беспокоиться не о чем. Каждый аппарат снабжен маячком. Команда, посланная к рабочим, подтвердила, что чемоданчик уже найден.

— Это ничего не меняет.

Он сжал хрустальный стакан с такой силой, что наверняка бы раздавил, если бы не распределил давление по всем стенкам.

— Вдобавок ты испортил смартфон, который тебе только в тот день и выдали. Я что-нибудь забыла? — усмехнулась Нора.

— Клянусь, вы нарочно опускаете главное. Он вернулся без атмосферы!

Нора удержалась от замечания, что плевать она хотела на успешность задания. Ольфактор только подтвердил свою репутацию: чтобы отправить новичка в такую западню, нужно вообще не иметь мозгов.

— Но у меня есть атмосфера.

В кабинете повисла тишина. Эдмон Шоле попросил Элиаса повторить. Тот послушался с неприятным ощущением, что запевает свою лебединую песню.

Смесь, составленная им в лаборатории этим утром, была, безусловно, функциональна — несмотря на отсутствие некоторого дополнительного сырья, которое ему так и не удалось найти. Элиас прибавил, что ольфакторная сигнатура соответствовала той, которую он почувствовал в Шартре. Атмосфера подойдет пациенту. Еще он взял на себя смелость включить в пробную дозу ЛСМ, чтобы сэкономить ольфактору время. И в доказательство своих слов молодой человек достал из кармана флакон, готовый к использованию в распылителе.

Эдмон вздохнул и поставил стакан на край письменного стола. В три шага он надвинулся на юношу, который рефлекторно защитным жестом прикрыл лицо. Баллистическая ракета и та не могла бы двигаться быстрее. Элиас решил, что занесенная рука ольфактора предвещала королевскую оплеуху. И только когда взбучка заставила себя ждать, он понял, что происходит. Ольфактор Шоле указывал ему на выход.

— Вон отсюда. Я не собираюсь совать твою на коленке сделанную мешанину под нос своему пациенту. Нет, просто в голове не укладывается!

Видя, что Элиас не реагирует, Нора взяла его за плечи и потянула в коридор. Изрыгаемая

Эдмоном ругань была прервана стуком захлопнувшейся двери.

Бледный Элиас покачнулся и, если бы не проворство Норы, рухнул бы ничком на ковер. Она предложила ему на минутку присесть. Он протестующе взмахнул рукой и полез в карман за своим жетоном. Все пошло не так, как он предполагал. Элиас чувствовал себя опустошенным и обделенным: его лишили заслуженного момента славы. На него нахлынуло чувство глубокой несправедливости. Обесцененный реакцией Шоле, его героический поступок больше ничего не стоил. Опасное путешествие в подвал представало теперь не дерзким успехом, а рискованной выходкой малолетнего легкомысленного придурка.

— Вот тебе и награда, — сквозь стиснутые зубы проговорил он.

Норе с трудом верилось, что этот растерянный мальчик решился забраться в наполовину обвалившееся здание. Подобная смелость шла вразрез с ее первым впечатлением. Ей казалось, что Элиас скорее из тех, кто переполошится, если не найдет клубничный йогурт в соседнем супермаркете.

Движение в другом конце коридора отвлекло Нору от ее мыслей. Мужчина уверенной поход-

кой, свойственной тем, кто всю жизнь управлял другими, направлялся прямо к ним.

Черт, пациент.

Она посторонилась, освобождая ему дорогу, и даже прижалась к стене. Визитер Эдмона Шоле как раз проходил мимо, когда она заметила перемену в поведении Элиаса. Ужаснувшись, что ему станет плохо прямо при клиенте, она слишком поздно поняла, что именно задумал юноша. Ассистента охватило трепетное, вибрирующее напряжение, заставившее его выпятить грудь и вздернуть подбородок. Нора готова была поклясться, что он бросил на нее насмешливый взгляд.

Элиас раскрыл ладонь, уронив склянку на ковер. И раздавил ее каблуком. Нора с задержкой в миллисекунду все-таки угадала его план и только благодаря рефлексу успела вовремя зажать себе ноздри.

Мужчина мгновенно застыл.

— Этот… этот запах…

— Простите неловкость нашего ассистента. Советую не вдыхать испарения.

Нора попыталась смягчить голос, гнусавящий из-за заткнутого носа.

Слишком поздно. Прямо в этом тесном кори-

доре с его искусственным светом, да еще и на глазах у двух незнакомцев пациент погрузился в прошлое.

Он с важностью десятилетки протянул отцу нужный инструмент. Шершавая отцовская рука взлохматила ему волосы, и он принял этот знак доблести с гордостью солдата. Мать спускалась в подвал, чтобы узнать у двух самых дорогих ее сердцу мужчин, как идут дела, и обнимала его с силой волчицы. Он рос, окруженный любовью и нежностью. Защищенный от трудностей жизни, от всех и всяческих обманов, предательств и штрафов за неправильную парковку.

Волна покалываний, зародившаяся в животе, поднялась по телу и добралась до мозга. Нора увидела, как человек осел на пол: вот почему специалисты «Фрагранции» при проведении сеансов ольфакторных воспоминаний следили, чтобы пациенты сидели или лежали.

Растянувшись во весь рост и обратив лицо к потолку, мужчина задыхался от слез. Партитура была простой и повторяющейся: стон, кашель, новый стон. Потом из носа пациента потекла жидкая от рыданий слизь. Он двигался вспять с такой сосредоточенностью, что, казалось, скоро и впрямь сумеет перевоплотиться в сопливого

пацана, которого любят и защищают. Под воздействием ЛСМ самыми трогательными порой оказывались как раз напыщенные гордецы.

Нора попыталась оттащить его подальше от источника запаха, но тело мужчины донельзя отяжелело. Поскуливающий, весь во власти бьющего через край восторга, он не имел ни малейшего желания двигаться с места. Элиас с гордостью взирал на эту сцену. Что-то росло у него в душе. Нахальная потребность доказать, чего он стоит. Теперь никто больше не умалит его работу. Никто не перечеркнет его усилия. Пока могущественный промышленник рушился, распадаясь на части, Элиас все более возвышался.

Встревоженный шумом, в коридор выскочил Эдмон с твердым намерением на этот раз воспользоваться рукой не только для того, чтобы указать новичку на дверь. В атмосфере старого влажного мелового подвала, заполненного запахами металла, смазочного масла и разнообразных растворителей, он обнаружил лежащего на спине пациента и Нору, которая изо всех сил тянула того за ногу. Позади них высился исполненный бунтарского духа Элиас.

Не дав ольфактору и слова сказать, молодой человек объявил, что только что отправил его

ассистентам мейл с формулой. Второй тщательно подготовленный флакон прибудет с минуты на минуту.

Эдмону пришлось опереться о стену. В спешке он забыл заткнуть нос. Уже чувствовались признаки непроизвольного транса.

Норе наконец удалось поставить мужчину на ноги, прихватить по дороге Эдмона и увести обоих в кабинет. Прежде чем затворить дверь, она обернулась к Элиасу. Решительно, ей придется пересмотреть свое первое впечатление.

19

Солнце уже заходило, а с ним стихало и перешептывание цветов. Последние пациенты покидали имение, переполненные эмоциями и с ожившими воспоминаниями. Некоторые шмыгали носом, другие прыскали со смеху. Всех трясло после пережитого очарования. Клиенты, сожалевшие о двухстах евро, потраченных на полчаса сеанса, были тут редкостью. Неудовлетворенность часто объясняется сомнительным качеством, а «Фрагранция» всегда гордилась высочайшим уровнем предоставляемых услуг.

Сидя на скамейке позади одной из многочисленных цветущих куп, Элиас занимался самобичеванием. Его воинственный пыл утих, оставив по себе только изнеможение и сожаления.

К тому моменту, когда Нора присоединилась к нему с двумя бутылками пива в руке, все треволнения этого дня вогнали его в апатию. Она поставила рядом с ним холодную бутылку, вокруг которой на деревянном сиденье вскоре образовался ореол из конденсата.

Оказалось, что Нора явилась с хорошими но-

востями. Элиас не получит выговора. Напротив, Шоле дал понять, что хотел бы пользоваться его услугами в оставшиеся до конца недели дни. Нужно будет собрать еще несколько атмосферных проб.

— Не самых простых, но и не то чтобы сверхсложных, по его словам.

Учитывая убежденность ольфактора в том, что задание в Шартре было проще некуда, Нора мягко ему отказала. Элиас не будет больше работать с этим буйнопомешанным. Разумеется, ей хотелось бы отделаться от нового ассистента, но не отправлять же его к праотцам, в самом деле! Инцидент был исчерпан, Элиас может не беспокоиться.

Он откинул голову назад и глубоко вздохнул. Тело расслабилось, и он почувствовал, как подступает мигрень. Большой глоток пива заменил торжественный тост. Такую новость следовало обмыть.

— Итак, ты умеешь реконструировать атмосферу просто по нюху. — Она поднесла горлышко бутылки к губам. — А я-то полагала, что эти навыки исчезли с появлением портативных аппаратов *headspace.* Впечатляет.

Элиас признался, что у него не оставалось особого выбора, — ведь он столько лет работал на

человека, способного взорвать собственный дом микроволновкой. Она улыбнулась.

Ее мнение о нем изменилось — теперь, во всяком случае, она уже не рассматривала его исключительно как источник проблем. Пока они беседовали, у нее даже появилось желание узнать о нем побольше. Но Элиас, не привыкший к такому интересу к собственной персоне, боялся наскучить собеседнице.

— Как ты попал во «Фрагранцию»?

Нора склонилась к нему, словно обозначая, что ответ ее действительно интересует. Чувствуя себя неловко, Элиас послушно заговорил.

В две тысячи семнадцатом году, по инициативе одного из ольфакторов, внезапно пораженного серьезной болезнью, «Фрагранция» и государственная больница оформили партнерство, получившее название *Odor Medicina*[41]. Этот социальный проект позволил нескольким специально отобранным медикам рекомендовать своим пациентам пройти курс ЛСМ без сложной процедуры рассмотрения их кандидатур. Начинание оказалось успешным: были получены обнадеживающие результаты в области

[41] Примечания: 41
«Медицинский запах» *(лат.).*

восстановления памяти, посттравматических расстройств и снятия психического напряжения у лиц с ментальными проблемами. Но инициатива быстро захирела, так как оказалась несовместимой с ужесточением политики конфиденциальности, столь милой сердцу Корнелии. Элиас же стал одним из тех редких счастливчиков, которым удалось пройти курс лечения. Его психиатр значился в списке клиницистов, аффилированных с «Фрагранцией», а потому сумел отправить своего пациента на сеансы ольфакторных воспоминаний. Элиас не мог не признать, что эти сеансы в значительной степени помогли умерить его повышенную эмоциональность. Однако он не поделился с Норой той горечью, с какой воспринял приостановку данного проекта. *Odor Medicina* действительно помогал людям, и Элиас считал, что никакая стратегия секретности не должна превалировать над оказанием поддержки наиболее уязвимым членам общества.

— А как получилось, что Ален предложил тебе место своего ассистента?

— Долгая история.

— Тем лучше.

Элиас опять глотнул пива. Это дало ему время собраться с мыслями.

— Я всегда был вторым, ждал своей очереди, пока Ален мучился с предыдущим пациентом. Даже психиатр считал его случай безнадежным. После аварии на мотоцикле он перестал говорить. Замолчал. Абсолютно онемел. Его отец, который вел байк, здорово пострадал. Он выжил, но ему ампутировали обе ноги. При падении их размозжило. И сын никак не мог оправиться от этого ужаса. Я очень им сочувствовал. И сочувствую до сих пор… Осмелюсь вам напомнить, что сеанс ничего не дает, если пациент не желает раскрыться. Ольфакторам необходима точность в определении запахов, которые ассоциируются с воспоминаниями. Поэтому Ален предлагал мальчику произвольные элементы — расхожие атмосферы, вроде леса, пляжа и ванили. Кажется, он экспериментировал даже с испарениями городского бассейна. Надеялся случайным образом наткнуться на что-то, включающее нужную реминисценцию. Но у него ничего не получалось, и пациент сопротивлялся каждому путешествию под ЛСМ. Однажды вечером, перед тем как вернуться домой, я собрал в кулак все свое мужество и сказал Алену, что у меня появилась идея. Сейчас в это трудно поверить, ведь нынче я просто сама уверенность, но в то время подобный поступок

потребовал от меня большой отваги.

Нора улыбнулась, вспомнив о первом впечатлении, которое произвел на нее ассистент. Элиас явно гордился своей шуткой.

— Каждый раз, когда сын являлся на сеанс, отец сопровождал его и дожидался в приемной. Наверняка он таким образом боролся с чувством вины за то, что втравил их обоих в аварию. Уже сам вид байкера, который даже в инвалидном кресле не снимал кожаной косухи, производил тяжелое впечатление, а он к тому же казался таким покаянным, таким жалким, что у меня просто сердце сжималось. Темные очки, порыжелые от табака усы… его лицо до сих пор стоит у меня перед глазами. Родитель, не скрывающий, что облажался по полной, — такое трудно забыть. И всякий раз я замечал, что они с сыном прямо светились, когда оказывались рядом. Хотя оба не произносили ни слова, нельзя было не обратить внимания на то, как крепка их связь. Вот я и посоветовал Алену использовать мою идею: создать запах, который напомнит образ отца. Поскольку мне не хватало ни владения профессиональным жаргоном, ни знаний, я был решительно не способен самостоятельно воспроизвести атмосферу, и Ален предложил поработать вместе. Для меня это было

не слишком сложно. Я провел столько времени рядом с отцом мальчика, что его запах по сей день остается у меня в носу. Его косуха была жирной, с уксусными, почти кислыми нотами. Самокрутки в маисовой бумаге пропитали всю его шкуру. Волосы, щетина и ногти стали настоящими капиллярными диффузорами. У него пахло изо рта, а пот отдавал тмином. От всех его шмоток несло дизельным топливом, шинами и моторным маслом. Запах был настолько сильным, что я иногда спрашивал себя, не был ли он «харлеем», принявшим человеческий облик. Я описал все это Алену, и он смог воссоздать атмосферу и предложить ее сыну. На следующей неделе, после нескольких десятков безрезультатных сеансов, тот наконец произнес несколько слов. А чуть позже я был принят на работу.

Нору больше заинтересовало то, как именно Элиас присоединился к «Фраграции», чем история отца и сына. Никаких стандартов процедуры приема не существовало. Корнелия предпочитала окружать себя людьми ловкими, креативными и с мощным воображением, и чтобы получить место, следовало доказать свою изобретательность. Пойти для этого на что угодно. До Норы доходили разговоры о слежке, шпионаже, шанта-

же и даже киднеппинге. Элиас со своей историей был максимально близок к тому, чтобы получить официальное приглашение на работу. Они еще немного поболтали, а потом Нора извинилась. Ей придется оставить Элиаса. Единственное окошко на неделе, позволяющее ей встретиться с Одри, вот-вот закроется.

20

— Спасибо за ваш рассказ.

Нора прикрыла за собой створчатую дверь и вернулась на свое место в комнате, соседней с той, где проходило занятие группы поддержки. Она с вожделением глянула на кофеварку и растворимый кофе, стоящие на складном столике, но вынужденная воздержанность взяла верх. Ее мочевой пузырь не вынес бы еще одной чашки. Она бросила быстрый взгляд на своих товарищей по ожиданию. Замкнутые лица, обгрызенные ногти, бледная кожа — окружающие, казалось, дошли до ручки. Агрессия в редких случаях ломает только одну жизнь. Руководители группы поддержки жертв сексуального насилия позволяли близким побыть в комнате рядом. Ведущие сеансов давно заметили, что некоторые участницы вели себя доверительнее, если сочувствующие им находились неподалеку.

Нора получила сообщение от Аббада. Он опоздает. Известие стало для нее неприятным сюрпризом. Она просто не сможет вести допрос в одиночку.

— Да пошел ты, — прошипела она довольно громко.

Никто этого не заметил. У всех были свои заботы.

Хилая звукоизоляция створчатой двери позволила Норе понять, что пришла очередь Одри рассказать о себе, и она навострила уши.

Девушка начала с признания, что прошедшая неделя показалась ей не такой невыносимой, как предыдущие. У нее была всего одна паническая атака, причем чуть менее интенсивная, чем обычно. А вот тревога, связанная с тем, что ее воспринимают как жертву, никуда не делась. Одри преследовало ощущение, что на нее смотрят с жалостью, словно на уменьшенную, усохшую, приниженную версию той, какой она была раньше. Она ненавидела это сострадание почти с такой же силой, как и мужчину, ставшего его причиной.

Одна из ведущих попыталась ее успокоить:

— Напротив, все считают тебя очень сильной, и никто не собирается тебя жалеть.

Группа дружно закивала. Однако эти слова, не затронув сознания, мячиками отскочили от твердой убежденности Одри. Незнакомец извалял ее в грязи, а все остальные, обращаясь с ней как с

жертвой, беспрестанно об этом напоминали. Вот та реальность, которая день за днем складывалась — и уже сложилась — в ее сознании. Мало того, хотя осквернил ее один мужчина, он, как ей представлялось, был всего лишь последним звеном в длинной цепочке. Теперь она считала, что любой человек, появлявшийся в ее жизни, так или иначе ее третировал. Весь путь Одри оказался усеян мерзкими типами. Начиная с отца. Законченный неудачник, затягивающий членов семьи в свой убогий мирок. Неспособный удержаться ни на одной работе дольше месяца алкаш, чьим любимым развлечением было унижать мать Одри. В итоге близкие видели ее чаще в слезах, чем радостной. Ум жены, ее вес, ее манера одеваться — буквально все давало поводы для его издевок. А когда пять лет назад запасы злобных нападок наконец истощились, он поставил точку на прежней жизни, уйдя к другой. Что касается любовных отношений, то Одри часто бросали, обманывали или просто использовали; множество романчиков оставило грязный след на ее душе. Тот единственный, в кого она действительно была влюблена, внезапно испарился и больше не подавал признаков жизни. Испугавшись, что с ним что-то случи-

лось, она связалась с его друзьями. Один из них, самый смелый, признался, что это «что-то» было беременностью официальной подружки. В шестнадцать лет Одри увидела граффити на заднем фасаде вокзала в Сесоне. «Мужчина женщине волк». Она долго колебалась, прежде чем набить себе тату с этой искаженной мыслью Гоббса. И все же существовало одно исключение. Мужчина, в корне непохожий на всех остальных, который в промежутке между двумя отцовскими отлучками сумел сделать мать счастливой. Одри было тогда четыре года, и в ее памяти не сохранилось почти ничего, но она тем не менее была уверена, что всегда радовалась в его присутствии, и иногда цеплялась за это смутное воспоминание, словно пытаясь убедить себя, что ощущение счастья, возможно, однажды вернется.

Скрип отодвигаемых стульев оповестил сопровождающих, что группа поддержки закончила свою работу. Теперь все могли собраться в главном зале. Пока организаторши приводили помещение в порядок, участницы группы разговаривали между собой. Держась чуть поодаль, Нора последовала за остальными и окунулась в унылую обстановку большого зала с линолеумом на полу, пожелтевшими от времени стенами и

модульными потолками со встроенными светодиодными панелями. Днем зал использовался для коллоквиумов и других мероприятий культурного центра Мелёна, поэтому стены были увешаны разнообразными постерами. Веселые улыбчивые подростки девяностых вносили ностальгическую нотку в эту мрачную атмосферу. Высокая, тонкая, с исхудалым лицом и выступающим подбородком… в Одри чувствовалась потаенная гордость. Она стояла одна, и все же подойти к ней Нора не осмелилась. Бросила взгляд в застекленную панель входной двери и раздраженно констатировала, что никакого Аббада не видно.

«И что мне теперь делать?» — спросила она себя. Оставался, правда, еще один вариант: представиться Одри официальной помощницей полиции, привлеченной для участия в расследовании, и попытаться самой задать ей вопросы. Но как? Заговорить напрямую о запахах было невозможно. А уж о том, чтобы упомянуть «Фрагранцию», и речи быть не могло. Одри примет ее за сумасшедшую и пошлет куда подальше. Так как же ей получить ответы?

Пока Нора ломала голову, пытаясь выбрать приемлемую линию поведения в каком-либо из этих вымученных сценариев, Одри, забрав

сумку, висевшую на спинке стула, направилась к двери. Если уж действовать, то сейчас. Использовать самый тонкий подход. Но существует ли такой? «Привет-привет. Ты не помнишь, в тот вечер, когда тебя изнасиловали, ты чем-нибудь надушилась?»

Нет, она была решительно не способна приступить к делу в одиночку. Одри уже уходила. У Аббада оставалось всего несколько секунд, чтобы появиться, перехватить девушку и спасти положение. Но чуда не случилось. Молодая женщина переступила порог здания и исчезла. Нора попыталась дозвониться до следователя, но попала на автоответчик. Да какого черта?! Пусть теперь сами разбираются.

На улице легкого пиджачка оказалось достаточно, чтобы пройти сквозь ночь без озноба. Нора добралась до паркинга, где ее ждал водитель. Достав мобильник, она, изо всех сил стараясь сдержать недовольство, начала писать сообщение Аббаду. Печатала, а потом стирала одни и те же фразы. Ей казалось, что в каждом слове сквозила слишком явная досада. Незачем еще больше отравлять их отношения. Когда она уже подошла к седану, шофер указал на что-то у нее за спиной. Аббад торопливыми шагами устремлялся к Одри.

Нора стерла свое послание и уселась в машину.

— Вы его не подождете?

— Мне и без того есть чем заняться этим вечером. Он знает, что от него требуется.

Она сделала знак Франсуа трогаться. Настроение у Норы было паршивое. Хотя этому немало поспособствовал Аббад, главным образом ее потряс рассказ Одри.

По дороге во «Фраганцию» она получила сообщение от Стива. Подготовленное им прикрытие, позволяющее добраться до предполагаемого насильника, было готово.

21

На гигантских экранах центра управления Нора наблюдала за маленькой группой мужчин в белоснежных халатах, бахилах и пластиковых шапочках. В индустриальном гуле машин они лавировали между большими роботизированными манипуляторами, перемещающимися над поточными линиями. Отделанная белым кафелем лаборатория была полностью подготовлена к их визиту. В частности, сотрудники закрыли черными наклейками названия некоторых веществ, содержащихся в кюветах из нержавеющей стали и других емкостях. Чужаки имели право ознакомиться лишь с тем, что «Фрагранция» желала им показать. Расположенная в одной из пристроек, зона производства ЛСМ была наиболее охраняемой и секретной на всей территории. Телефон Норы завибрировал.

— Сообщайте мне незамедлительно, если появится что-то новое. Я в здании, — бросила она, глянув на только что полученное сообщение.

Человек, стоящий перед консолью с мигающими сигнальными огоньками, молча кивнул.

Помощница Корнелии прекрасно знала команду, которой было поручено принимать и контролировать посетителей, а потому нимало не сомневалась в благополучном исходе сегодняшней инспекции. Она провела своей черной карточкой по считывателю бейджей и вышла из помещения. Стив с пластиковой шапочкой на голове ждал ее в холле. Нора невольно усмехнулась при виде его облачения.

— Ты что, совсем оборзела? Не могла просто прийти к нам, в отдел кибербезопасности? — взорвался Стив, заметив ухмылку Норы.

— Во-первых, я подумала, что для тебя же лучше иногда вылезать из своей норы. А во-вторых, я предпочитаю оставаться поблизости. У меня тут шарится делегация правительственных агентов.

Ради сохранения юридического и формального прикрытия на государственном уровне Корнелии пришлось смириться с некоторыми обязательствами. Ежегодная санитарная инспекция инфраструктуры производства ЛСМ входила в их число. Гротескное и излишнее притворство. Вся «Фраграция» знала, что «санитарные инспекторы» на самом деле были агентами генерального управления внутренней безопасности. Из-за возрастания незаконного оборота фальси-

фиката ЛСМ их визиты участились. Этот был уже четвертым с начала года.

Нора со Стивом устроились в конференц-зале, который со временем превратился в столовую для лаборантов. Тут все пропахло готовой китайской лапшой и соленой свининой с чечевицей. Подставку, на которой раньше стоял проектор, теперь задействовали под микроволновку. Стив положил перед Норой ноутбук и сел рядом. Словно собираясь заняться просмотром последнего полнометражного творения Кристофера Нолана, он открыл пакетик с желейными мармеладками и принялся одну за другой их клевать. Начав с желтеньких.

Безумная скорость, с какой развиваются технологии, проявляется в том, что стоит на минуту отвлечься — и ты уже сошла с дистанции. Примерно так чувствовала себя Нора, впервые обзаведшаяся цифровым двойником. После неудачи близняшек, так и не сумевших пробиться в компьютер Симона, за дело взялся сам Стив. Продолжив поиск, он выяснил, что недавно инфлюенсер столкнулся с кое-какими трудностями. Его заподозрили в мошенничестве, и большинство серьезных рекламодателей от него отвернулись. Все началось с того, что некая *RedHair63* пожа-

ловалась в сетях, что так и не получила честно выигранной ею игровой приставки *PlayStation 5*. Причем по очень простой причине: такого лота не существовало в природе. Скорее всего, Симон организовал фальшивую игру-конкурс лишь для того, чтобы улучшить свою статистику и увеличить число подписчиков. Вообще-то, подобная практика была распространена среди инфлюенсеров и обычно не вызывала никаких нареканий. Вот только Симон, похоже, зарвался, и потому энная жалоба на его жульничество взбаламутила и подвигла на бунт всех, кого он одурачил прежде. Тогда Симон, явно по совету своего агента, разродился лицемерным видео с извинениями. «Да ладно, мы же с вами в интернете, все равно рано или поздно вам это надоест», — заключил он свое послание. Стив не мог не отдать должное такой самоуверенной наглости.

В ожидании, когда пользователям «все равно надоест», инфлюенсер довольствовался тем, что размещал у себя всякую сомнительную и плохо оплачиваемую продукцию. Он дошел до того, что продавал свое лицо рекламе свитеров с черепами из пайеток, белых дутиков с черным мехом и пищевых добавок, неэффективность коих в борьбе с облысением была давно доказана.

Зато в области образовательных публикаций все шло как нельзя лучше. В последнее время торговые операции в секторе крипты набрали обороты. Все больше неофитов проникались уверенностью, будто смогут составить себе состояние в этом цифровом эльдорадо. Их шансы заработать столь рискованными инвестициями хотя бы жалкий сантим были меньше, чем при отборе в первую марсианскую экспедицию, организованную «Спейс-Икс»[42], однако Симон упорно приманивал их сладкими посулами. При наплыве искателей золота богатеют продавцы лопат.

— Ему не бабло нужно. — Стив отправил в рот очередные три мармеладинки, что сделало его речь менее членораздельной. — Ему нужно подправить свой имидж.

— То есть следует предложить ему престижное сотрудничество?

— Именно.

Стив наклонился и набрал в поиске «Флоранс Хено». Сразу высветились десятки сайтов. Из «Википедии» Нора узнала, что эта Флоранс была директрисой по маркетингу группы «Геймтех»,

---

[42] Примечания: 42

«Спейс-Икс» («SpaceX») — компания по производству космической техники, основанная Илоном Маском с целью колонизации Марса.

первого французского независимого издателя видеоигр. Самоучка, женщина экстравагантная и волевая, она получила прозвище «папесса гиков».

— Кто это?

— Ты.

Нора поспешно кликнула по одной из фотографий, якобы демонстрировавших Флоранс Хено, и увидела собственное лицо. У нее вырвался нервный смешок. Стив объяснил, что сложнее всего было сделать невидимым настоящего директора по маркетингу «Геймтеха». Как только того удалось сослать в глубины поисковых систем, Стив получил свободу действий для создания нужного двойника. Благодаря программам для фотомонтажа Флоранс Хено принимала участие в куче вечеринок и событий. Ютуберы с миллионами подписчиков, команды по киберспорту, отмеченные высшими наградами, — казалось, она была знакома со всеми селебрити 2.0[43]. Большинства этих людей Нора, разумеется, никогда не встречала. В социальных сетях каждый ее аккаунт был

[43] Примечания: 43

Имеются в виду звезды Web 2.0, в том числе инфлюенсеры, к которым прислушиваются большие или влиятельные слои пользовательского сообщества. Web 2.0 — вся совокупность интернет-ресурсов, строящихся на создаваемом пользователями контенте.

помечен синим бейджиком, подтверждающим, что страница не фейковая. В «Инстаграме», «Фейсбуке» и «Твиттере», вместе взятых, она имела около тридцати тысяч подписчиков. (За несколько сотен евро любой мог заполучить столько же благодаря не слишком щепетильным посредникам.) И — верх реализма — ее имя упоминалось в десятках статей. «Монд», «Нувель Обс» и даже «Лез Эко»; множество сайтов-клонов, которые исчезнут через несколько дней.

— Невероятно.

— Однако действовать придется быстро. Поддержка таких ссылок в интернете стоит дорого, и «Гугл» скоро все позакрывает.

— Мы немедленно пошлем приглашение Симону. У тебя есть соображения, кого из ольфакторов возьмешь с собой на задание? Я сделаю его твоим ассистентом.

— Пока нет. Последнее время они так и норовят увильнуть. Но я кого-нибудь подберу.

Буквально через несколько минут с ними связался агент Симона Вильме, и встреча была назначена на завтрашний вечер. Нора знала одно местечко, которое идеально подходило для того, чтобы устроить ловушку и заманить туда Симона.

22

Все последние дни Элиас не вылезал из ольфакторной лаборатории. Помещение было разделено на несколько боксов, каждый из которых предназначался для одного ассистента. Его собственный располагался в самой глубине, рядом с панорамным окном. Он не мог и надеяться на лучшее место. Синие канистры с ЛМС стояли от него на расстоянии вытянутой руки. Это изобилие резко контрастировало со скудостью его запаса, спрятанного за навесным потолком туалета в Мане.

Другое принципиальное отличие заключалось в уровне соблюдения мер безопасности. Каждое рабочее место было оснащено расположенной посередине водяной прыскалкой. Эти умывальнички, напоминавшие Элиасу фонтанчики с водой из американских сериалов, служили для промывки глаз в случае выброса. Удобное устройство для техников, которые не хотели кончить,

как Сорвиголова[44], только без его сверхчеловеческих способностей.

В лаборатории даже имелись четыре вытяжных шкафа, нечто вроде гигантских вентилируемых аквариумов, для работы с самыми сильнопахнущими веществами. Оборудование, естественно отсутствовавшее в лавочке Фиссона. Однажды, пролив флакон чистой *buchu mercaptan*[45], они с Аленом спровоцировали эвакуацию всего здания. Это сырье, называемое также смородиновым пентаноном, было настолько мощное, что даже годы спустя у Элиаса иногда возникало ощущение, будто запах еще не выветрился из стен. В научной терминологии такой феномен называется фантосмией. Нечто вроде обонятельной галлюцинации. Например, одна из пациенток Алена, страдающая этим расстройством, утверждала, что в их приемной воняет мокрой псиной.

---

[44] Примечания: 44

Сорвиголова (Daredevil, он же Мэттью Майкл Мёрдок) — герой комиксов (с 1964) *Marvel Comics*, созданный Стэном Ли и Биллом Эвереттом при участии Джека Кирби. Сорвиголова в детстве от случайного воздействия радиоактивного вещества потерял зрение, что в десятки раз обострило остальные его чувства.

[45] Примечания: 45

Buchu mercaptan — один из компонентов эфирного масла листьев южноафриканского растения бучу, в чистом виде токсичен. Меркаптаны — устаревшее название тиолов, сернистых аналогов спиртов; действуют на нервную систему.

Присущие Элиасу трудности с межличностным общением взяли верх над его желанием сблизиться с остальной командой. И теперь он исхитрялся отыскивать предлоги, чтобы обедать отдельно, и старался избегать часа пик у кофемашины, не желая пересекаться с коллегами и просчитывая их передвижения. Но это стоило ему таких усилий, что в конце концов он пожалел о своем решении. Тем более что помощь при навигации в библиотеке обонятельного сырья была более чем желательна. По сравнению с ней каталог в Мане походил на подборку простеньких эфирных масел в сетевом магазине. Элиас, полагавший, что хорошо знает наиболее используемые в парфюмерии органические активные вещества, неожиданно столкнулся с совершенно новыми кетонами, сложными эфирами, альдегидами и спиртами. На данном этапе ученичества он, можно сказать, брал уроки смирения. Походил на пианиста, который, сев за инструмент другого музыканта, обнаружил, что на его собственном не хватает клавишей. Некоторые композиции пахли едва распустившейся розой, другие — черным брезентом, слишком долго пролежавшим на солнце. Каждая до того незнакомая ему молекула открывала перед ним новый мир возможно-

стей. Альдегид с фруктовыми акцентами — и его представление о вазе с фруктами становилось чуть богаче. Кетон, напоминающий кисловатую фиалку, — и Элиас хрустел ароматным леденцом своего детства. Учитывая, что каждая эссенция требовала многих ольфакторных сеансов, работа предстояла титаническая. Он прикинул, что потребуется минимум год, чтобы восполнить все его пробелы. О выходных, разумеется, придется забыть.

Между тем с каждой новой химической композицией он все больше злился на Алена. За время своего обучения Элиас перевидал самые разнообразные коллекции, от наклеек на дынях и раздавленных ракушек до картонных коробок с туалетной бумагой, но наставник ни разу не подумал остановиться на том, что было единственно важным, — на подборе исходного сырья. И раз уж пожаловаться по телефону было невозможно, поскольку разговоры прослушивались, он все выскажет Алену прямо в лицо — через несколько дней, когда тот приедет в центр.

В пятницу днем, ознакомившись с семейством ароматичных камфорных, он позволил себе перерыв. Не считая уборщиков, он был единственным, кто еще трудился в лаборатории.

Пока вся бригада отмывала кафель на полу и на стенах, а один человек складывал в металлическую тележку грязную стеклянную утварь, оставленную накануне ассистентами, молчаливая женщина занималась полками. Она брала каждую снабженную этикеткой колбу, протирала ее тряпочкой и ставила обратно — точно на то же место, откуда взяла. Занятие кропотливое и нудное.

Из редких разговоров уборщиков Элиас понял, что ни одному из них эта работа не нравится, так что они менялись чуть не каждую неделю. Только их бригадирша, Мария, была исключением из правила — привилегия возраста и знак признания, что у нее самые надежные руки.

Элиас сходил в комнату отдыха, купил в автомате брауни и вернулся насладиться им перед панорамным окном. Еда в лабораториях была под запретом, но он полагался на молчание уборщиков и уборщиц.

С высоты своего насеста он мог обозревать парк во всем его обширном великолепии. Небо, затянувшееся грозными тучами, изгнало оттуда дряхлеющих фланеров. Пожилые люди составляли более сорока процентов клиентуры «Фрагранции». Ален как-то объяснил: люди в

преклонном возрасте — наилучшие клиенты. «При помощи простого запаха клубники можно извлечь из них тысячу воспоминаний», — любил повторять он. Только Кахетель — виверра, которая прыгала, пытаясь на лету поймать синицу, — нарушала застывшую красоту пейзажа.

Элиаса вывел из раздумий звук тележек, которые уборщики торопливо выкатывали в коридор второго этажа. Им явно не хотелось сталкиваться с Шоле, направлявшимся к закутку Элиаса. Способность ольфактора передвигаться, не производя ни малейшего шума, бросала вызов любому слуху. Особенно учитывая его мощную стать. Чем ближе подходил Эдмон, тем сильнее сжимался Элиас. Он развернулся лицом к панорамному окну, запихнул брауни в карман халата и спешно проглотил недожеванный кусок.

— Доставьте мне такое удовольствие и воздержитесь в дальнейшем от еды в этом помещении, — бросил Шоле, подойдя почти вплотную.

Текли минуты; ольфактор молчал, устремив взгляд за окно. Казалось, все его внимание было поглощено тем, что происходит внизу. Потом он обернулся.

— Мой изготовитель атмосферы ушел, место освободилось.

— Это очень любезно с вашей стороны, но я стану ольфактором. С работой ассистента покончено.

Язвительный смех Шоле удивил Элиаса. Его собеседник снова отвернулся к окну и указал пальцем на Кахетель:

— Известно ли вам, что виверры, когда чувствуют опасность, выделяют из желез, расположенных рядом с анусом, желтоватую тошнотворную субстанцию? Эта липкая жидкость, тяжелая и с фекальным запахом, должна вызывать отвращение и отпугивать самых свирепых хищников. Но не худшего из них — человека. Видите ли, человек нашел этот запах столь чувственным, пьянящим и навязчивым, что решил включить выделения виверры в свои духи. На протяжении сотен лет за животным охотились и эксплуатировали его с этой единственной целью.

— Да, мне известно происхождение природного цибетона, но я не понимаю, зачем вы мне это рассказываете.

Однако Шоле продолжил как ни в чем не бывало:

— Чтобы собрать ценное вещество, этих зверушек запирали в клетках, едва ли больших, чем они сами, и с силой колотили палками по пру-

тьям. Грохот ударов приводил животных в ужас, и они спешили секретировать свою защитную жидкость в специальную емкость, подставленную под клетку. А потом это повторялось, снова и снова, день за днем, пока зверек не умирал от истощения.

Шоле позволил себе несколько секунд помолчать, словно давая Элиасу время переварить услышанное, и наконец произнес:

— Видите ли, я не могу удержаться от того, чтобы не провести параллель. Подобно виверрам, вы обладаете кое-чем, что нам нужно. И опять-таки подобно им, вы не слишком склонны к сотрудничеству. Но не волнуйтесь, вас никуда не запрут и ни к чему не станут принуждать…

Тут Шоле наклонился к Элиасу со злобной улыбкой и тихо закончил:

— Однако же вы еще пожалеете, что не полезли в клетку по своей воле.

Затем он развернулся и вышел за дверь.

От жестокости его слов Элиас лишился дара речи. Он, столько лет идеализировавший «Фраграницию», мало-помалу открывал для себя ее бесчеловечную сторону. Дрожа, он вытащил мобильник и стал набирать номер Алена, но вовремя остановился. «Дыши, дыши». Способен ли

он сопротивляться такому давлению и такой безжалостности? Конечно, стать ольфактором было его мечтой, но какова окажется цена? Нет, пора взглянуть в глаза реальности: каждый контакт с Шоле заставлял его сожалеть о прежней жизни. В сущности, разве не к этому лежала у него душа? Спокойный провинциальный городок. Чистосердечные отношения. Все эти козни и махинации в Фонтенбло доводили его до изнеможения.

…Постепенно к нему вернулось спокойствие. Наверняка тяжело будет лишь поначалу, а на самом деле все не так уж и плохо.

Давай держись. Еще немного терпения, и ему доверят пусть маленькую, но лабораторию. Место, где будет царить благожелательность. Ни подначек, ни запугивания; только счастливые люди среди первичных веществ и воспоминаний.

Когда Элиас уже собрался вернуться в свою каморку, его отловил запыхавшийся парень:

— Я от Норы. Вы должны явиться к ней. Немедленно.

23

Уйдя в свои мысли, Одри не услышала гомона студентов, вырвавшихся с последнего занятия. Она осталась сидеть — прямая, невозмутимая… только блестящие глаза выдавали глубокую боль. Через несколько секунд она опомнилась. Наклонилась, порылась в рюкзаке, достала коробочку для пилюль и, открыв ее, проглотила таблетку. В классе остались только она и преподаватель. Слишком поглощенный разбором своих записей, он не обращал на нее внимания. Девушка бесшумно поднялась и вышла в коридор.

Сегодня она впервые после нападения вернулась в свою школу медсестер. Момент щекотливый, но неизбежный. День прошел лучше, чем она ожидала. Многие студенты подходили к ней со словами поддержки. Но были и простые любопытствующие — эти хотели выведать детали произошедшего на вечеринке у Эмилии. Однако они отправлялись восвояси разочарованными: Одри ничего не помнила. Трудности с провалами в памяти зачастую вызывают меньше интереса, чем жестокость нападения.

Едва она оказалась в коридоре, как мысли снова вернулись к расследованию. Они с Али Аббадом, ведущим ее дело следователем, обменялись номерами телефонов еще в тот раз, когда она пришла в комиссариат подать жалобу. «Если у тебя мелькнет хоть самое смутное воспоминание или тебе захочется просто поговорить, потому что почувствуешь себя плохо, звони без раздумий». Он вел себя очень предупредительно. Не так Одри представляла себе полицию. Однако, когда она интересовалась, как продвигается расследование, ответы инспектора ее не удовлетворяли. Он ссылался на административную медлительность и процедурные сроки или намекал на какие-то ложные следы. Присланные им сообщения были осторожными и сдержанными.

Сейчас, в канун выходных, коридор быстро пустел. На улице пошел дождь, причем сильный. Стук капель о стекла напоминал бешеные аплодисменты. Одри снова порылась в рюкзаке, достала складной зонтик. И только выйдя из здания и оказавшись во власти стихии, увидела, что в нем не хватает нескольких спиц. Устремившись в поисках укрытия к автобусной остановке, она заметила на другой стороне улицы знакомый атлетический силуэт Эмилии. Та, удаляясь от нее,

направлялась к центру города. После случившегося Эмилия ни разу с ней не связывалась. Хотя подобное поведение и вписывалось в бурный и изменчивый характер их отношений, обстоятельства давали Одри полное право обидеться. Кем надо быть, чтобы игнорировать подругу, переживавшую такое испытание? Глубоко задетая Одри захотела наконец внести ясность. Она попыталась окликнуть Эмилию, но хлещущий дождь заглушил голос. Оставалось два варианта: побежать за ней со сломанным зонтиком или послать сообщение, попросить обернуться. Видя, что Эмилия уходит все дальше, она выбрала второе. Пролистав сообщения в мобильнике, Одри открыла их переписку. «Ты в порядке?» Это сообщение она увидела впервые. Наверно, кликнула на него прежде, но просто машинально, не прочитав. И когда же именно это было? Одри проверила дату и время. Сердце у нее подскочило. С комом в горле она нажала на вызов. Вдали, за занавесью дождя, фигура остановилась, порылась в кармане куртки, достала сотовый, замерла на несколько секунд, глядя на экран, но все-таки ответила.

— Почему ты послала это сообщение?

— Какое?

Голос Эмилии, казалось, пробился из глубин

мира.

— То, которое ты мне отправила в четыре часа в ночь, когда меня изнасиловали.

Повисло молчание.

Посреди улицы осмеливался звучать только дождь.

— Говори.

— Оставь меня в покое, Одри.

— Если ты что-то видела, скажи мне. Что ты мне голову морочишь?

Снова молчание. Еще более гнетущее, чем раньше. Сама того не замечая, Одри вышла из-под навеса автобусной остановки и встала у края тротуара. Отовсюду текла вода, и она вся промокла. Волосы прилипли к вискам. На грани слез она уговаривала Эмилию:

— Умоляю, скажи мне, что ты знаешь…

Голос сорвался. Эмилия пробормотала какие-то извинения и дала отбой. Задыхаясь, Одри смотрела, как спасается бегством та, которую она еще совсем недавно называла подругой. У Одри не было сил догонять предательницу. Ноги стали такими тяжелыми, что она, казалось, вообще не могла двинуться с места. Слезы хлынули потоком, смешиваясь с дождевыми струями. Внезапно она почувствовала себя одинокой. Чудовищно

преданной, брошенной. Ею овладела злость. Охватил горький гнев. Глубоко уязвленная, она лихорадочно написала сообщение и нажала «отправить».

Лежащему на диване Аббаду пришлось смахнуть пустую коробку из-под пиццы, этот реликт обеда, чтобы нащупать телефон и прочитать сообщение. «Эмилия скрывает от меня что-то о ночи нападения». От слов Одри у него сжалось сердце. Он встал и начал расхаживать по гостиной…

Аббад не мог открыть ей тяжкую правду. С тех пор как Нора два дня назад рассказала ему об этом странном послании («Ты в порядке?» — надо же!), он все сильнее давил на Эмилию, стараясь убедить ее заговорить. С самого начала интуиция властно нашептывала ему не доверять этой девушке, и теперь он похвалил себя за то, что прислушался к внутреннему голосу. Эмилия что-то утаивала, и в конце концов это поняла даже Одри.

«Вовсе не обязательно быть суперищейкой», — сказал он себе.

Всякий раз, когда он упоминал имя Симона в присутствии Эмилии, та мигом намертво замыкалась в себе. Он знал, что ее свидетельство стало бы основой обвинения против инфлюенсера. Но,

несмотря на все расточаемые им обещания защитить ее и клятвы уничтожить видео, если таковое и впрямь существует, он ничего не добился. Студентка подтвердила, что действительно послала это сообщение, но в начале вечеринки, а не под утро. Во всем, мол, виноват сбой в сети. Гипотеза, которую команда Норы уже решительно опровергла. Однако Эмилия цепко держалась за свою версию. Истина заключалась в том, что из страха перед мщением молодая женщина предпочла принести в жертву Одри.

«Я этим займусь». Энное взвешенное сообщение, посланное девушке.

Это грызло Аббада изнутри. Он вышел на кухню и затушил окурок в раковине. И привычный жест, и холодильник, в котором скучала высохшая половинка лимона, забытая на полочке в дверце, и скомканные носки, валяющиеся по всему дому, — все здесь провоняло одиночеством. Он напридумывал столько дутых оправданий, столько раз прикрывался, как щитом, пожирающей его работой, которая, мол, не оставляет времени для личной жизни, что в конце концов и сам в это поверил. Случались, конечно, кое-какие романчики, но ничего продолжительного. Его природная склонность к молчаливости гроби-

ла большинство отношений. Как только связь крепла и пара приближалась к тому роковому моменту, когда правила хорошего тона требовали признания в чувствах, Али самолично дырявил трюм, чтобы потопить корабль. А говоря серьезно, он просто никогда не испытывал тех сильных эмоций, которые подвигают переплыть океан, покорить горную вершину и уступить другому последнюю шоколадку. Впрочем, нет. Однажды такое все же случилось. Один-единственный раз. Двадцать лет назад женщина перевернула его мир. И эти жалкие два года чистой любви оставили в его душе зияющие раны. Он часто вспоминал о ней. Чаще, чем готов был признать. Но больше всего ему запомнилась одна ее фраза. Он тогда только поступил в полицию, никаких особых карьерных амбиций не имел и постоянно жаловался, что за письменным столом дни тянутся слишком долго и монотонно. А она в ответ возражала, говоря, что если принято улыбаться, когда все идет хорошо, то следует радоваться и кажущейся обыденности. «Рутина — это незаметное счастье», — твердила она. Аббад навсегда запомнил эти ее слова. И сегодня пожертвовал бы чем угодно, лишь бы насладиться подобным счастьем. Но та женщина ушла, унеся с собой ра-

дость их совместного существования. Она опять попала в руки своего бывшего, отца ее ребенка. Настоящего козла, по-другому и не скажешь. С тех пор Али частенько клял себя за то, что так и не сумел отговорить ее от этого выбора, навязанного ложно понятым здравым смыслом.

Поскольку след, связанный с Эмилией, безнадежно оборвался, Аббаду оставалось рассчитывать только на «Фрагранцию». Он задавался вопросом, чем они вообще там занимаются, среди этих своих нюхательных машин и в облаке ученых словечек, описывающих запах помета. Ожидание довело его до белого каления. Ему необходимо было действовать, шевелиться, бороться, что-то пробовать. Движение. Вот суть всего. Даже если порой крутишься вхолостую. Ведь и поднятый движением ветер может сгодиться. Например, чтобы гонять осеннюю листву. Решено. Он еще сильнее надавит на эту наркоманку Нору. Если в ближайшее время она не добьется результатов, он без колебаний сдаст ее дилера Корнелии. Их судьбы отныне связаны.

24

За несколько минут до отъезда Нора выяснила, что из восьми резидентных ольфакторов Фонтенбло ни один не готов оказать ей содействие. Они вели себя как испорченные, избалованные дети. Норе стоило все больших усилий выносить этих капризных примадонн, и ее радовала мысль, что Корнелия вскоре избавится от некоторых из них. Четкий сигнал: не считайте себя неприкосновенными, вы, шайка долбаных царьков. Но пока что ей позарез требовался ольфактор, чтобы успешно выполнить стоявшую перед ней задачу. Или хоть кто-нибудь, умеющий нюхать. И вот тут-то смутно забрезжила кандидатура Элиаса. Хотя поначалу Нору смущала перспектива использовать того, кого она намеревалась через несколько дней отослать восвояси, осознание чрезвычайности ситуации перевесило ее моральные терзания.

— Все готовы?

Член команды, которому она поручила предупредить Элиаса, занял свое место в группе, терпеливо дожидавшейся на паркинге центра. Она оглянулась. Взлохмаченный, выставив впе-

ред свой выдающийся нос, к ним на всех парах несся тот, кто заставлял ее мучиться угрызениями совести.

Час спустя Нора, Элиас, близняшки и два сотрудника службы безопасности, один из которых сидел за рулем, катили в минивэне в Париж. По дороге Нора вводила ученика ольфактора в курс дела. Кто такая Одри, что ей пришлось пережить, потенциальная виновность Симона… Описывая все это, она заодно наблюдала за непрерывно дергавшейся ногой собеседника. Но уж лучше так, чем смотреть, как он теребит свой жетон. В сотне метров от финиша она еще раз проговорила роль каждого, а потом повернулась к Элиасу:

— Главная задача этого вечера — определить запах Симона. — Она показала ему фотографию инфлюенсера. — Единственное, что от тебя требуется, — это молчать и нюхать. Если он пользуется парфюмом, ты просто должен сказать нам, каким именно.

— Как собака-ищейка.

— Только не начинай, пожалуйста. — Она потерла переносицу. — Мне хватает восьми надутых себялюбцев, с которыми приходится управляться в центре.

— Извините.

В Париже была уйма закрытых клубов. Тайные местечки, где высокопоставленные чиновники, политики и лоббисты соседствовали с манекенщицами, знаменитостями и эскортницами, — особый мирок междусобойчиков, соблюдавший обет молчания. «Доместик» принадлежал как раз к этой категории заведений, недоступных широкой публике. У Корнелии, однако, имелись туда свои ходы. Причем такие надежные, что Норе достаточно было лишь назвать привратнику имя своей начальницы, чтобы им немедленно предложили все самое лучшее из ассортимента клуба.

Снаружи «Доместик» походил на обычное здание в османском стиле[46]. Но стоило пройти через холл, как вы попадали в царство роскошных ресторанов, залов для приемов и приватных гостиных. На верхнем этаже имелась даже клубная смотровая площадка. Декорации были идеальны, так что теперь все зависело от актеров.

Помимо Элиаса, Нора также прихватила с собой двойняшек. Их глубокое знание культуры гиков придавало Нориной выдумке убедительности.

---

[46] Примечания: 46

Османский стиль — стиль, в котором проводились градостроительные работы в середине и конце XIX века под руководством тогдашнего префекта Парижа барона Османа.

Чтобы казаться специалистом в какой-то области, иногда достаточно владеть профессиональным жаргоном.

Сотрудники «Фрагранции» оживленно беседовали, когда один из официантов подвел к их столику Симона и его агента. Парочка казалась столь же беззаботной, как наркокурьеры при таможенном досмотре. Нора хотела произвести на этих двоих впечатление, назначив встречу именно здесь, и вполне в том преуспела. Взмахом руки она пригласила обоих садиться. Пока остальные обменивались приветственными банальностями, Элиас заглянул в меню. Он был более-менее всеяден, но не выносил ничего из того, что имело хотя бы отдаленное касательство к морской пучине. По его глубокому убеждению, все, что исходило из моря, лучше бы там и оставалось. Но, как он и подозревал, никаких традиционных блюд в этом пафосном заведении не имелось. Ему оставалось только препоручить свою участь судьбе.

Симон Вильме находился в хорошей физической форме и скрупулезно подбирал себе одежду в обтяжку, чтобы это подчеркнуть. Нора не удивилась бы, узнав, что он и на шкаф в своей спальне прицепил постер с Брэдом Питтом в фильме

«Троя».

Немного стушевавшийся в начале трапезы, Вильме быстро обрел обычную самоуверенность. Взгляд его стал настойчивее, движения — размашистее. Он даже не стеснялся своего кашля, из-за которого приходилось иногда прерывать общую беседу.

Официанты подали закуску из авторского, единого для всех меню: «Фантазия на тему осьминога с цветками цукини». Крутое начало для Элиаса.

К этому времени к Симону окончательно вернулась присущая ему уверенность. У него имелись своя позиция и свое мнение по любому вопросу. Речь отчетливая, взвешенная, не покидающая рамок политкорректности. Он вполне мог сойти за горячего защитника социальной справедливости. Этакий светоч прогрессивности и защитник меньшинств. Гуманист 2.0, белый рыцарь современности, противоречить которому означало бы восстать против принципов солидарности, борьбы с угнетением, морали и добрососедства.

При виде следующего блюда под названием «Синий лобстер, дань моему отцу» Элиас чуть не хлопнулся в обморок. Вот же мечут бисер перед свиньей, думал он, впихивая в рот очередной кусок.

От такого явного лицемерия у Норы кружилась голова, она не могла уже выдержать и минуты этой комедии. Изображая в своем приталенном костюмчике пресловутую Флоранс Хено, высокомерную и в то же время приветливую, она тактично перехватила слово у Симона. И до конца трапезы больше его не возвращала.

Официанты (по одному на двух гостей) унесли тарелку Элиаса, которую он опустошил, умудрившись даже, ценой героического усилия, сдержать отрыжку, и поставили перед ним десерт «Карамельный флан парфе с мороженым из морской капусты». Это его добило. Он был бы не способен повторить ни единого слова из беседы, которую слушал вполуха. Его занимал единственный вопрос: сумеет ли он выделить парфюм Симона, абстрагируясь от запаха рыбы, который уже наверняка сочится из всех пор инфлюенсера?

Когда разговор добрался до технических деталей, Нора уступила площадку близняшкам. Те с азартом и знанием дела изложили замысел очередной разрабатываемой игры, которая на самом деле существовала исключительно в их изобретательных мозгах. Профессионала в данной области, конечно, кое-что бы смутило, но для Симона и его агента рассказанного хватило

с лихвой. Тем более что престижность обстановки затушевывала некоторые несовершенства. Вокруг царила мягкая, вкрадчивая атмосфера, а хрустальные люстры и колонны в стиле модерн словно бы внушали новичкам: здесь принимаются решения, значимые для жизни миллионов людей.

Потом за дело снова взялась Нора. Чтобы запустить игру, команда «Геймтеха» подготовила весьма амбициозный план интерактивной коммуникации с участием многочисленных влиятельных персон. Идея заключается в том, чтобы смоделировать их лица, а затем включить их в пространство игры в качестве НИПов — неигровых персонажей. Этот рекламный ход рассчитан на то, что игрок получит дополнительное удовольствие, когда на очередном витке квеста с удивлением обнаружит своего любимого инфлюенсера. Профиль Симона Вильме привлекателен с точки зрения маркетинга, поскольку его «криптосообщество» представляет собой сегмент потенциальных покупателей. Идея буквально очаровала Симона. Что до агента, то его в первую очередь очаровывало маячившее вознаграждение. Нора протянула ему листок.

Увидев написанную там сумму, агент расплыл-

ся в довольной улыбке. Для такого простенького сотрудничества она выглядела более чем внушительно. Не слишком ли щедрым оказалось предложение? Плевать, одернула себя Нора, платить-то они все равно не будут.

— Если вы согласны, мы назначим на ближайшее время следующую встречу, чтобы смоделировать лицо Симона, а заодно и подписать контракт.

— А как происходит это самое моделирование? — поинтересовался агент.

— На Симона наденут что-то вроде шлема, и датчики просканируют его голову. Процедура совершенно безопасная, а главное, не инвазивная. Она займет всего четверть часа.

— Если мое лицо поможет вам продать больше игр, я готов.

Все сочли своим долгом рассмеяться, а Симон подавил очередной приступ кашля. Для профформы Нора и агент пожали друг другу руки. Было уже около одиннадцати, и Флоранс Хено заявила, что разговоров о работе на сегодня достаточно. Теперь пора спуститься в подвальное помещение и продолжить вечер там.

25

Оглушительная музыка, влажный воздух и переполненный зал — короче говоря, все, что требуется клаустро- и агорафобам, чтобы провести худший вечер в их жизни.

Подвалы «Доместика» являли собой полную противоположность его верхним этажам. Внизу безраздельно царили секс, кетамин и полное пренебрежение правилами ограничения уровня шума. В приглашении завершить встречу в таком странноватом месте не было ничего неожиданного, если вспомнить репутацию Флоранс Хено. В десятках поддельных статей, размещенных в интернете, команда Стива особо подчеркивала ее пристрастие к андерграундным вечеринкам. Симон поначалу довольно сдержанно отнесся к идее продолжить деловую встречу в клубном подвале, но под настойчивым давлением своего агента все же сдался. Его опасения основывались на страхе показать другое свое лицо. Именно то, которое Нора так отчаянно стремилась вытащить на свет.

Официант в рубашке с глубоким вырезом и

со слишком белыми зубами усадил их за прекрасный столик. Отдельная ложа, нависавшая над танцполом. Вечер был в самом разгаре. Тела соприкасались под бейслайн, сплетались во время билдапа и разъединялись в дропе. В ночном клубе целая история любви могла уложиться в один музыкальный трек.

Симон пил, и пил много. Как и вся компания. Для деловой встречи атмосфера была слишком уж разгульная. Никто из сидевших за столом не допивал свой бокал без того, чтобы тут же не наполнить его снова. Элиасу хватило одного взгляда, чтобы понять, что инфлюенсеру нехорошо. Вместо кашля на того теперь напала все усиливавшаяся отрыжка. Было похоже, что его вот-вот вырвет.

— У меня такое ощущение, что у нашего гостя трудности с перевариванием омара, — шепнул Элиас на ухо Норе.

Та улыбнулась и еще раз заказала всем выпивку. И именно этот стаканчик оказался для Симона роковым: сделав глоток, он встал с банкетки, скинул пиджак и направился к танцующим. Агент схватил его за руку.

— Если не хочешь просрать десять штук, советую вести себя поаккуратнее.

Вместо ответа Симон воздел руки, взревел, как перепивший студент на вечеринке, и присоединился к толпе. Поскольку случая подойти к инфлюенсеру достаточно близко, чтобы определить его парфюм, прежде не представлялось, Нора увидела в этом прекрасную возможность и велела Элиасу двинуться следом.

Чуть позже, когда инфлюенсер уже выделывался на танцполе, к нему подошла юная пышнотелая блондинка выше его на полголовы. Элиас быстренько к ней пригляделся: истинное воплощение подростковых фантазий. Она даже «мушку» у губ себе нарисовала для пущей привлекательности. Миндалевидные глаза, казалось, взлетали над скулами, а груди бросали вызов целомудренности. Ее тело, туго обтянутое платьем, несколько раз потерлось о тело Симона, и лишь потом девица встала прямо перед ним. Тот сразу резко развернул незнакомку и прижался тазом к ее ягодицам. Симон явно был не из тех, кто падает ниц пред ликом красоты. Девица поначалу удивилась, однако возражать не стала. Клуб полнился телесными и алкогольными испарениями. В царящей полутьме световые лучи прорезали танцпол. Симон раскачивался не в такт. Сексуальные позывы брали верх над его

чувством ритма.

— Черт, как ты хороша! — прорычал он.

Она ничего не ответила. То ли была оглушена музыкой диджея, то ли не говорила по-французски. Что ж, вполне возможно. Ради ублажения состоятельных клиентов владельцы подобных заведений часто выписывали девушек из стран Восточной Европы. Повернувшись спиной к впавшему в экстаз Симону, она покачивала бедрами. Элиас невольно уставился на эту парочку. Такое выпячивание животного начала было ему совершенно чуждо. До этого вечера он ни разу не заходил в ночные клубы и плохо разбирался в здешних нравах, однако все же полагал, что Симону следовало бы надеть менее обтягивающие джинсы. Элиас прекрасно видел, что между ног у Симона стало тесно. Молодая женщина, не обращая на это внимания, продолжала методично двигаться, прижимаясь к Симону. Он положил руки ей на бедра. Она не возразила. Он сдвинул ладони так, что ее ягодицы сомкнулись на уровне его паха. В ответ она вскинула руки и замотала из стороны в сторону головой. Волосы хлестали его по лицу. Элиас чуть не задохнулся, вцепившись в свой стакан с «отверткой». Симон сзади задрал ей платье. Почувствовав, что ее трусики

оказались выставлены на всеобщее обозрение, она развернулась и попыталась его оттолкнуть. Тогда инфлюенсер схватил ее за предплечье и дернул, чтобы снова притянуть к себе. С криком, заглушенным последним дропом, она уступила. Скрипнув зубами и сурово нахмурившись, Симон продемонстрировал ей свой лучший звериный оскал. Она хотела высвободиться, но он только сжал ее еще крепче. Сопротивление лишь усилило его хватку.

Не раздумывая, Элиас бросился к ним. Четыре шага — и он уже за спиной Симона. Но вместо того, чтобы затормозить, ассистент наддал еще. Его плечо впечаталось в плечо инфлюенсера. От неожиданного толчка тот выпустил свою добычу, которая воспользовалась этим, чтобы исчезнуть в мельтешне танцпола.

Не оборачиваясь, Элиас устремился в толпу, расталкивая тела на своем пути. Дыхание у него участилось, сердце забилось в бешеном ритме. Он был настолько уверен, что оглядываться смысла не имело: Симон, разумеется, преследовал его по пятам. Вернуться к Норе и остальным? Но до них слишком далеко. Сбоку располагались туалеты, и, если в последний момент свернуть к ним, он сможет оторваться от инфлюенсера. Когда Элиас

влетел туда, в нос ему ударил смешанный запах мочи, блевотины, хлорки и алкоголя. Даже самые прожженные завсегдатаи клубов с трудом противостояли этому тошнотворному коктейлю, особенно к концу вечера. В сторонке два типа в костюмах снюхивали дорожки кокаина с металлической крышки сушилки для рук престижной марки «Дайсон». Их присутствие успокоило молодого человека. Свидетели, пусть и обдолбанные, помешают Симону наброситься на него с кулаками. По крайней мере, он на это надеялся. Он направился к писсуару и предъявил белой эмали все самое интимное. Тут как раз подоспел Симон. У Элиаса дрожь прошла по спине. Хотя весь ряд писсуаров был свободен, инфлюенсер встал перед тем, который находился по соседству. Потом расстегнул ширинку и оросил пол. Несколько капель попали на ботинки Элиаса.

— Тебе, наверно, очень не терпелось пописать. Ты даже не заметил, что по дороге выбил мне плечо.

— Простите.

Элиас нажал кнопку слива. Водяной занавес прикрыл фаянс.

— Не извиняйся. Только слабаки просят прощения.

Симон застегнул молнию, остановил на Элиасе гордый взгляд и завел длинный монолог о том, что в этом мире, дабы преуспеть, необходимо заставить считаться с собой. Другими словами, все человеческие взаимоотношения сводятся к тому, чтобы съесть или быть съеденным. Он разглагольствовал об иерархии в волчьей стае, о теории эволюции, о пользе боевых искусств для обретения веры в себя… приплел даже две-три маскулинных концепции, не имевших никакого отношения к теме. Все это прямо противоречило тем взвешенным речам, которые инфлюенсер совсем недавно вел за столом. По всей видимости, под напором потребленных доз спиртного его личина упала. Когда Симон завершил свою тираду исковерканной цитатой из Ницше, Элиас страдальчески закатил глаза. Он чувствовал, как в нем поднимается волна гнева.

— А этот твой бред о раскладе сил, он что, служит тебе оправданием, когда ты насилуешь женщин?

Симон поднес было кулак к лицу Элиаса, но внезапно резко опустил руку. Молодой человек сделал шаг назад. Развеселившись, Симон вытащил свой телефон, поймал Элиаса за ворот, притянул к себе и сфотографировал. Тот не успел

вовремя скрыть лицо.

— Далеко не все осознают, в чем настоящее преимущество инфлюенсеров. Разумеется, у нас есть и деньги, и девицы, и всякая халява, и знакомые селебрити. Но наша истинная сила в другом. Знаешь, в чем?

— Сотри это фото.

— Заткни пасть, когда я говорю. — Симон встряхнул его. — Голос — вот в чем все дело. Видишь ли, наш голос слышен. И разносится намного дальше, чем писк среднего лоха. Например, если возникает проблема с каким-нибудь брендом, нам достаточно упомянуть его в наших социальных сетях, чтобы уладить все буквально за минуту. Таким серым мышкам, как ты, и отвечать-то мало кто удосужится. Разве только чтобы послать вас подальше. А вот нас слушают. О, а вот тебе еще один пример. Если завтра я решу обозвать кого-то педофилом, ты даже не представляешь, что за ад ожидает этого парня. Даже если я вру, его раз десять успеют вздернуть, пока он будет доказывать, что в жизни не прикасался к малышне. Не хотелось бы мне оказаться на его месте.

Симон ослабил хватку и оттолкнул Элиаса. И прежде чем уйти, сильно ткнул его в плечо

— совершил нечто прямо противоположное дружескому похлопыванию.

Оставшись наконец один, молодой человек позволил себе задышать быстрее. Впрочем, приступ очень скоро миновал. То удовлетворение, которое он испытал, вмешавшись в ситуацию на танцполе, а потом худо-бедно, но все же сумев противостоять этому хищнику, быстро сняло напряжение после стычки. Ну и еще одна деталь рассеивала его тревогу. Прижимая Элиаса к себе, Симон позволил тому отвлечься от запахов мочи, рвоты и ужина, состоявшего почти исключительно из рыбы. По собственной доброй воле на протяжении всего монолога он предоставлял в распоряжение ученика ольфактора свой интимный обонятельный букет. И теперь Элиас был уверен: никаким парфюмом Симон не пользовался.

Инфлюенсер вернулся к столику, уселся и налил себе выпить. Элиас присоединился к компании чуть позже. Несколько раз ассистент замечал, как Симон явно разочарованным взглядом ищет незнакомку на танцполе.

Элиас был доволен.

26

Расхристанный, с гулом в ушах и всклокоченными волосами, Элиас дотащился до номера, который сняли для него в гостинице недалеко от «Доместика».

Пять часов спустя пришло сообщение от Норы с просьбой подняться к ней на этаж. Если его лишали законных восьми часов сна, молодой человек маялся весь день, минута за минутой. Хуже того, усталость усугубляла его тревожность. Он помнил ночь, которую они с Аленом провели, собирая для пациента запах спящего леса. Один из самых томительных эпизодов в его начинающейся карьере. От недосыпа и мрака ему казалось, что он попал в темный лихорадочный сон, где на каждом шагу поджидают ухающие монстры и жуткие опасности. Его ментор, спокойный, как удав, провел ту же ночь, согнувшись в три погибели и подбирая желуди, устилавшие подлесок. (Кстати говоря, несколько дней спустя ассистент обнаружил всю добычу Алена в шкафу филиала.)

Собрав все свои силы, чтобы хотя бы приподняться, Элиас несколько долгих минут просидел

на краешке кровати, проклиная последними словами Нору с ее вызовом. Да еще в воскресенье! Стоит только захотеть, и он наверняка отыщет в Трудовом кодексе закон, прописывающий минимальный период отдыха между двумя рабочими сменами. Мысль полистать юридическую литературу в поисках нужной статьи его развеселила.

Он открыл окно и впустил свежий воздух. Но вскоре его замутило. Помариновавшись здесь, он почти привык к пропитавшему комнату тяжелому запаху табака. Полное впечатление, что когда-то этот номер служил холостяцкой квартирой Черчиллю, Шварценеггеру или продавцу гаванских сигар. Несмотря на отчаянные усилия, отелю при всем своем количестве звезд не удалось избавиться от обонятельного клейма, оставленного предыдущим жильцом. Осадки едкого табачного дыма проникли в каждую деталь обстановки. От ковролина до простыней, не говоря уж о шторах. Затхлая навозная вонь расположилась здесь вполне по-хозяйски, а постояльцы были лишь захожими гостями.

Элиас натянул трусы (чистые, как он надеялся), влез в брюки и с голой грудью направился в ванную. Из-за сонной лени он лишь ополоснул волосы и лицо над раковиной; потом взял ша-

риковый дезодорант, нанес пару мазков поверх вчерашних, почистил зубы и достал черную майку. Все его шмотки пропахли аэропортовской курилкой. Ничего не поделаешь. По его подсчетам он мог поваляться еще целых семь минут, и никто бы этого не заметил. Урвать у Норы несколько бесценных секунд отдавало реваншем, если уж не приносящим полного удовлетворения, то безусловно необходимым. Но только он успел выставить будильник на телефоне, как получил сообщение от вожака стаи: «Номер 401».

Он впервые оказался в люксе и сразу же почувствовал себя там инородным телом: гостиная, гардеробная, балкон, столовая, бар, отдельные ванная и туалет. Самая большая комната была превращена в штаб. Сидя по обе стороны стола орехового дерева, близняшки без устали стучали по клавиатурам своих компьютеров. Они подпитывали информацией жестикулирующую Нору. Время поджимало. Незаменимая помощница Корнелии знала, что не может бесконечно задействовать столько ресурсов, не нажив неприятностей. Ни ее должность, ни компетентность не могли защищать ее до скончания времен. Рано или поздно ей придется держать ответ.

В глубине же комнаты атмосфера была совсем

иной. Элиас с завистью заметил водителя минивэна, вольготно развалившегося в мягком кресле изящных очертаний и мирно там дремавшего.

— Получилось. Аббад прислал нам название духов Одри, — бросила одна из близняшек.

Нора повернулась к шоферу. Тот поднялся, предвосхищая приказ подойти.

— Девочки перекинут тебе в мессенджер фотографию флакона. Съезди в парфюмерный, привези мне, хорошо?

Не успела она договорить, как тот уже исчез. Элиас уставился на его освободившееся место, но Нора, встав между ним и его голубой мечтой, указала на другой стул, более приспособленный для ведения беседы. Даже доставленный официантом прямо в номер кофе, который Нора ему протянула, не смог его утешить.

— Твой отчет! — потребовала Нора, завязывая волосы в пучок.

— Ничего особенного. Может, некоторый призвук кокосового ореха или пало санто[47]. Я находился достаточно близко к Симону, чтобы удостовериться, что он не пользуется парфюмом.

— Досадно.

---

[47] Примечания: 47

Пало санто — вид деревьев, растущих в южной части Южной Америки, из которых производят эфирное масло и палочки для благовоний.

— Это важно?

Он поерзал на неудобном сиденье.

— И да и нет. Да, потому что нас бы это очень устроило, и нет, потому что я предвидела облом.

Обонятельный шлейф человека состоит из двух видов эманаций: естественной и искусственной. Если Элиас должен был заняться искусственной, то, как сообщила Нора, параллельно она поручила другому актеру разобраться с естественной. Гордясь своей предусмотрительностью, она, поддавшись соблазну, не стала скрывать, насколько собой довольна. Элиас даже впервые удостоился ее заговорщицкого подмигивания. Он покраснел и забыл свои вопросы относительно «естественного запаха Симона».

Зато, услышав знакомое имя, он сразу вспомнил вчерашнюю историю. Усталость и забывчивость — они как мать и дочь. Он должен поговорить об этом с Норой. Рассказать, что видел. Этот тип хищник, и — случай настолько редкий, что об этом следовало упомянуть, — Элиас испытывал к нему глубокую неприязнь. Но в тот момент, когда он собрался изложить Норе все, чему был свидетелем, в гостиную, держа в руках прозрачную коробочку, зашел другой агент службы безопасности. Ссутулившись и втянув голову в плечи, он

двинулся на середину комнаты.

— Мне очень жаль, Нора.

— Скажи, что ты шутишь.

— Она испугалась. Он был слишком груб.

— Ну ты даешь! Заплати ей. Вдвойне. И отправь записку с извинениями.

Подручный кивнул, положил коробочку на стол и вышел из люкса.

Нора закрыла глаза и потерла виски. Вздохнула. Несколько секунд назад она заранее себя поздравляла. А сейчас шахматная доска опрокинулась, и приходилось подбирать с пола рассыпавшиеся фигуры. Она не заметила, как члены команды обменялись тревожными взглядами. С самого начала выполнения этого задания Нора Олссон не походила на себя прежнюю. Впрочем, ей было плевать на мнение своих сотрудников.

Элиас растерянно взял коробочку и шагнул к начальнице:

— Что это?

— Черт, ну ты же сам видишь, что сейчас не время для уроков.

Нора схватила свой телефон, лежавший на журнальном столике, и тоже вышла.

Усталый Элиас, которого грубо одернули, почувствовал приближение панической ата-

ки. А его жетон? Где он? Наверно, забыл у себя в номере. Нужно спуститься и найти. На его плечо легла чья-то рука. Одна из близняшек, невозможно определить которая, взяла у него коробочку и мягко объяснила, что это комплект, предназначенный для забора телесного запаха. Он использовался, когда требовалось получить персональную сигнатуру человека. Коробочка состояла из отделений, в каждом из которых лежала стерильная марлевая салфетка, пропитанная особым составом для забора образцов. Достаточно просто приложить на несколько минут марлю к специфическим зонам — подмышкам, половому органу, шее, волосам, ступням. Пропитавшиеся эманациями марлевые салфетки запечатываются в специальные пакетики и отправляются в лабораторию для реконструкции путем воздействия сверхкритического диоксида углерода. В результате получается персональный запах человека.

— Полагаю, эта коробочка предназначалась для Симона. Но кому было поручено им заняться?

Вторая двойняшка, так и оставшаяся сидеть у стола, развернула к ним экран компьютера. Элиас сразу все понял. На мониторе появилась молодая женщина из ночного клуба. Эскортница — ее миссия как раз и заключалась в том, чтобы уйти

с Симоном и воспользоваться этим комплектом. Учитывая, какое количество алкоголя Нора в него влила, вчерашний Симон был бы слишком пьян, чтобы хоть что-то заметить.

Элиас только-только начал осознавать, какими колоссальными возможностями обладает «Фрагранция». Методичная, решительная, раскидывающая свои щупальца все дальше… компания представала перед ним в новом свете. Если законы и существовали, то на эту корпорацию они явно не распространялись. Однако Элиаса подобная уверенность «Фрагранции» в собственной безнаказанности вовсе не шокировала — напротив, он чувствовал, что эта фирма его завораживает. Так кобра обездвиживает добычу своим зловещим колыханием. Его моральные принципы замирали один за другим. Как далеко «Фрагранция» могла зайти в своем пренебрежении этикой и презрении к правилам? Ответ он получил намного раньше, чем ожидал, — когда в номер вернулась Нора.

— Я только что предупредила по телефону одну из дескрипторов. Готовьте проникновение со взломом.

— Проникновение?

Элиас тут же разозлился на себя за то, что задал

новый вопрос, но на этот раз Нора нашла время ответить:

— Мы должны попасть в дом Симона Вильме.

27

В 2012 году Европейский центр ядерных исследований объявил об открытии бозона Хиггса, «Коста Конкордия» перевернулась у берегов Тосканы[48], фото Кейт Миддлтон с обнаженной грудью появилось в одном из «желтых» журналов, а команда «Фрагранции» изобрела революционную ольфакторную электроэнцефалографическую технологию. Тремя годами раньше Корнелия поручила группе ученых конфиденциальную миссию: детально разобраться, как именно действует летучая мемоактивная жидкость. На протяжении этих лет радиологи, медики, нейробиологи и другие исследователи изучали мозг десятков пациентов, подвергнутых действию психотропа. Корнелия предоставила в распоряжение ученых практически неограниченный бюджет и лабораторию, оборудованную

[48] Примечания: 48

«Коста Конкордия» — один из крупнейших круизных теплоходов в истории мирового флота; потерпел крушение в ночь с 13 на 14 января 2012 года, налетев на рифы у острова Джильо в Тирренском море; погибли 32 человека из 4252, находившихся на борту.

ПЭТ-сканерами[49] и гамма-камерами, аппаратами МРТ и прочими приборами для производства изображений — с названиями не менее сложными, чем их применение. Время и деньги для ученых — все равно что солнце и вода для растений. А они получили того и другого столько, что исследования расцвели прямо-таки пышным цветом.

Вдохновленные замаячившими на горизонте Нобелевскими премиями и перспективой вечной признательности, специалисты также выпестовали новые познания в области обоняния. Первым их большим успехом стала локализация областей мозга, отвечающих за ментальное восприятие запахов, обонятельную память и возникающие на их основе эмоции. Один только этот прорыв уже мог бы потрясти основы нейробиологии. Но, к несчастью, мировое научное сообщество никогда не сможет ознакомиться с их трудами. Политика конфиденциальности обязывает! Всего несколько месяцев назад благодаря наблюдениям за пространственным распределением активности в лимбической системе исследователи сумели составить карту инди-

[49] Примечания: 49
ПЭТ — позитронно-эмиссионная томография.

видуального обонятельного опыта отдельного человека. Это достижение позволило ученым создать подборку фотосрезов коры головного мозга, где каждое изображение соответствовало определенному ощущению. Таким образом они выявили тот факт, что, несмотря на своеобразие индивидуального опыта, эмоциональный отклик мозга под ЛСМ является универсальным. Данный психотроп превзошел все ожидания. МРТ-наблюдения за запахами без воздействия летучей мемоактивной субстанции давали ученым лишь неясные изображения, сложные для интерпретации. Но при воздействии этого необыкновенного катализатора каждый снимок мозга, отражающий обонятельное восприятие, становился ошеломительно удобочитаемым.

Когда методика была доведена до совершенства, исследователи получили возможность, наблюдая за ментальной активностью индивидуума во время сеанса ольфакторных воспоминаний, с точностью определить, что именно он чувствует. Радость, грусть, меланхолию, гнев, злорадство, стыд, ностальгию, возбуждение, недоумение… Они все видели, все интерпретировали и из всего делали выводы. Корнелия и ее специалисты научились декодировать эмоции в

мыслях человека.

Потребовалось не так много времени, чтобы осознать важность подобного открытия. В том же году «Фрагранция» создала отдел по когнитивному прочтению эмоций. Десяти лет хватило, чтобы это направление вывело предприятие на новую ступень — ту, на которой началось сотрудничество с полицией. Дескриптор (так назвали ученых, способных считывать с электроэнцефалографа эмоции пациента) впервые принял участие в расследовании в 2014 году. Пока подозреваемый подвергался бомбардировке вопросами относительно его участия в убийстве подростка, дескриптор обрушил на него запах жертвы, смешанный с ЛСМ. Доказав, что допрашиваемый испытал глубокое удовольствие при контакте с этим запахом, ученый подтвердил убежденность следователей в том, что они задержали того, кого надо. Так родился термин «ольфакторный допрос».

— Добавь амилацетата.

— Начинайте.

В лабораторном хранилище, расположенном на втором уровне одной из пристроек центра, два ассистента-дескриптора суетились вокруг подопытного кролика. Полки, доверху набитые

сложнейшей аппаратурой, пропитали воздух затхлостью. Что-то вроде технологической тюрьмы, стены которой состояли из осцилляторов, прецизионных весов и прочих измерительных приборов. Главная дескрипторша попросила их выйти на работу в воскресенье и заняться наладкой оборудования. Они не имели ничего против, лишь бы только не расставаться. Неразлучные, они были сначала коллегами, потом соседями по съемной квартире, а в конце концов стали друзьями. Во время их совместного существования им даже случилось делить одну подружку, причем по обоюдному неведенью. Но то, что должно было их разделить и навсегда рассорить, напротив, привело к обратному результату. Вследствие пережитого обмана один из них признался самому себе, что мужская половина человечества привлекает его куда больше. И дело, конечно, было не в той девчонке. (Такое, кстати, никогда не случается ни из-за кого-то, ни благодаря кому-то.)

Ассистент выдал заряженный амилацетатом распылитель человеку, согласившемуся подвергнуться этому тесту, чтобы проверить оборудование. Тот включил его и вдохнул выделенные испарения.

По всему помещению разнеслось негромкое

пиканье. Полное ощущение дурной пародии на сериал «Звездный путь». С тем лишь отличием, что Спок, пожалуй, упал бы в обморок от такой концентрации эмоций, ведь он, как известно, всеми силами старался сдерживать свои. На одном из мониторов в реальном времени отражалось поперечное сечение мозга подопытного. Десятки радужных цветов изменялись в зависимости от мозговой активности. Отдельная программа раз в десять секунд делала скриншоты экрана и регистрировала снимки в электронной библиотеке. Специалисты обработают их позже.

На голове у подопытного, погруженного в транс с помощью ЛСМ, находилось устройство с электродами. Провода, которые соединяли с терминалом каждую серую пластиковую присоску, закрепленную на черепе, превращали человеческую голову в нечто роботоподобное. С закатившимися глазами, сотрясаемый спазмами, подопытный изо всех сил вцепился в подлокотники кресла. Его выбрали из-за особой восприимчивости к психотропу. Повышенная чувствительность была предпочтительна для сеансов калибровки. Хрупкость тонкой аппаратуры требовала ежемесячного технического обслуживания. И разбираться с этим, естествен-

но, поручалось ассистентам.

— Ты только глянь на его лимбическую систему.

— Ой нет, а то помру со смеху.

Два непрошеных свидетеля ждали, пока разоблаченный субъект выйдет из погружения. Чем старательнее они подавляли смешки, тем медленнее, казалось, тянулись минуты. У одного из них от таких усилий на лбу вздулись вены, выдававшие его состояние; не выдержав, он капитулировал и забился в уголок от греха подальше. Другому пришлось все взять на себя. Он поблагодарил испытуемого, вручил талон на сеанс ольфакторного воспоминания — вознаграждение, которое и подвигло бедолагу пройти через этот эксперимент, — и проводил к выходу. Едва оставшись одни, оба дескриптора разразились хохотом. Очень вероятно, что подопытный кролик услышал их из коридора, но сдержаться они были не в силах.

При контрольной проверке оборудования все сводилось к предложению самых элементарных ароматов — тех, что могут натолкнуть субъекта на воспоминания всяких банальных историй из его жизни. Ваниль, шоколад, булочка — простые безобидные запахи. На этот раз был выбран ба-

нан, классический полдник для ребенка.

— Я чуть не лопнул.

— Нет, ну не с бананом же.

Соединенный с электроэнцефалографом экран — который, кстати, прекрасно работал — отразил не простодушную радость от завтрака или честно заслуженного перекуса, обычно ассоциирующихся с этим фруктом. Нет — ассистенты выявили волнение, стимулирование, лихорадочность, возбуждение, смущение и даже стыд. На экране они увидели самые потаенные мысли их подопытного. И снова зашлись хохотом. Тут в помещении появилась начальница отдела дескрипторов.

— Ладно, детки, хватит.

— Извините. Где вы были? — спросил один из них, утирая слезы.

— Говорила по телефону с Норой, там все накрылось. Они переходят к плану Б.

— Эта Олссон явно перегибает палку.

Новость отбила у них желание посмеяться. Она означала лишь одно: им предстояло вдвое больше работы.

28

— Мы столкнулись с непредвиденными трудностями, и все ваши запугивания ничего не изменят. Так что наберитесь терпения и не мешайте мне работать.

Нора дала отбой и использовала фонарик мобильника, чтобы вставить ключ в замочную скважину. После возвращения из отеля на Нору навалились все проблемы разом — от утечек ЛСМ и идущей полным ходом реорганизации до осложнений с этим заданием… а теперь еще и Аббад возобновил свои угрозы. И на горизонте не наблюдалось ни малейшего просвета, никакой надежды на затишье.

Она рухнула на диван. Живот пронзила острая боль. Затем пришло ощущение диссоциации[50], и Нора выпрямилась. Сбитый с толку мозг умолял дать ему то, что он требовал. Она поднялась, нашла на почти пустых полках початую бутылку водки. Осталась от вечеринки, вдохновленной

---

[50] Примечания: 50

Диссоциация — защитный психологический механизм, заставляющий человека воспринимать происходящее с ним как происходящее с кем-то посторонним.

сайтом знакомств. Налила в стаканчик из-под горчицы солидную порцию и проглотила залпом. Мерзость. Налила еще. И того хуже. В любом случае количество не имело значения, такой интоксикации все равно не хватит. Она это знала. Слишком много стресса, слишком много сражений за раз. Она плеснула в стакан остатки, но пить не стала. Ее замутненным усталостью и алкоголем сознанием завладел соблазн. Она продержалась год, четыре месяца и двадцать три дня. И этот рекорд вот-вот обратится в прах. Нора направилась к прачечному уголку, влезла на стул, отодвинула упаковку со стиральным порошком и достала маленький бидончик. Потрясла его. Контрабандной ЛСМ хватило бы, чтобы словить кайф полдюжины раз.

Нора принесла жидкость на кухню и поставила рядом с водочной бутылкой.

— Твою мать! Я не сорвусь снова! — в полный голос приказала себе она.

И тут же схватила и открыла бидончик. Всего лишь сунуть туда нос. Сейчас для этого годились любые оправдания. В помещении уже распространялся сильный запах субстанции. Она заткнула сосуд ладонью. Ею овладела легкая эйфория. Достаточно поднести горлышко к

ноздрям, потянуть носом — и кончено дело. Один вдох, и она уйдет в отрыв. Желание, поначалу мимолетное, въяве заплясало перед глазами. Ее спина закаменела, пальцы скрючились, а зрачки расширились. Сама того не замечая, Нора постепенно сжала челюсти так, что зубы скрипнули. Поднесла бидончик к лицу…

В дверь позвонили. Она сузила глаза. Звонок настойчиво повторился. Нора опомнилась. Двинулась большими шагами к входной двери, задаваясь вопросом, кто мог докапываться до нее в такой час.

— Привет, Нора. Ты не отвечала на телефон, и я…

Она захлопнула дверь перед носом того одноразового трахальщика. Надо же! Хватило нахальства заявиться к ней без приглашения. «Ну и козел», — пробормотала она, возвращаясь обратно. Однако на полдороге остановилась. Что она творит? Неужели оно того стоит? Сделала шаг назад… потом второй. Ей следовало немедленно бежать. Бежать как можно дальше от этой кухни. Если она туда вернется, то накинется на субстанцию и обдолбается до отключки. Эта мысль вновь вызвала прилив соблазна. Нет. Надо уходить. И она решительно двинулась к двери.

— Я знал, что ты вернешься, — ответил тот, кто почему-то все еще отирался снаружи.

— Я собираюсь побегать. Если хочешь, давай со мной.

Они вернулись два часа спустя, изможденные и в поту. Парень, который все это время галопировал в джинсах, не смел пожаловаться, что стер ляжки до крови. Он только втягивал воздух сквозь стиснутые зубы при каждом наждачном прикосновении жесткой ткани. Такое его поведение развлекло Нору. Они выкурили на крыльце по сигарете, занялись любовью под душем, высохли, занялись любовью в спальне и выкурили по последней.

Прежде чем лечь спать, она убрала бидончик с ЛСМ на место. И успокоилась. Коктейль из водки, долгого бега, сигарет и секса положил конец разрушительным порывам. Нора поздравила себя. Прислушавшись, различила мужской храп. Надо же, никак не унимается, ну что за напасть, с улыбкой подумала она. Стоя голой на кухне, она вдруг яснее разглядела ближайшее будущее. На какое-то мгновение ее блуждающие мысли остановились на Элиасе. Наверняка он сейчас в своей унылой спальне во «Фрагранции». Жестковато она с ним обошлась. Переборщила. Мальчик был

компетентен, мил и совершенно простодушен. Она поймала себя на том, что все больше его ценит. Хотя ей и придется через несколько дней его отослать, в оставшееся время он заслуживает лучшего обращения. Стаканчик водки все еще стоял на кухонной стойке. Она схватила его и осушила одним глотком. Это ее добило. Минуту спустя Норино похрапывание присоединилось к храпу ее любовника.

29

С момента установления первого контакта агент «Фрагранции» следил за всеми передвижениями инфлюенсера. Наутро агент прислал Норе следующее сообщение: «Сегодня. 21:00». За время наблюдения агент пришел к выводу, что в планинге Симона, столь же беспорядочном, сколь и непредсказуемом, вечерняя понедельничная пробежка была чем-то вроде нерушимого ритуала. Тайминг, конечно, скороспелый, но Нора не желала больше ждать. Она должна была как можно быстрее скинуть с плеч это дело, чтобы снова обрести душевное спокойствие. В 20:53 группа реагирования, которая легко распознавалась по черным рабочим комбинезонам и всегда серьезным лицам, расположилась перед домом Симона, готовая к действию. Было почти чудом, что Норе удалось за столь малое время задействовать эту команду. Такие оперативные силы всегда были нарасхват. Проникнуть, изъять, зачистить, иногда пригрозить — да мало ли что может понадобиться предприятию, всерьез озабоченному сохранением секретности. В их компании Элиас

выглядел долькой картофеля фри среди крупных клубней. Но Нора решила, что лучше бы ему пойти с ними. Он был единственным, кто знал запах Симона, а значит, мог быстро подтвердить или опровергнуть их предположения. К тому же его самоотверженное отношение к заданию растрогало Нору. Она почти корила себя за то, что в среду ей придется отправить его домой. Элиас, весь без остатка, просочился в брешь, пробитую сочувствием к нему.

Выйдя из дома, Симон запустил хронометр на смарт-часах и неспешно потрусил по дороге. Агенты «Фрагранции» наблюдали из-за тонированных стекол грузовичка, окрашенного в цвета компании по доставке. Они провожали Симона взглядами, пока тот не исчез за ближайшим поворотом.

Нора кивнула, и члены команды выбрались наружу. Отлично натренированные, они максимально ограничивали голосовые переговоры. Слова заменялись жестами. Большинство хирономических[51] сигналов было изобретено самой группой. Попадись эти ребята на глаза какому-ни-

[51] Примечания: 51

Хирономия — система жестикуляций, применявшаяся в древних культурах для управления хором до изобретения дирижерской палочки.

будь носителю официальных жестовых языков, возможно, выяснилось бы, что они отчаянно матерятся.

Солнце уже собралось на покой. Дом Симона, в современном кубическом стиле, был совсем недавно возведен в южном пригороде Парижа. Застройка вокруг оставалась очень и очень прореженной. То тут, то там виднелось всего несколько зданий. Может, это обстоятельство и решало проблему со свидетелями, но Нору оно решительно не устраивало. Фургончик службы доставки «Хронопост», припаркованный среди пустоты, выглядел подозрительно.

Первый тандем зашел в калитку, пересек палисадник и расположился у входной двери. Пока один агент стоял на страже, второй присел на корточки, запустил напильник в замочную скважину, а затем просунул в образовавшуюся щелку замысловатый крючок. Поиграл шплинтами, и через несколько секунд дверь поддалась. Поднеся к глазам бинокль, Нора удостоверилась, что тревожной сигнализации нет. Группа совершенно спокойно проникла в дом.

У любого из нас есть своя уникальная обонятельная сигнатура. Наша кожа, волосяной покров, дыхание, пот, ступни — все эти пахучие

элементы входят в ее состав. Попытаться стереть ее — игра, в которой все мы участвуем на протяжении тысячелетий. Но в лучшем случае нам удается ее лишь замаскировать. Никто не может избавиться от собственного запаха, мы все обречены пахнуть. Симон Вильме, даже не прибегая к спиртовому парфюму, что обеспечило бы наилучшую маскировку, формировал персональное амбре тщательными гигиеническими процедурами и ароматами своего жилища. Причем мощными, как его стиральный порошок, или стойкими, как благовонная свеча, призванная забить запах горелого жира от стейка на гриле. Хозяин дома весь, до мозга костей, пропитался этими обонятельными следами. Тот факт, что он не пользовался модными дорогими одеколонами, вроде *Nuee Bleue* от *VIOLET,* всего лишь добавлял «Фрагранции» немного работы.

— У вас тридцать минут.

В наушниках прозвучал голос Норы. Предполагалось, что задача будет несложной: идентифицировать все пахучие источники и сделать забор проб. Свечи, мыло, ароматические смеси, дезодоранты, шампуни, стиральные средства, другая бытовая химия — ничто не должно быть забыто. Переговариваясь размашистыми жестами, аген-

ты распределились по комнатам. Двое поднялись на второй этаж, двое остались на первом, и еще один занялся ванной. Они принесли с собой два аппарата *headspace.* Группа реагирования собиралась задействовать их в доме Симона, чтобы извлечь образцы, а позже, в лаборатории, проанализировать результаты, выделить составляющие и скопировать максимум обычно окружающих его запахов. Поскольку инфлюенсер не пользовался парфюмом, а попытка эскортницы взять образец его индивидуальной сигнатуры обернулась провалом, оставался единственный выход — атмосфера его дома.

Нора и Элиас, нервничая, ждали в кузове фургончика. Поначалу все вроде шло как задумано, но затем треск в наушниках Норы предупредил, что кто-то вышел на связь.

— У нас проблема.

Она на дух не выносила эту фразу. Особенно когда ее шептал тот, кому вменялось в обязанность проблемы решать. В ванной комнате группу ждал неприятный сюрприз: запасы тамошней косметической продукции почти не уступали

складам «Сефоры»[52] на Елисейских Полях. Ничего удивительного для дома того, чье ремесло подразумевало еженедельное получение кучи рекламного парфюмерного товара. Однако они этого не предусмотрели, а взять образцы всего этого добра было попросту невозможно. Какие запахи следовало сохранить? Нора повернулась к Элиасу. Мысль снова подключить молодого человека ей не нравилась, но иного выхода не оставалось.

— Ты должен туда пойти.

— Что? Я?

— Отыщи нам следы, которые ты зафиксировал тогда в туалете. У тебя осталось меньше двадцати минут.

— А если его запах поменялся между вечером нападения и «Доместиком»?

— Не важно. Теперешние эманации нас устроят. Определи продукт, который обонятельно перевешивает остальные. Подсознательно он проассоциируется с его личностью. Сколько бы времени ни прошло.

Норе нужен был этот запах. От него зависел успех ольфакторного допроса. Для проведения

---

[52] Примечания: 52

«Сефора» («Sephora») — французская сеть больших парфюмерных магазинов.

этого рискованного опыта требовались три элемента: запах жертвы, запах места преступления и запах подозреваемого. Два из них у Норы уже имелись, и теперь она рассчитывала на Элиаса, чтобы заполучить третий. Изложив план, она протянула ему наушник. С ним молодой человек сможет слышать инструкции, а в случае крайней необходимости и сам что-то сказать. Элиас, взвинченный перспективой стать во «Фрагранции» важной персоной, натянул балаклаву, пахнущую ливанским чесночным соусом, и двинулся к дому. Мысль совершить незаконное проникновение в чье-то жилище возбуждала. Опасность, которой он постоянно подвергался во «Фрагранции», постепенно наэлектризовывала.

Декор жилища Симона отличался лаконичностью. На стенах только несколько постеров из фильмов. «Криминальное чтиво», «Гладиатор» и, разумеется, «Джокер». Ни одной фотографии семьи или друга. Турник, закрепленный у входа. Минимум мебели. Жилище холостяка. Отлично оборудованная кухня, казалось, была установлена только вчера. Полное впечатление, что в любую секунду из коридора появится риелтор в сопровождении молодой парочки, которой он объясняет, что вскоре рядом будут возведены еще

двадцать семь подобных домов. Запах линолеума и ламинированной фанеры. Аромат антисептика напомнил Элиасу выставочные залы «Икеи».

Он покинул первый этаж с его черной кафельной плиткой и поднялся на второй. Увидев его в ванной комнате, находившийся там член группы, безмерно счастливый оттого, что может спихнуть с себя эту задачу, удостоил ассистента подобием дружеского объятия и поспешил исчезнуть. Элиас остался наедине с горой разнообразной косметической продукции. Она валялась буквально повсюду, что совершенно не вязалось с продезинфицированным порядком остальных частей дома. В тот момент, когда он вылезал из грузовичка, Нора посоветовала ему делать фото, прежде чем что-либо перемещать, тогда, дескать, он сможет расставить потом все как было. Помещение утопало в темноте, и ему пришлось щелкнуть выключателем, чтобы хоть что-то разглядеть, но возникший невесть откуда агент «Фраганции» кинулся немедленно гасить свет и молча его отчитывать. Элиасу пришлось объяснить при помощи рук, что по-другому у него не получится. Подсветка на его телефоне разбилась еще во время блужданий по подвалам Шартра. Собеседник пожал плечами и протянул

ему фонарик. Тщательно отсняв душевую кабину, Элиас откупорил первый флакон и закрыл глаза. Выдох, вдох… и внутри у него образовалась пустота. Никаких проникновений со взломом, грузовичков «Хронопост» и групп реагирования. Остались только запахи. Он поискал в своей обонятельной памяти запах Симона. Тот сохранился там — невредимый, во всей своей полноте. Элиас знал, что ему следует искать. Он открыл глаза. Охота началась.

Норе оставались только звуки, чтобы судить о том, что происходило внутри. Недостаток времени на подготовку вынудил ее отказаться от системы видеонаблюдения. Ожидание казалось бесконечным. Взгляд перебегал с дома на улицу. Она высматривала малейшее движение на горизонте. И потому вовремя заметила вдали прихрамывающую фигуру. У нее перехватило дыхание, и она потеряла несколько секунд. Когда она прошептала: «Он возвращается», ее предупреждение разнеслось по наушникам всех находящихся в доме.

Команде потребовалась одна минута, чтобы убраться оттуда. Под прикрытием темноты агенты благополучно погрузились в минивэн. Норе хватило мгновения, чтобы заметить, что Элиаса

в группе нет.

— Элиас. Немедленно выходи. Он уже близко.

— Я почти закончил.

— Твою мать, Элиас. Немедленно выметайся.

— Говорю же, я почти закончил.

30

Он перенюхал большую часть гелей для душа и шампуней, стоящих на каменной полке. Нотки амбры, розы, хлопка, мускуса… масса всего, но ни в одном не было тех обертонов кокосового ореха, который он почувствовал в «Доместике». Где же прятался этот запах, который, как ему казалось, доминировал над остальными? Тот самый, который, по мнению Элиаса, являлся характерным признаком Симона как для его окружения, так и для его собственного подсознания. Этот запах необходимо было найти, речь шла об успешном проведении ольфакторного допроса. Последний проверенный флакон оказался энным средством для ухода за телом, и от него навязчиво несло белым мускусом. Элиас искал сливочную, молочную ноту, а все, что попадало ему под нос, напоминало скорее спортивную раздевалку. Что произойдет, если он ничего не отыщет? Симон выкрутится? А он сам? Что станется с ним? После такого провала Нора ни за что не предложит ему должность ольфактора. Нет, выбора у него не было.

У Элиаса не хватало времени расставлять бутылочки по местам, и он попросту отшвыривал их в сторону. Его балаклава, которую он стянул с носа, чтобы легче было нюхать, теперь налезала на глаза. Мало того что она воняла чесноком, так эта гадость еще и кололась.

Он плюнул на душевую кабину и стал перерывать остальную ванную. Куда ни глянь, всюду громоздились новые гигиенические средства. Он чувствовал их запах, и это затуманивало воспоминания. Был ли то действительно кокосовый орех? А может, на самом деле пало санто? Нет, недостает сандаловых оттенков. А может, смоква? Исключено. Недостаточно фруктовый. Все смешалось у него в голове. Запах ускользал. Скоро он вообще ничего не будет чувствовать. Ольфакторное перенасыщение надвигалось семимильными шагами. Обонятельные рецепторы — это тонко организованные белки, и слишком сильная на них нагрузка за слишком короткое время часто вызывала обонятельный коллапс. Хотя долгие тренировки и обеспечили Элиасу лучшую, чем у большинства смертных, сопротивляемость этому рефлексу, тем не менее он тоже подчинялся его власти. Молодой человек устремился к раковине и открыл зеркальный шкафчик. Бардак из тю-

биков и флаконов. Молочко для тела (разное), увлажняющие кремы, скрабы, бальзамы после бритья, тонизирующие лосьоны, отшелушивающие гели. Большинство открытые.

— Он не может мазаться всем этим. Никакой кожи не хватит, — прошипел Элиас сквозь зубы.

Запустив руку в самую глубину, он извлек бутылочку шампуня. И уронил аптечный пакетик. К его ногам вывалились коробочка с красными таблетками и какой-то листочек.

Он наподдал ногой упаковку, на которой было написано *Durinovil,* и поднял бумажку. Рецепт, выписанный месяц назад. А на что он надеялся? На собственноручное объяснение? «Я ежедневно использую сыворотку *Revilife*[53]. Она придает мне этот столь специфический запашок. Такова моя персональная особенность. Подпись: Симон». Он отбросил рецепт и без особой уверенности взял полупустую баночку с гелем для волос. Отвинтил крышку и поднес гель к носу. Глаза у него расширились. «Путешествие на острова. Титановая фиксация». Он нашел!

Хлопнула входная дверь. Элиас замер, со-

---

[53] Примечания: 53

Revilife — препарат, применяющийся для лечения ряда психиатрических заболеваний, в том числе обсессивно-компульсивных расстройств.

средоточив все внимание на коридоре. Внизу послышался шум. От адреналина дыхание стало прерывистым. Почему он раньше не подумал о геле? Волосы — великолепный носитель для распространения запаха. Ну что он за недоумок! А теперь еще и угодил в западню в доме Симона. Он натянул балаклаву на лицо и сунул баночку в карман. Симон поднимался по лестнице, кашляя и ругаясь сквозь зубы. Услышав, как тот перхает, Элиас понял, что инфлюенсер здорово простужен. Тот уже добрался до второго этажа. Через несколько мгновений хозяин пойдет мимо ванной и обнаружит Элиаса. Он в ловушке. У него оставался один-единственный шанс — элемент неожиданности. Ассистент понял, что этот шанс ему и придется использовать.

В голове воцарился полный сумбур. По щекам бегали мурашки. Он покрепче уперся ногами. Принял позу спринтера, готовящегося к старту на стометровку, и поднял голову, устремив взгляд на дверь. Сердце колотилось где-то в висках. Балаклава мешала нормально дышать. Черт, как же она воняет чесноком. «Было бы куда хуже, если б она воняла ладаном», — сказал он себе. Эта мысль напомнила Элиасу о самых мучительных часах его юности. Ему было шестнадцать, когда

бабушка умерла от сердечного приступа. Внука вынудили сказать несколько слов на похоронах. Семья не приняла отказа. Не важно, что он боится, со страхом нужно бороться. Не лучший совет гиперэмоциональному пареньку. Бабушка была католичкой, так что ей организовали долгую печальную заупокойную мессу. Для произнесения своей речи Элиас занял место священника у аналоя. Из кадильницы вырывались клубы фимиама, а помахивающий ею церковный служка не придумал ничего лучшего, чем встать рядом с Элиасом. Вскоре завитки ладана начали щекотать ему ноздри, царапать горло и жечь носовые пазухи. Элиас заплакал. И не только из-за бабушки. Витающий вокруг него ладан сумел просочиться под его черный костюм и подобрался к воротнику, желая удавить. От душного запаха, смолистого и камфарного, усугубленного тяжестью момента, его зашатало. А ведь он всегда считал ароматы своими союзниками и наперсниками, и не пройдет и двух лет после этой сцены, как он откроет для себя благодетельное действие ольфакторной медитации, которая навсегда изменит его жизнь. Но тогда, в тот момент, ладан стал врагом, стремящимся его отравить. И ему таки удалось выбить у Элиаса почву из-под ног, не дав высказаться на

похоронах любимого человека. В конце концов бедняга хлопнулся в обморок. К нему кинулись, начали поднимать. Случившееся списали на волнение, но никто не ругал себя за то, что вынудил мальчишку ораторствовать перед толпой и Всемогущим. Едва выйдя с кладбища, все посчитали инцидент исчерпанным. Все, но не Элиас. История в церкви не отпускала его несколько лет. Подобного не бывало с ним ни прежде, ни потом. Запах обманул его единственный раз в жизни. Один-единственный раз. И в тот день, когда Элиас понял, что сможет выздороветь, если овладеет запахами, он поклялся себе, что будет любить их все. (Даже эту тошнотворно вонявшую балаклаву.) Все, кроме ладана.

Когда звук шагов приблизился к дверному проему, Элиас бросился вперед. Выскочив из ванной как черт из табакерки, он врезался в охромевшего бегуна и опрокинул того на спину. Симон, стукнувшись об пол, испустил пронзительный крик, полный ужаса и боли.

— Забирайте все, только не трогайте меня! — взвыл он, обращаясь к человеку в балаклаве.

Лежа на полу, он закрыл лицо руками и прижал колени к животу. Но Элиас уже пронесся по коридору и теперь стремительно скатывался по

лестнице. Он уже проскочил половину ступенек, когда внезапно поскользнулся. Пересчитал хребтом острые края всех оставшихся ступеней и, окончательно приземлившись, ударился лбом о перила, да так, что рассек надбровную дугу. Балаклава стала липкой. Несмотря на головокружение, он встал и потащился к входной двери. Симон запер ее на ключ. Тогда Элиас, как автомат, двинулся в гостиную, открыл одно из окон первого этажа и вывалился наружу. Кувырок с лестницы его оглушил, и рефлексы не сработали. Тормозил он всей верхней частью тела. Удар, хоть и не слишком сильный из-за небольшой высоты, вышиб из него дух. Он закашлялся, пытаясь втянуть в себя кислород. Мощная рука схватила его за шкирку и подняла. Голова кружилась так, что он даже не сопротивлялся. Что еще он мог сделать? Симон намного превосходил его физически. Сейчас он стянет с него балаклаву, узнает, и все будет кончено. Тем лучше. Элиас все бы отдал за врачебную помощь.

— Черт, да шевелись ты.

Голос был незнакомым, но Элиас был уверен, что это не голос Симона. Незнакомец одернул на нем балаклаву так, чтобы дыры оказались напротив глаз, и Элиас увидел комбинезон группы

реагирования. Агент, не особо церемонясь, потащил его через сад к фургончику. Нора открыла дверь, прошипела, чтобы он влезал, и минивэн рванул с места.

— Что на тебя нашло? Совсем сдурел?! — взорвалась она.

— Есть.

Элиас стянул балаклаву с окровавленного лица.

— Нельзя же быть таким придурком.

— У меня все есть.

— А если бы он тебя узнал? Ты об этом подумал?

— Нора, у меня есть его запах.

31

Назавтра за дело взялись лаборанты и дескрипторы. Комбинируя эманации, которые ежедневно пропитывали Симона, когда он находился дома, они воссоздавали его ольфакторную сигнатуру. Работать над ее структурой как над стандартной реконструкцией массового парфюма было бы ошибкой. Обычно аромат селективных духов[54] строится по подобию пирамиды, разделенной на три части. На вершине — самый нестойкий запах, состоящий из наиболее летучих нот и образующий острие пирамиды. Сердцевина — средний слой — содержит базовое сырье, придающее экстракту индивидуальность. И наконец, фундамент пирамиды, где находятся наиболее стойкие эссенции и который называется основой.

Но эксперты «Фраганции» не могли использовать эту структуру, а потому действовали по принципу более-менее концентрических кругов.

---

[54] Примечания: 54

Селективные Духи — нишевая авторская парфюмерия, не предназначенная для широких масс и выпускаемая малыми партиями.

Они создавали аккорд[55] из нескольких видов мыла и косметической продукции, используемых самим Симоном, а далее продвигались, запах за запахом, к более отдаленным сферам. Концентрация каждой из составляющих должна быть пропорциональна степени близости к телу. Говоря яснее: стиральное средство на его одежде в сверхдозе, а ароматическая смесь у входной двери — лишь как легкий призвук. И не важно, если конечный результат не будет представлять собой приятный и сбалансированный аромат. Напротив, цель в данном случае была совсем иной — воссоздать присущий Симону запах. Именно ему будет отведена решающая роль в ольфакторном допросе, которому собирались подвергнуть инфлюенсера.

Дабы максимально увеличить свои шансы, Нора даже подключила к делу ольфактора, поручив ему проконтролировать проведение опыта. И на этот раз и речи не было о добровольном участии — она решила действовать прямыми угрозами, сурово призвав наглеца к порядку. Назначенная на конец недели генеральная ассамблея поставит

---

[55] Примечания: 55

Аккорд — совокупность нот (нота — общепринятое обозначение ольфакторной единицы). Соединения складываются в ноты, ноты — в аккорды, аккорды — в композицию.

окончательную точку.

Если все пройдет, как предполагалось, уже завтра команды смогут снабдить Нору всеми компонентами атмосферы, требуемыми для успешного проведения ольфакторного допроса. Она лихорадочно ждала этих результатов. Малейший срыв пустит под откос ее карьеру, ибо за углом притаился Аббад. Ее будущее зависело от итога этой банальной операции. Вдобавок, будто бы ситуация и без того не давала кучу поводов для стресса, Нора всерьез опасалась отчета, который ей вскоре предстояло дать Корнелии. Учитывая количество задействованных сотрудников и средств, которые она выкачала из «Фрагранции», скрыть происходящее было бы немыслимо. Да и ее собственное поведение вызывало у окружающих все больше вопросов. От всего этого Нора впадала в паранойю. Использование подобных ресурсов могло быть оправдано только инцидентом, ставящим под вопрос секретность «Фрагранции», а вовсе не рядовым полицейским расследованием. Даже ее пост кризисного менеджера, похоже, больше не защитит ее от критики. Ей просто необходимо еще какое-то время держать своих недоброжелателей в узде. Любой ценой. Скоро все будет кончено. По крайней мере,

она на это очень надеялась.

— А он не мог просто пользоваться одеколоном, этот козел?!

Симон умудрялся раздражать ее даже тем, чего не делал. После короткого обмена сообщениями она выяснила, что Элиас покинул свой закуток в лаборатории ассистентов и отправился погулять по парку. Она обнаружила его под плакучей ивой — Элиас играл с Кахетель. Пока он гладил и всячески тормошил виверру, та покусывала ему пальцы в знак теплой симпатии. Радостные повизгивания виверры удивили Нору.

— Такое нечасто увидишь. Обычно она пуглива с незнакомцами.

— Двое трусишек всегда найдут общий язык.

Элиас ненадолго перестал ласкать виверру, и та застыла. Человек и зверь внимательно посмотрели друг на друга, после чего Элиас вернулся к своему занятию, а потявкивание Кахетель зазвучало вдвое громче.

Нора обошла дерево и присела перед ними:

— Как твоя бровь?

— Всего два шва.

Элиас провел пальцем по ниткам.

— Я хотела поблагодарить тебя за источник запаха. Ты повел себя безответственно, но техники

создадут нужный аккорд именно на основе твоей находки. Тебе бы следовало с ними встретиться, они в восторге.

— Не за что.

— И все же я настаиваю на том, что украсть баночку было ошибкой. Какой вор-домушник не тронет ничего ценного, но смоется с гелем для укладки волос?

— Ну уж точно не лысый.

Обезоруженная, Нора улыбнулась. Он продолжил:

— С тех пор как я начал работать для центра, я почти забыл про свои страхи.

Элиас и сам удивился, услышав собственное признание. Он все больше набирался уверенности и впервые облек в слова происходящие с ним перемены.

— А давно ты страдаешь этой тревожностью?

Заметив, что Элиас сразу ушел в себя, она извинилась за неуместное любопытство. Он не обязан отвечать.

В прошлом ему уже задавали этот вопрос, и он его опасался. Опасался, так как ему казалось, что ни одно объяснение не сможет удовлетворить собеседников. Ему не пришлось переживать непреодолимые травматические ситуации. Его

не обижали в школе. Родители были внимательными, семья любящей, детство — самым обычным. Просто он был гиперэмоционален от природы. Развив в себе с самых ранних лет чрезмерную эмпатию, в подростковом возрасте он столкнулся с неспособностью управлять своими эмоциями. В этом не было ничего необычного и в конечном счете соответствовало его жизненным установкам: без особых надежд и перспектив. Сколько раз в приемных психиатрических лечебниц он видел людей, чьи мучения казались ему куда более обоснованными, чем его собственные! Одни еще маленькими подверглись сексуальным домогательствам, другие впали в наркозависимость из-за жестокого обращения своих бывших, третьи так и не оправились после того, как по неосторожности погубили кого-то из близких. Иногда — и он сам осознавал, насколько нездорова эта мысль, — ему приходило в голову, что лучше бы он тоже пережил большое несчастье. И стал одним из тех, в присутствии кого снимают шляпу, опускают глаза и чувствуют, как сжимается горло. Это наконец-то узаконило бы его постоянную подавленность. Но нет, вместо этого он был вынужден прибегать к неловким оправданиям, каждый раз вставляя в них душе-

щипательное заверение: «Клянусь, я чувствую себя ущербным». Печальная участь того, кто страдает недугом, не вызывающим никакой жалости.

— Знаешь, я тут подумала, что эта чувствительность и есть источник твоего таланта.

Элиас побагровел. Неожиданный комплимент взволновал его. Он попытался сменить тему:

— А как проходит ольфакторный допрос?

Нора на несколько секунд задумалась. Ей хотелось дать как можно более общий ответ. Подключенный к электроэнцефалографу Симон будет погружен в ольфакторную ретранскрипцию, с точностью воспроизводящую тот вечер, когда изнасиловали Одри. Эту ретранскрипцию, составленную из парфюма Одри, атмосферы места преступления и запаха Симона, смешают с ЛСМ и предложат вдохнуть Симону. Дескрипторы, чья роль заключается в том, чтобы прочесть данные энцефалограммы, смогут затем зафиксировать, какие эмоции испытал инфлюенсер во время ольфакторного воспоминания. Любое ощущение — удовольствие, чувство вины, возбуждение, стыд… короче, любая эмоциональная реакция мгновенно обозначит виновность испытуемого.

— А почему бы вам не опробовать запах Симона

непосредственно на Одри?

— Мы всячески избегаем подобного, потому что это может нанести травму. Но ты прав: если бы мы дали жертве возможность узнать запах подозреваемого, это сильно упростило бы задачу. К несчастью, в нашем случае есть серьезные сомнения в качестве воспоминаний Одри. Ее накачали наркотиком, что, естественно, исказило работу гиппокампа. Так что ее реминисценциям доверять нельзя. Даже если они у нее есть.

Элиас заметил, что за Нориной маской человека, привыкшего все держать под контролем, таятся признаки крайней усталости.

— Не знаю, облегчит ли это тебе жизнь, но если я стану ольфактором, то можешь быть уверена: я всегда с готовностью выполню любое твое задание.

Эти слова тронули Нору, однако немедленно проснувшиеся угрызения совести быстро прогнали улыбку с ее лица. Женщина поднялась и на несколько секунд отошла от Элиаса и Кахетель. Вдох, выдох. Ну вот, спокойствие вернулось. Она снова ведет себя невозмутимо и обдуманно.

— Ступай за мной.

Они направились по тропинке, которая вилась позади главного здания. На полдороге Кахетель

их покинула. Движение в кустах дало понять, что там ее поджидала более интересная компания. Нора представления не имела, с какого бока подобраться к нужной теме. Они подошли к стройке — той самой, которую Элиас углядел в день своего приезда. Пропыленные рабочие входили и выходили через внушительные оконные проемы. Внешние стены пятиэтажного здания казались уже законченными.

— Корнелия начала эти работы по расширению два года назад. Центр питает амбициозное намерение сосредоточить большую часть своей деятельности именно здесь.

Ошарашенный размахом строительства, Элиас невольно присвистнул. Нора наблюдала за ним, надеясь, что он сам сделает выводы. Безрезультатно. Она не знала, как ему объявить, что в самом скором времени его с благодарностью отправят восвояси, и злилась на себя за то, что так затянула с этим разговором. Согласиться на то, чтобы он приступил к обучению, а потом еще и привлечь его к заданию было ошибкой. События последних дней позволили ей оценить его характер. К тому же Элиас был одарен. Особенно для ассистента из самого захудалого филиала во всей «Фраграции». Ни один из ольфакторов

за пять лет ее карьеры не выказал способности воссоздать атмосферу просто «по нюху», без помощи аппарата *headspace.* Его восприятие запахов казалось незамутненным, безупречным. Талант, который центр мог бы использовать. Проведя несколько дней рядом с Элиасом, она прониклась уверенностью, что лишиться его было бы чудовищным просчетом. Ее раздражала ситуация, в которую она сама себя загнала. И что же теперь делать?

Ее телефон завибрировал. Спасена в последний миг. Работающее в реальном времени видеоприложение предупреждало, что Симон выступает в прямом эфире. На той неделе Стив завел ей аккаунт и подписал его на канал инфлюенсера. Она щелкнула по уведомлению. Элиас смотрел через ее плечо.

В тревожном сине-зеленом свете Симон с утомленным видом стоял перед камерой. Он находился в своей комнате. На заднем плане наблюдался продуманный бардак. Случайностям места не было. Даже его чуть помятая майка играла свою роль в создании впечатления о спонтанности съемки. Репортаж из осадного положения. На протяжении нескольких секунд десятки зрителей подключились к прямой передаче. Справа

поплыли комменты. Через пять минут к ним присоединились еще шестьсот пользователей.

Симон состроил удрученную физиономию:

— Привет, ребята. *Live*[56] этим утром немного необычный. Вчера вечером я застал у себя домушника.

Текст выучен, скрипочки настроены. На протяжении тридцати минут он расписывал происшествие. Опять-таки ничего не оставляя на волю случая, он нагнетал напряжение, приукрашивая и преувеличивая каждую деталь. Слух разнесся по социальным сетям, и вскоре ему внимали уже две тысячи человек. Рассказ достиг апофеоза, когда Симон заговорил о стычке с преступником. Конечно, наш герой мужественно защищался и даже чуть было не одержал верх. В конце концов незваный гость удрал, не успев ничего украсть. Ах, Симон, наш славный *winner*[57]. Сначала он зачитал сочувственные комментарии и те, где восторгались его «железными яйцами». Модераторы мановением руки изгоняли насмешников. Жульничество с призами было еще не забыто. И все же, несмотря на голоса отдельных раскольни-

---

[56] Примечания: 56
Прямой эфир *(англ.).*

[57] Примечания: 57
Победитель *(англ.).*

ков, его просьба о поддержке увенчалась успехом. К концу видео он получил пару десятков новых подписчиков и около сорока донатов разного достоинства. Нора произвела быстрый подсчет. Прямой эфир принес ему около двухсот пятидесяти евро. Инфлюенсер даже ввернул несколько раз за время эфира, что открыт для обсуждения потенциального сотрудничества с фирмой по производству систем охранной сигнализации. Визит домушника оказался рентабельным. Она выключила телефон и попросила Элиаса ее извинить. Срочное дело вынуждало отложить беседу об увольнении на потом.

— Наши опасения были обоснованы. Симон использует свою платформу, чтобы жаловаться подписчикам, — бросила Нора, едва войдя в отдел кибербезопасности.

— Я тоже видел, — откликнулся Стив.

Молодая женщина рухнула на свободный стул. Завтра должен был состояться ольфакторный допрос, и если они сейчас не защитят свои тылы, то рискуют тем, что их последующие действия разлетятся по всему интернету. А что потом? Сколько времени потребуется недругам «Фрагранции», чтобы связать подобную информацию с их предприятием? Никакие личные неприятности не

оправдывают того риска, которому она подвергнет компанию. Нора прекрасно это осознавала. До чего же охота на все наплевать! И пусть Аббад делает со своим секретом что пожелает.

— Не волнуйся. Не надо ничего менять в нашем плане. Вы запугаете его тяжелой артиллерией. Адвокат, подписка о неразглашении и прочая лабуда. А если он все-таки решит разговориться в Сети, мы с близняшками всегда начеку.

Стив впервые с момента их знакомства положил руку на плечо Норы. Этот жест ее успокоил, она выдавила улыбку. Стив продолжил:

— Я должен сказать одну вещь, которая рискует тебе не понравиться. Про твоего следователя, Али Аббада. Он тот еще манипулятор.

32

Возбуждение Элиаса чувствовалось даже на расстоянии. В качестве благодарности Нора разрешила ему присутствовать при ольфакторном допросе, который мог изобличить Симона Вильме. Зло в отношении Элиаса вот-вот свершится, так пускай хоть напоследок порадуется. Ему даже было поручено доставить чемоданчик с ольфакторной ретранскрипцией, которая и будет опробована на инфлюенсере. Состав ее окончательно определился всего несколько часов назад. Все, кто работал над композицией, единодушно утверждали, что получилось истинное чудо реализма. К трепету, с каким Элиас относился к «Фрагранции», теперь примешивалась еще и гордость от участия в операции, потребовавшей совместных усилий стольких экспертов.

Местом проведения допроса был выбран съемочный павильон недалеко от Этампа. Большое звукоизолированное пространство, абсолютно темное и расположенное на отшибе, — не место, а идеал. Многометровой высоты потолок главного зала был перекрыт длинными металлическими

балками. Слепые прожектора свисали между кабелями и блоками, подобно спящим летучим мышам. Выкрашенные в черный цвет стены создавали ощущение тесного и в то же время бесконечного пространства. Лишить Симона ориентиров было частью плана по его дестабилизации. Инфлюенсеру будет весьма трудно описать ситуацию, если он не сумеет в ней разобраться. В центре съемочной площадки, единственной освещенной зоны, было выставлено необходимое дескрипторам оборудование. Пирамиды из компьютеров, кожаные кресла, высокие стенды с десятками подсоединенных электродов, мозаика экранов, путаница проводов… аппаратура, якобы предназначенная для сканирования лиц, больше всего напоминала неубедительную бутафорию, позаимствованную из фильма «Матрица».

Симон Вильме явился без своего агента, задержанного в нескольких километрах оттуда случайным патрулем дорожной полиции, проявившим повышенную бдительность под приглядом следователя Аббада. Таким образом Али обеспечил команде Норы добрых полчаса. Этого должно было хватить. Симона отсутствие агента вроде бы особо не волновало — он, по обыкновению, быстро освоился. Не успев появиться, он

уже «тыкал» большинству присутствующих.

Нора, опять исполнявшая роль директрисы по маркетингу «Геймтеха», усадила его за стол напротив адвоката, глядевшего на Симона едва ли не злобно.

— Подпишите здесь, здесь и здесь. Затем завизируйте эти восемнадцать страниц.

Мужчина передал инфлюенсеру пачку листов.

— Что это?

— Соглашение о неразглашении. В отношении проводимого эксперимента должна быть соблюдена полная секретность. Иначе вы столкнетесь с серьезными проблемами.

— Но я же имею право рассказать о партнерстве своим подписчикам?

— Разумеется. Соглашение касается исключительно данной технологии.

Он указал на головной убор из электродов, лежащий на кресле.

— А эта бумага? Это что?

— Отказ от ответственности.

Аппарат, который должен просканировать Симона, принадлежит к экспериментальной серии, объяснил псевдоадвокат. Существует вероятность, что во время сеанса клиент впадет в несколько непривычное состояние. Но ему не о

чем беспокоиться. Таков довольно распространенный побочный эффект, впрочем совершенно безопасный. Однако полнейшая конфиденциальность должна быть гарантирована в любом случае.

Едва завуалированные угрозы, официальные бумаги, суровый крючкотвор — настоящими в этой мизансцене оставались только авторучка и стол, за которым Симон все подписывал. Команда «Фрагранции» надеялась запугать его настолько, чтобы он предпочел держать язык за зубами.

— Но я думал, что речь пойдет о простом сканировании моего лица.

— Именно. Подписывайте.

И для придания веса своим словам адвокат положил рядом с Симоном чек.

Симон оглядел аппаратуру, мужчину в темно-синем костюме и схватил чек. При виде запредельной суммы его сомнения развеялись, и мгновением позже он все подписал. Затем его проводили в центральную часть оборудованного пространства. Специалистка водрузила ему на макушку колпак с электродами. Ее умелые движения были нарочито мягкими и успокаивающими. Вокруг тихонько попискивали приборы.

В соседнем помещении Элиас, сидя перед мони-

тором, следил за разворачивающимся действом. Он не очень много знал о жертве — Нора только сообщила ему, что ту зовут Одри, и вкратце описала, что именно сотворил с девушкой Симон, — но был доволен, что этот допрос положит начало ее избавлению от мучений. Кроме того, его очень радовало, что «Фрагранция» иногда помогает людям. Просто людям, а не только тем, кто мог позволить себе ее услуги. Элиас обещал Алену, что, став ольфактором, сделает все для возвращения проекта *Odor Medicina.* Наставник сомневался, что мечта юноши осуществится, но все же поддержал его, сочтя эти помыслы благородными.

Кто-то из сотрудников зашел в помещение и предупредил, что допрос вот-вот начнется. Элиас склонил лицо к монитору. Он не желал упустить ни единой детали. Как бы ему хотелось, чтобы Ален был рядом! Чтобы Ален увидел то, что Элиас уже совершил, и оценил пройденный учеником путь. Он улыбнулся, представив, чем сейчас может заниматься старый хитрюга. Может, проводит сеанс ольфакторных воспоминаний или же болтает с Клодиной в их саду. А может, ищет, куда пристроить новую бредовую коллекцию. Элиасу не хватало их дружеских отношений, и

в горле у него стоял ком, когда он снова перевел глаза на экран.

На протяжении нескольких лет попытки провести ольфакторный допрос заканчивались неудачами. Сколько бы исследователи ни соединяли запах места с запахом жертвы, атмосфера оказывалась слишком неполной и подозреваемый не связывал ее с воспоминанием настолько прочно, чтобы интерпретация его эмоций позволила установить виновность. Только намного позже, когда ученые заинтересовались понятием обонятельной адаптации, им удалось сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Обонятельная адаптация — это процесс, благодаря которому человеческое существо постепенно стало невосприимчиво к собственному запаху. Неизбежная и важнейшая для выживания эволюция, в результате которой наши собственные эманации перестали постоянно стимулировать наши же рецепторы и вынудили их как бы засыпать. Игнорирование собственного запаха обеспечивало обостренное внимание к тонким обонятельным переменам в окружающем нас мире и к его опасностям, например к приближению хищника или к гнилостности пищи. Но как бы ни был важен этот процесс для нашего развития,

сегодняшних ученых он ввел в заблуждение. Вынуждая мозг скрывать информацию о нашем собственном запахе, обонятельная адаптация мешала осознанию того, насколько велико ее воздействие на наше обонятельное восприятие. Все, что мы обоняем, проходит через наш запах и им пропитывается. Не включить в композицию собственную пахучую сигнатуру — все равно что собрать все краски для написания картины, но забыть про полотно.

Женщина-дескриптор ввела в распылитель аккорд, состоящий из парфюма Одри, атмосферы дома Эмилии, кровати ее брата и ее спальни, но главное — из запаха самого Симона, только что синтезированного лаборантами центра. Если Симон виновен, именно эту смесь запахов он чувствовал, когда насиловал Одри, и потому воздействие созданного аккорда должно было вызвать в нем бурю эмоций, которую женщина-дескриптор без труда сумеет считать благодаря энцефалограмме. Короче говоря, команда «Фрагранции» скоро во всем разберется.

Взмахом руки дескриптор приказала одному из ассистентов включить машину.

— Месье Вильме, будьте добры не шевелиться, мы приступаем к оцифровке вашего лица. Вокруг

вас расставлены датчики. Одновременно мы распылим пахучую субстанцию, известную своим релаксирующим действием. Расслабленное лицо лучше получается в три-дэ.

Симон не задал ни единого вопроса. Еще бы! Ведь происходящее не оставляло места для сомнений. Его окружала сложная аппаратура, а полдюжины ученых в халатах что-то набирали на клавиатурах компьютеров — картинка выглядела вполне убедительной. Если бы инфлюенсеру сейчас объявили, что его собираются телепортировать, он, вполне вероятно, просто попросил бы, чтобы пунктом назначения был Дубай. Дама-дескриптор задействовала распылитель и поместила его под нос Симону.

Это стало его самым первым погружением. Не готовая к такому вторжению лимбическая система отреагировала очень бурно. Тело свело спазмом. Глаза закатились, и он почти мгновенно вошел в транс. Так всегда случалось с людьми, сверхчувствительными к ЛСМ. То есть приблизительно с каждым вторым. На судорогу инфлюенсера не отреагировал никто, кроме Элиаса, который еще теснее приник к экрану. В момент прихода, этого Грааля наркоманов, Симон словил нечеловеческий кайф. В голове у

него заструилась сладостная мелодия, навеянная его ощущениями. Он чувствовал ласковое шевеление внизу живота. Экстаз. Стон наслаждения. Нора отвела взгляд из страха позавидовать его блаженству. В тот момент, когда опьянение уступило место фазе воспоминаний, ассистенты-дескрипторы включили запись его мозговой деятельности. Мозг Симона возник на десятках экранов. Он мерцал из всех углов. Старшая дама-дескриптор с сосредоточенным взглядом за стеклами дымчатых очков контролировала каждое движение и каждую картинку. В ее голове мелькали различные интерпретации. Все их она отмечала на своем компьютере. Менее чем за пять минут ей удалось получить результат. Окончательный. Не подлежащий сомнению. ЛСМ в очередной раз выполнила все свои обещания.

Приборы погасли. По изображению на экране Элиас понял, что Симон приходит в себя. Дама-дескриптор протянула досье Норе. Ученик ольфактора вскочил, выбежал из помещения и стремглав кинулся к ней. По дороге он бросил взгляд на инфлюенсера, с блаженным видом осевшего в кресле. Этот говнюк словил-таки кайф, подумал Элиас.

Когда он добрался до Норы, та уже с головой

ушла в изучение результатов. Будто вознамерившись выучить текст наизусть, она читала и перечитывала каждое слово. Время от времени она подзывала даму-дескриптора для какого-то уточнения, потом снова погружалась в расшифровку. Наконец подняла глаза, поймала взгляд Элиаса. И послала ему сдержанную, почти грустную улыбку.

Ольфакторный допрос Симона однозначно показал следующее: сигналы, сгенерированные его мозгом во время погружения, являли собой сумятицу. Типичная реакция под ЛСМ подопытных, которые, столкнувшись с посторонним запахом, не понимают, что именно они чувствуют. Написанный черным по белому вывод был вполне очевиден: ничто не позволяло утверждать, что Симон совершил насилие над Одри.

— Это не он, — сказала Нора, захлопывая досье.

33

После отъезда Элиаса в центр в Фонтенбло Клодина, жена Алена Фиссона, стала намного чаще видеть мужа дома. Такая резкая перемена заставила ее задуматься. Он, обычно проводивший целые дни в лаборатории в Мане, теперь прогуливался по саду, приглашал друзей на ужин и составлял свои обонятельные аккорды в домашнем кабинете. Когда она утром зашла на кухню, Ален вырезал ножницами страницу из газеты. А позже, открыв ящик своего ночного столика, Клодина обнаружила там кучу статей, посвященных Гару, департаменту, где она родилась. Подробнейшая подборка, составленная для нее Аленом: с одной стороны, трогательный знак внимания, с другой — как она отлично понимала — симптом невроза, а точнее, обсессивно-компульсивного расстройства в период стресса.

— Генеральная ассамблея уже сегодня?

— Совершенно верно. Мне не терпится услышать от Элиаса, каковы его первые впечатления. Этот неблагодарный стервец за неполные две недели не прислал мне ни единого сообщения.

— Да ладно, не придирайся. Ему сейчас есть чем заняться, кроме как думать о твоей морщинистой физиономии.

Ален улыбнулся и встал обнять супругу. Отпустив ее, он напомнил, что именно за эту морщинистую физиономию она и вышла замуж, что немало говорит о ее вкусах.

— Пожертвовала собой во имя защиты слабого пола. У меня развито чувство долга, — лукаво заметила Клодина.

Час спустя Ален пустился в дорогу, направляясь в центр в Фонтенбло. Он собирался воспользоваться этим визитом, чтобы потребовать себе нового ассистента. Управлять филиалом в Мане без Элиаса становилось все сложнее. Причем до такой степени, что он решил вдвое сократить количество пациентов. Надрываться на неподъемной работе ему уже не по возрасту. А тех гор, что он свернул в первые годы службы на благо «Фрагранции», хватило бы на добрый десяток жизней. Не оперившееся еще толком предприятие насчитывало тогда всего четырех сотрудников. Это первое поколение практиков, к которому принадлежал и Ален, представляло собой не команду обычных терапевтов, а скорее сплотившуюся вокруг Корнелии гвардию.

Им была доверена роль ПО, или «полевых ольфакторов». Филиалов еще не существовало, и действия практиков разительно отличались от нынешнего бережного ведения пациентов, желавших воскресить хорошие воспоминания. Их работа являла собой полную противоположность приятным и благожелательным сеансам ольфакторных реминисценций и сводилась в основном к подстрекательствам, провокациям, манипулированию, извлечению запахов и воспоминаний, шантажу этими воспоминаниями и вымогательству информации. Истоки «Фрагранции» сочились жестокостью и насилием. Ален, хоть и выглядел импозантным жизнерадостным бонвиваном, довольно долго играл при Корнелии роль доверенного оруженосца. В случае любого конфликта именно ему поручали окончательное решение вопроса. Но как только спокойствие предприятия было обеспечено, все ПО исчезли. Точнее так: их заменила группа реагирования. Менее жесткая, более склонная к поиску консенсуса… Ален на дух не выносил этих новичков. На его взгляд, все они были недоумками, не только лишенными малейшего представления о сути дела, так еще и переговаривающимися с помощью дурацких жестов. Ничего себе молодая поросль!

Он машинально провел ладонью по предплечью. Татуировка, след того времени, уже выцвела.

Он приехал на место около одиннадцати утра и сразу влился в когорту черных седанов, этой непременной принадлежности ольфакторов. Предъявив пропуск охранникам, он припарковался и присоединился к группе, беседующей перед залом собраний. Почти ни одного знакомого лица. Последний представитель первого поколения — не считая самой Корнелии, разумеется, — он в глазах тех немногих, кто его узнал, пребывал в почетном статусе старейшины. Обычно в этом помещении проходили коллоквиумы и всякие конференции для сотрудников, а то и для пациентов. Ален с трудом припомнил дату предыдущей чрезвычайной генеральной ассамблеи с обязательным присутствием всех ольфакторов. Год примерно десятый? Или еще раньше?

Перебросившись парой слов кое с кем из коллег, Ален понял, что никто из них тоже не догадывался, зачем их всех сегодня собрали. Когда ольфактор из Клермон-Феррана поделился своим удивлением по поводу строительных работ на краю имения, несколько присутствующих заявили, что «Фрагранция» наверняка планирует расширение. Эта гипотеза пришлась клермонцу

по душе. Он не стал скрывать от собратьев, что питает амбициозную надежду приобрести более широкую известность. Ален не одобрял подобных стремлений. Досконально изучив «Фраграницию» в ее зачаточном состоянии, он твердо знал, что возросшая популярность не принесет компании ничего, кроме лишних проблем. Своим выживанием она была обязана исключительно секретности, которая и позволяла ей держаться подальше от большого мира с его полчищами любопытных ищеек. Прошлое центра делало его явно непригодным для громкой славы. Но ольфакторы нового поколения этого абсолютно не понимали — и тому пример уроженец Клермон-Феррана. Такие хотели большего. Им всегда и всего было мало.

Ален ненадолго вышел из здания и поискал взглядом Элиаса. Не считая нескольких пациентов, в парке было совершенно безлюдно. Он остановил проходящую мимо сотрудницу и спросил, не знает ли она новичка по имени Элиас Револь. Женщина, уже в возрасте, ответила, что протеже Норы совсем недавно уехал. И, судя по многочисленности группы, наверняка на серьезное задание. Ален поблагодарил и, приободрившись, вернулся к остальным. Элиас сумел

стать полезным и уже участвовал в важных операциях. На вопрос коллег, с чего он вдруг так разулыбался, Ален ответил, что им вскоре предстоит принять в свои ряды нового ольфактора. В этот момент к ним вышел какой-то мужчина и пригласил всех в зал. Генеральная ассамблея должна была вот-вот начаться.

Зал в форме амфитеатра мог вместить около сотни человек. Ольфакторы заполнили два ряда, поближе к сцене. Все они обменялись удивленными взглядами, когда им объявили, что Корнелия отсутствует и потому на ассамблее будет председательствовать делегат от ольфакторов центра Эдмон Шоле. Тот поднялся на сцену. С избытком надушенный миррой, он одним своим появлением погрузил зал в монастырскую тишину.

— Где Корнелия? — Громовой голос Алена вывел всех из оцепенения.

— Занята. Спасает «Фрагранцию» от краха.

Интонация Шоле, слащавая и многозначительная, заставила собравшихся обратиться в слух. С почти садистской дотошностью Шоле описал нынешнее положение «Фрагранции». Упомянул сложности, с которыми столкнулось предприятие в попытках сохранить конфиденциальный характер своей деятельности, а также невозмож-

ность предотвращать дальнейшую практически повсеместную утечку ЛСМ. Потом председатель с издевательской улыбочкой довел до сведения присутствующих решения, принятые дирекцией ради спасения «Фрагранции»: ликвидировать семь филиалов и перевести их ольфакторов в Фонтенбло. Прежде чем перейти к голосованию, он заключил:

— Перед нами простой выбор. Или мы ампутируем некроз, или жертвуем всем телом.

Ошарашенный новостью, Ален пробормотал, что не видит связи между упразднением отделений и надежным обеспечением секретности.

— Перестаньте лукавить. Или вы действительно не замечаете взаимообусловленность централизации и уменьшения рисков? М-да, при такой убогости суждений нет ничего удивительного в том, что мы вынуждены прибегать к подобным мерам.

— А каким же будет ваш следующий шаг? Закрыть и другие филиалы? Пока не останется одно Фонтенбло? Где гарантия, что эти семеро не станут лишь первыми в длинном списке? — Ален уже оправился и попытался взять реванш.

— Ваши домыслы только запугивают коллег, — отрезал ольфактор Шоле.

Ален возразил: коллег пугает прежде всего то, что подобное решение держалось в тайне и сотрудники были попросту поставлены перед свершившимся фактом. А он сам лишь указал на попытку дирекции строить козни.

Шоле позволил присутствующим погрузиться в тяжелое молчание. Даже те, кто сидел дальше всех от сцены, не могли не заметить, что он заранее предвкушает эффект, который произведут его слова.

— Решение держалось в тайне не от всех, ольфактор Фиссон. Просто вас не пригласили за стол переговоров, — заявил он наконец с недоброй улыбкой.

Удар оказался ошеломляющим, и Ален был вынужден опуститься на свое место. Двадцатью голосами против двенадцати практикующие ольфакторы проголосовали за сокращение. Лаборатории, имевшие меньше пациентов и получавшие меньше денег (к числу которых принадлежал и филиал Алена), будут закрыты.

Все те, кого принесли в жертву, хотя и разволновались, но одновременно также осознали, для чего предназначено строящееся здание: там будут размещены их новые кабинеты. (Кстати, именно это обстоятельство послужило решаю-

щим аргументом при одобрении проекта.) Что ж, с реформой, не предполагающей упразднения рабочих мест, можно было, пожалуй, и смириться.

Ольфакторы один за другим покидали зал. Ален вышел чуть ли не первым. Ассамблея продлилась не более двадцати минут. Этого хватило, чтобы закрыть его филиал, лишив заслуженного работника всего, что он выстраивал столько лет. Коллеги оказались сборищем лгунов и оппортунистов, готовых предать при первом же случае. Собственные маленькие владения были для них важнее. Они даже разыграли полное неведенье, когда ольфактор из Клермон-Феррана заговорил о возводившемся здании. Кстати, тот тоже мог подтереться своими мечтами о величии. Его имя значилось в списке семерых. Ален был потрясен. Бежать, бежать как можно быстрее. Он и минуты больше не мог оставаться в центре. На пути к машине он столкнулся с расстроенным клермон-ферранцем.

— Пожалуйста, предупредите Шоле, что я уехал. Мне нужны минимум две недели отдыха, — сказал он, открывая дверцу.

— Вам повезло, они только что отправили нас в десятинедельный отпуск.

34

Симона без излишних церемоний выпроводили вон. Может, он и был невиновен, однако в глазах Норы все равно оставался несносным придурком. Едва он уехал на своей «ауди», как команда принялась грузить ящики с оборудованием в фургоны. Нора, контролировавшая процесс, усадила Элиаса в первый же седан, возвращавшийся в центр.

— Мы тут скоро закончим, — заверила она, наклоняясь к открытому окну.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я тоже остался? От меня больше пользы, когда я рядом.

Норе пришлось сделать над собой усилие, чтобы отослать грустно взирающего на нее Элиаса. Она знала юношу всего две недели, но его талант, целеустремленность, готовность помочь и всплески отчаянной смелости очень ее впечатлили. До такой степени, что она поймала себя на том, что дважды искала его взглядом во время ольфакторного допроса. Но, учитывая дальнейшее, ей надлежало остаться одной.

— Давай-давай. Выметайся. Увидимся в цен-

тре.

Она похлопала по крыше машины, и та тронулась. Вскоре из всех следов присутствия «Фрагранции» в Этампе остались только Нора и Франсуа, ее водитель. На парковке бледным туманом оседала пыль, поднятая чередой уехавших один за другим автомобилей. Туфли-лодочки молодой женщины, недавно блестевшие черным лаком, покрылись белесым налетом. Солнце стояло высоко в небе. Чтобы посмотреть вдаль, Норе пришлось приложить к бровям сложенную козырьком руку. Было сухо и жарко. Горизонт ходил волнами горячего воздуха. Через какое-то время Нора глянула на часы. Али Аббад опаздывал на тридцать минут. Неприятно, но волноваться рано. С того момента, как Стив поделился результатами своих изысканий относительно инспектора, Нора куда меньше тревожилась о своей судьбе. Все ее внимание сосредоточилось на генеральной ассамблее. Та должна была начаться четверть часа назад. Если учесть, что стояло на кону, дебаты обещали быть долгими. Достаточно долгими, чтобы она успела вернуться в центр до их завершения. А может, даже поучаствовать в подсчете голосов. Важно, чтобы она была там и сама донесла новость до Элиаса. Но время терпит. Молодой человек, бу-

дучи простым ассистентом, не мог ни попасть на собрание, ни узнать его результаты. Она успеет и сообщить ему об упразднении филиала, и поговорить о его будущем. Да, пост ольфактора ему пока не светил, но в ее силах подыскать ему какую-нибудь другую временную должность. Однако для этого ей сначала следовало встретиться с Корнелией…

Как раз в тот момент, когда она наклонилась, чтобы протереть свои побелевшие лодочки, из-за поворота выскочила и затормозила между нею и Франсуа, снова подняв едва осевшую пыль, машина Али. Следователь поспешно выбрался из кабины, извиняясь за вынужденную задержку. Начальство пыталось выяснить причину незапланированного перекрытия дороги. Нора шагнула к Аббаду и пересказала результаты ольфакторного допроса.

— Что вы такое говорите?! Разумеется, это он. Просто ваш тест не сработал.

— Выводы совершенно однозначны. У нас нет оснований обвинять Симона в изнасиловании Одри. Я ждала вас исключительно для того, чтобы сообщить, что «Фрагранция» выполнила свою часть договора и более не принимает участия в расследовании.

— Попробуйте еще раз. Говорю вам, здесь ошибка. Повторите допрос, или я доведу до сведения Корнелии, что вы обычная наркоманка.

— Желаю удачи.

Открытия, сделанные Стивом, в корне изменили расклад сил между Норой и Али. Начальник отдела кибербезопасности, изучив досье, которое Аббад всучил ей в парке Мелёна, заметил кое-что любопытное. А именно отсутствие документов, исходящих из канцелярии гособвинителя. Проведя более тщательный поиск, он обнаружил, что прокуратура вовсе не обращалась к «Фрагранции» за помощью. Мало того, два дня назад дело о нападении на Одри было прекращено за недостаточностью улик. Али действовал в одиночку. Эта новость позволила Норе развернуть ситуацию в свою пользу. Она поспешила принести Корнелии извинения за перерасход средств, использованных ею в течение последних недель. Дескать, в твердой уверенности, что к делу подключена прокуратура, она предпочла разыграть карту полного сотрудничества. Но, как оказалось, Аббад с самого начала им лгал. Реакция Корнелии не заставила себя ждать. Безоговорочное исключение следователя из списка привилегированных партнеров «Фрагранции» и

направленная комиссару Мелёна просьба или понизить того в должности, или вообще изгнать из рядов служителей закона. Через несколько дней новым посредником между полицией Мелёна и центром станет один из коллег Аббада. Так что теперь слова опороченного следователя никто не примет всерьез. Он мог рассказывать все, что ему заблагорассудится. Никакой веры ему не будет. В заключение Нора извинилась за то, что была вынуждена прибегнуть к подобным мерам.

Аббад в отчаянии обхватил голову руками. И не из-за унижения и возможного наказания, а потому, что ее слова положили предел той помощи, которая была так для него важна.

— Очень прошу, попробуйте еще раз. Я знаю, что это он! — взмолился Али.

Нора напомнила, что ее вообще ничто не обязывало проводить допрос Симона. Она была в курсе *лжи* следователя еще до начала операции и, однако, несмотря на всю опасность для конфиденциальности «Фрагранции», довела процедуру до конца.

— Ради Одри, — добавила она, кладя руку ему на плечо. И напоследок сказала: — Вы хороший человек, Али. Этой молодой женщине очень повезло, что вы рядом. Мне жаль, что наше со-

трудничество закончилось на такой ноте.

— Это невозможно. Вы где-то ошиблись. — Али схватил ее за локоть, пытаясь удержать.

— Пустите меня. Вы только и делаете, что твердите, будто виновен именно Симон. Но какими фактами вы располагаете?

— Эмилия, видео, моя интуиция…

— Али, послушайте, у вас ничего нет. Ни тени доказательств. Ноль. Зеро. Хватит. Вы не подозреваете Симона — вы надеетесь, что это он. И в свои измышления вы втянули меня.

Нора высвободилась из его хватки и, бросив на следователя сочувственный взгляд, села в машину. Мгновением позже она покинула паркинг вместе со всей его пылью. Перед поворотом Нора через заднее стекло еще раз глянула на совершенно разбитого человека. Она винила себя. Но не из-за расстроенного полицейского, а из-за того, что, испугавшись, позволила собой манипулировать.

По дороге она получила информационное оповещение от административного отдела «Фраграции»: «Генеральная ассамблея завершилась. Решение об упразднении прошло». Быстрее, чем предполагалось. Оставалось надеяться, что никто не расскажет Элиасу о принятом решении.

Впрочем, и в этом случае особых оснований беспокоиться она не видела. Для успокоения совести Нора набрала его номер и попала на автоответчик. При других обстоятельствах она бы не встревожилась. Но если последние дни с их чередой невезения ее чему-то и научили, так это тому, что следует всегда ожидать худшего.

35

Элиас сидел в машине, везущей его обратно в центр. Он был исполнен энтузиазма и благих намерений: казалось, мир наконец открывается перед ним. Стажировка проходила лучше, чем он смел надеяться. За десять дней он пережил больше приключений, чем за всю предыдущую жизнь. Конечно, результаты допроса его разочаровали, но перспектива стать ольфактором вселяла оптимизм. Нора наверняка организует новую операцию, чтобы помочь жертве. С «Фрагранцией» границы возможного представлялись раздвинутыми до бесконечности.

Погрузившись в свои мысли, он не заметил, как пролетело время пути от Этампа до Фонтенбло. Доехав до центра, машина притормозила у ворот. Эдмон Шоле, сопровождавший последних ольфакторов — участников генеральной ассамблеи, сделал знак водителю Элиаса заглушить мотор. Пока Элиас вылезал из автомобиля, Эдмон, подойдя, забрал у него мобильник, выданный фирмой. Вытаскивая из аппарата сим-карту, он спокойно объяснил Элиасу, что доступ в парк ему отныне

запрещен, и в нескольких словах обрисовал молодому человеку сложившуюся ситуацию:

— Большинство практикующих ольфакторов проголосовало за закрытие филиала в Мане. Соответственно ликвидирована и ваша позиция. Необходимость в вашей стажировке отпала. Вы больше не работаете на «Фрагранцию».

У молодого человека неудержимо закружилась голова. Ноги ослабли, будто не вынеся его веса. Он зашатался и был вынужден опереться о крышу машины, чтобы не упасть. Слова Шоле звучали издалека, как сквозь вату. Элиас задыхался. В глазах у него потемнело. А потом наступила пустота.

Мгновением позже водитель уже плескал воду из бутылки ему в лицо. Элиас лежал навзничь на гравии с задранными кверху ногами. Он попытался было подняться, но ему помешала дурнота. Так что вместо этого пришлось повернуться на бок и изрыгнуть зеленоватую желчь. Шоле взирал на него с высоты своего роста. Его оскорбляло это зрелище, он презирал любые выставленные напоказ переживания. Но самое серьезное оскорбление было, разумеется, нанесено ему в тот день, когда сей жалкий ассистентишка оттолкнул его протянутую руку. А этого Шоле простить

не мог. Он нагнулся над Элиасом и прошептал:

— Я ведь вас предупреждал, что, в отличие от виверры, вы пожалеете о том, что не полезли в клетку.

36

У него мгновенно отняли буквально все. Его стремления, его мечты, его надежды. Однако ни криков, ни слез не было. Да и откуда им взяться, если вот уже две недели Элиас пребывал в глубокой летаргии. Время от времени мысль, что он работал столько лет лишь для того, чтобы его вышвырнули вон перед самым посвящением, вызывала, правда, судорогу боли, но, не считая этого, электрокардиограмма показывала ровную линию. Такую же, как и его будничное существование. Ман и его запах большого города, затерянного в сельской местности, ничуть не переменились с момента, когда он их покинул. Зеленой свежести полей по-прежнему приходилось всячески ухищряться, чтобы пробиться сквозь выхлопные газы и асфальт.

Единственные перемены произошли в двухэтажной квартире в квартале Болле, где Элиас спал теперь на диване в ожидании, пока сможет перебраться обратно в свою комнату. Адам (сосед и второй квартиросъемщик) за время отсутствия Элиаса превратил его жилище в собственный ка-

бинет. Зачем? Адам и сам не знал. Он, безусловно, был последним человеком на земле, которому мог бы понадобиться кабинет. Но это доставило удовольствие его отцу, то есть владельцу квартиры. Обзавестись рабочим кабинетом само по себе означало пустить корни в деловом мире. Элиас же покорно ждал возвращения в свое обиталище и, не жалуясь, спал в гостиной. Текли дни, неотличимые друг от друга. Время уходило. Тоска следовала за ним по пятам. Плыть по ее волнам в собственной душе стало его единственным развлечением. Будущее теперь представлялось ему столь же сомнительным, сколь и темным.

Каждый день около трех часов пополудни молодой человек в попытке побороть ржавчину и некроз суставов отправлялся на пешую прогулку. И она, словно бы уподобляясь пути паломника, непременно заканчивалась у здания филиала. Закрытого, но еще нетронутого. Целых две недели он пытался связаться с Аленом по домашнему телефону. И всякий раз попадал на автоответчик. Мобильник Элиаса стал естественным продолжением его существа. Мобильник и лицейский рюкзак. Собираясь побродить, он запихивал туда все, что попадало под руку. Бутылку с водой, зерновые батончики, рекламные листовки,

подобранные по дороге. Накануне, проходя мимо парфюмерного магазинчика, к которому он питал слабость, Элиас увидел в витрине объявление, что требуется продавец. Сам факт, что он всерьез задумался о таком, болезненно его ранил. Но что еще ему оставалось, с его-то подготовкой? Ароматерапия? На этот раз настоящая? Он точно шпион, который, отбросив прошлую жизнь, полностью принимает свое прикрытие. В любом случае он будет работать с запахами. Без них он бы и дня не прожил. Несмотря на оцепенение, они сопровождали его повсюду. Вот только теперь он не уделял им того внимания, какого они были достойны. Вроде старых друзей, про которых думаешь, что они никуда уже не денутся, а потому по-настоящему о них не заботишься.

Не отводя глаз от витрины, он снова перебрал в уме все, что пришлось пережить. Полицейское расследование, атмосфера рушащегося подвала, виверра, ночной клуб, проникновение со взломом, допрос, Нора. Сердце у него сжалось. Вызревшая злость на молодую женщину отчасти и была причиной его теперешней летаргии. Она использовала его, а потом подло бросила. Нора дважды звонила ему — первый раз в день увольнения и потом наутро. Он не ответил. Не

было ни сил, ни желания. В конце концов Нора прислала ему сообщение, где подробно объяснила, как развивалась ситуация. С того момента, когда его кандидатура была предложена «Фраграции», и до дня генеральной ассамблеи. Она особо напирала на стечение обстоятельств, а также на достоинства Элиаса и на его талант как ученика ольфактора. Это ее описание событий смердело недовольством и незавершенностью. «Я постараюсь поговорить о тебе с Корнелией, но не могу ничего обещать». Заключительная фраза идеально резюмировала то, что переживал сейчас Элиас. Это самое «но» заключало в себе мир, в котором он сейчас очутился. Мир ожидания и разочарования. Мир вялый и серый.

В этот день, дойдя до приговоренного филиала, Элиас почувствовал, как завибрировал его мобильник. Сердце замерло. Две недели ожидания вот-вот подойдут к концу. Он поспешил ответить. Ложная тревога. Всего лишь Адам, просивший об услуге. Сосед в очередной раз уверился, что у него серьезный недуг, но вот ведь невезуха, все лекарства от болезни, которую он сам себе диагностировал, оказались просроченными. Не мог бы Элиас на обратной дороге заскочить в аптеку? Управляющий был уже предупрежден и

внес заказ на счет Адама.

Зайдя к фармацевту, Элиас, скрупулезно следуя списку Адама, забрал десяток коробочек, запихнул их в свой верный рюкзак и отправился домой. В комнате Адама царил полумрак. Мнимый больной уже ждал его. Выглядел он, как патриарх, сознающий, что близятся его последние мгновения, и решивший поэтому собрать у одра своих правнуков: раскинулся в глубине ложа и громко стонал. За последние годы Элиас столько раз присутствовал на этом неизменном (включая выходы на поклон) спектакле, что в конце концов выучил все мизансцены наизусть.

— Я болен, Элиас. И на этот раз серьезно.

— Ну что теперь? Седьмой раз за год? На одиннадцатый я буду знать, что скоро Рождество.

— Очень смешно. Не считая усталости и мигрени, у меня жутко болит горло и совершенно заложен нос. Кстати, я очень не советую тебе с твоей ароматерапией подхватывать нечто подобное, клянусь, я не способен различить ни единого запаха.

— Успокойся, в этом плане мне уже волноваться не о чем. Держи свои сосалки.

Элиас вывернул рюкзак на постель. Лекарства вывалились на одеяло, и Адам горячо поблагода-

рил соседа. Он был доволен, что Элиас вернулся, хотя ему и показалось, что тот переменился. «Ты напоминаешь мне эмо двухтысячных годов. Тех самых, что путали Скайблоги[58] со своими личными дневниками», — заявил он Элиасу в первое же утро. Адам даже подумывал организовать в квартире супервечеринку в честь возвращения Элиаса, дабы попытаться разогнать его мрачные мысли. К несчастью, вместо этого он тяжко расхворался.

Во входную дверь позвонили. Элиас присел на краешек постели.

— Ты не откроешь? — спросил Адам, приподнимаясь.

— Лень.

— Перегибаешь, дружище.

Одним прыжком он соскочил с кровати и устремился к двери. Как есть больной при последнем издыхании, подумалось Элиасу. Через несколько секунд сосед вернулся в спальню; за ним шла Клодина. Элиас вытаращил глаза. Первая его мысль была из самых черных.

— С Аленом все в порядке?

---

[58] Примечания: 58

«Скайблог» («Skyblog», затем «Skyrock») — французская блог-платформа французской радиостанции *Skyrock;* закрылась в 2023 году «в соответствии с законодательством о персональных данных».

37

За столиком кафе в центре Мана Клодина дула на чашечку горячего шоколада. Сидящий напротив Элиас вертел свой жетон, пропуская его поочередно между всеми пальцами. Через какое-то время он приостановился и спросил:

— Почему он не попытался со мной связаться? Я уже две недели звоню то вам, то в филиал. И каждый день прохожу мимо нашей лаборатории в надежде, что она окажется открыта.

— Мне очень жаль, Элиас. Мы только вчера вечером вернулись из Гара. Ему требовался отдых. И что греха таить, мы были уверены, что ты продолжаешь свою стажировку в центре. Я приехала, как только обнаружила твои звонки.

Элиас не запротестовал, когда Клодина накрыла его руку своей ладонью. Глаза у него затуманились, дыхание стало прерывистым, губы задрожали. Внутренние барьеры подались и пошли трещинами, не пощадив и летаргию. Слеза, которую он до сих пор удерживал, воспользовалась дрожанием нижнего века и вырвалась на волю. Мгновенно пойманная рукавом Элиаса,

она быстро завершила свое капельное существование. Смерть скосила ее прямо на щеке, в самом начале жизненного пути. Элиас никогда не плакал на людях. Каким бы странным это ни представлялось при его гиперэмоциональности, избыточного проявления чувств он стеснялся. Стоило за соседним столом в ресторане грянуть веселому «с днем рождения», как юношу одолевала глубокая неловкость.

— Они выбросили меня, как ненужную тряпку. На самом деле все было решено еще до моего приезда, мне не оставили ни единого шанса. А ведь я был на уровне. Даю слово, Клодина. Я сам себя превзошел. И никакой признательности.

— Они повели себя недостойно.

— И знаешь, что самое поганое? Стоило бы им свистнуть, и я бы тотчас прибежал обратно. И вот это пугает меня больше всего. Они издеваются надо мной, а я готов подставить другую щеку. Я так хотел стать частью истории «Фрагранции». И я мечтаю об этом по-прежнему, даже после того, как они со мной обошлись.

Клодина крепко сжала его руку в своей:

— Я понимаю. Мне знаком еще один в точности такой же.

В утешение она предложила поехать пови-

дать Алена. Элиас не раздумывая согласился. Сама перспектива этой встречи уже ослабила его внутреннее напряжение. В машине, которую вела к своему дому Клодина, на губах бывшего ассистента Фиссона впервые после возвращения из Фонтенбло заиграла улыбка.

Сразу после Руйона, коммуны, которая с 1962 года показывала постоянный демографический рост, позволивший населению совершить скачок от 674 жителей аж к 2297, они свернули на дорогу Ла-Круа-Жоржет. Вдали, за чередой деревьев, высоко в небо поднимался столб дыма. Клодина нахмурилась и вдавила педаль газа. Она вообще водила ужасно быстро. Куда быстрее, чем ее муж, хотя тот и славился своей рискованной ездой. По мере того как они приближались к месту назначения, сомнения рассеивались: густое черное облако действительно исходило из владений Фиссонов. Клодина совершила немыслимое, умудрившись вновь прибавить скорость. Элиас, которого болтало во все стороны, успевал разве что судорожно следить за поворотами и чувствовал себя вторым пилотом на ралли. Только без шлема и планшета.

— Я ни в коем случае не должна была оставлять его одного, — прошипела Клодина.

В раздражении она ударила по рулю. Если и существовали в мире слова, которые Элиас категорически не желал бы услышать, то звучали они именно так. Его тревога утроилась. Когда в конце дороги показался дом, оба поняли, что дым поднимается от крыши. Еще несколько десятков секунд, и шины заскрипели по гравию двора. Клодина сорвалась с водительского сиденья и бросилась в дом. Прежде чем вылезти из машины, Элиас озаботился тем, чтобы выключить мотор, после чего осторожно поднялся по ступеням в дом. Увидь он хоть одну горящую балку, без колебаний повернул бы обратно. Поездки в Шартр ему вполне хватило.

Но дом вовсе не пребывал во власти огня. Там витал только легкий запах горелого, и Элиас, хоть и предпочел бы аромат традиционного лимонного пирога Алена, почувствовал облегчение. Зато он немедленно заметил отсутствие вещиц, которые раньше составляли все богатое убранство комнат. Он дошел до гостиной и остановился у высоких, от пола до потолка, окон, выходящих в сад. Снаружи Клодина, сложив ладони рупором, орала на Алена, который развел огромный костер. Облаченный в халат и резиновые сапоги, он брал из большой кучи самые разные предметы и

охапками бросал их в языки пламени выше его на три головы. Ну а эти чревоугодники с каждой новой порцией подпитки знай себе распухали от удовольствия. Благодарность они выражали с шумом воздуходувки.

Ален жег свои коллекции. Все до единой. Клодина пыталась его вразумить, но тщетно.

Элиас тоже спустился в сад и пошел к пироману. Густой дым застилал солнце, и, несмотря на красные отсветы углей, рядом с наставником было темно. Воздух загустел от эманаций горелого пластика. Это было шершаво, липуче и колюче. Едкий запах, словно выплевывающий ругательства в лица тех, кто его чувствовал. В тот момент, когда Элиас наконец до него добрался, Ален схватил пук старых ружей, стреляющих флешеттами[59]. *Eureka,* межвоенный период. За подобное святотатство коллекционеры убили бы его на месте.

— А, Элиас! У тебя сегодня выходной?

— Меня выставили вон.

Ален поднял голову. У него был вид одного из

[59] Примечания: 59

Флешетта — небольшая металлическая стрела-дротик; ружья, стреляющие флешеттами, применялись при атаках с самолетов или аэропланов на скопления пехоты и кавалерии, в основном в первой четверти XX века.

тех старых чудаков, которых в городах обходят стороной.

— Ладно, тогда у тебя есть время мне помочь. Вон там ручки. — Ален указал на доверху набитые картонные коробки. — Я забрал их из приемной. Жаль, но почтовые открытки я уже сжег.

— Почему жаль?

— Учитывая, как ты их не любил, тебе было бы приятно сделать это самому.

— Но зачем мне это делать?

— Мой филиал был единственным, что имело значение. Все прочее просто заполняло место.

В подтверждение своих слов он бросил в огонь горсть бобов из королевского пирога. (Элиас спросил себя, не обнаружатся ли они потом среди пепла, поскольку температуру кухонной печи бобы выдерживали.) Молодой человек схватил коробку с магнитиками для холодильника и швырнул ее в пламя. Оно затрещало от радости и выплюнуло черное облако. Ален грустно улыбнулся:

— Похоже, у меня есть для тебя последнее наставление. Никогда не считай, будто что-то принадлежит тебе раз и навсегда. Все дается и все отнимается, конца этому нет, и единственный способ помешать неизбежному — борьба.

Он положил руку на плечо подопечного. Элиас ее стряхнул:

— Очень мило с твоей стороны давать мне великие уроки жизни, но лучше бы для начала ты и сам им последовал. Почему ты не борешься, чтобы сохранить свою лабораторию?

— Я не могу. Таково решение большинства. Конечно, это лишь видимость демократии, и все же, все же… Ольфакторы — обыкновенные эгоисты. Вот тебе еще один мой урок.

Оба мужчины любовались гипнотической пляской языков пламени; наконец тот, что помоложе, нарушил молчание:

— Что ты теперь будешь делать?

— Закончу свои дни в Фонтенбло.

Элиас воспользовался очередным моментом сосредоточенности ментора на огне, чтобы проверить свой мобильник. А вдруг треск костра заглушил звонок. Ален грустно глянул на него краешком глаза. Он-то знал, что без чрезвычайной причины «Фрагранция» никогда больше с мальчиком не свяжется.

— Держи. — Ален протянул Элиасу ключи от филиала. — Ты же должен до конца недели забрать свой запас ЛСМ из туалета. Глупо получится, если на него наткнется кто-то из грузчиков.

38

Поскольку Клодина и слышать не хотела об отказе, Элиас заночевал у Фиссонов. К счастью, зубная щетка, которую он увез из центра в Фонтенбло, так и болталась в рюкзаке. Ночь оказалась столь же краткой, сколь и муторной. Ему снилось пламя, лижущее каждый уголок дома. Пол, стены, потолок, балконы и балки — все было пожрано огнем. Элиас даже несколько раз вставал и выглядывал в окно, выходящее в сад, желая удостовериться, что хозяин дома не празднует в энный раз День святого Жан-Батиста[60]. Отчасти именно из-за этих несвоевременных пробуждений он так поздно продрал глаза назавтра. Как и каждое утро после возвращения, он прежде всего проверил, не пропустил ли звонок из «Фрагранции». И как и каждое утро после возвращения, день начался с разочарования.

Дурной вкус Алена не позволил ему в очистительном порыве тронуть гостевую комнату.

---

[60] Примечания: 60

Праздник святого Жан-Батиста (День святого Иоанна) — аналог православного народного праздника Ивана Купалы, знаменующего летнее солнцестояние; традиционно отмечается разжиганием костров.

Десятки керамических кукол, подстерегающих каждое движение Элиаса, леденили ему кровь. Из всех коллекций, достойных исчезнуть с лица земли, эта держала пальму первенства. Под взглядами невыразительных стеклянных бусинок он оделся и собрал свои вещи; спускаясь по лестнице, услышал обрывки разговора у входа в дом. Если голос Алена он узнал без труда, то второй был совершенно незнакомым. При его появлении мужчины замолчали, а потом Ален представил ученика:

— Инспектор, это Элиас, мой ассистент. Возможно, вы с ним уже встречались несколько недель назад.

Человек с несвежим от бессонных ночей лицом и в не менее несвежем плаще обратил на молодого человека усталый взор.

— Не думаю, — выдохнул он.

Элиас узнал пробившийся сквозь вонь пепельницы парфюм Аббада. Нечто папоротниковое двухтысячных годов. Следователю этот парфюм не подходил, но, похоже, ему было плевать. А ведь унюхать, что собственная кожа отталкивает парфюм, нетрудно даже неофиту.

Ален пригласил обоих пройти в гостиную и предложил кофе. Чашка Аббада не успела еще

остыть, а он уже описал весь ход расследования и свои трудности. Ольфактор внимательно слушал, скрестив руки на груди. Рассказав об отрицательном результате операции в Этампе, Али умолк. До Алена наконец дошел смысл этого визита. Когда-то, в самом начале деятельности «Фрагранции», ему уже приходилось сотрудничать с полицией Мелёна. Один из тогдашних мелких подпольных заправил быстро раскололся. Слух о давних подвигах Алена, вероятно, добрался до ушей Аббада.

— Помогите мне. Вы наверняка можете что-то сделать.

— Нет.

Ален не оставил никакой лазейки для дальнейших переговоров. Он не намерен ничего делать и уж точно не намерен делать того, что ждет от него Аббад. Напротив, он посоветовал инспектору перестать упрямиться. Если сеанс под ЛСМ не смог установить виновность Симона, значит тот ни при чем. Сейчас «Фрагранция» использует научные методы *nec plus ultra*[61]. Ничего общего с архаичными и жестокими процедурами, с которых она начинала и результаты которых не

---

[61] Примечания: 61
В высшей степени, дальше некуда *(лат.)*.

имели никакой юридической ценности: допрашиваемые в конце концов всегда сознавались — и виновные, и невиновные.

Смущенный той резкостью, с какой наставник выпроваживал следователя, Элиас попробовал вмешаться:

— Даже если Нора утверждает, что невольное потребление наркотика замутило восприятие Одри, можно попробовать дать ей понюхать запах геля Симона и…

— Довольно.

Ален вскочил с кресла, Элиас вжался в свое.

— Очень жаль, что вы напрасно дали себе труд приехать, месье. Мне еще нужно закончить уборку. Я вас провожу.

— А вы в курсе, что самим сжигать отходы запрещено? — предпринял жалкую попытку Аббад.

— Вы не из таких копов.

Аббад покинул дом, не поблагодарив хозяина. Ален дождался, пока хлопнет дверца его машины, а затем подозвал Элиаса и сделал ему строгое внушение. Обонятельные воспоминания жертвы о перенесенной травме не должны ни при каких обстоятельствах, даже как крайнее средство, рассматриваться в качестве возможности полу-

чения улик.

— Вспомни о том ощущении счастья и радости, которое пациент испытывает при положительных воспоминаниях под ЛСМ, и накрепко вбей себе в голову, что запах, связанный с негативным опытом, действует в десять раз сильнее. Я насмотрелся на людей, у которых возникали расстройства, связанные с посттравматическим стрессом, и которые так никогда и не смогли оправиться. Кое-кто даже совершал непоправимое. Человеческое существо намного чувствительнее к страданию, чем к счастью. Это заложено в его природе. Поэтому ни у кого нет права подвергать чему-то подобному эту молодую женщину. Ни у нас, ни уж тем более у него. — Он ткнул подбородком в том направлении, куда умчалась машина Аббада. — И потом, твоя Нора права. Если бы даже из-за перенесенных невыносимых мучений малышке и показалось, что она узнала запах своего агрессора, все равно невозможно было бы оценить, насколько наркотик повлиял на ее восприятие. Всегда оставалось бы сомнение, а мы не можем рисковать ради сомнения. Причем сомнения, которое не имело бы никакой юридической значимости.

Перед тем как вернуться в дом, оставив бывше-

го ассистента на крыльце, он добавил:

— Поверь, одни лишь хорошие воспоминания — вот то, ради чего мы занялись этим ремеслом.

В конце дня Клодина отвезла Элиаса обратно к нему на квартиру. Подъехав к дому, она, прежде чем выпустить юношу из машины, поблагодарила его за визит. Впервые со дня объявления о закрытии филиала ее муж проявил интерес к чему-то, кроме собственной персоны. Элиас тоже ощущал нечто подобное: эти два дня и ему пошли во благо. Он по-прежнему был разочарован, но уже не так грустен.

Элиас посмотрел вслед машине. Проклюнулась ночь; ветер принес долгий автомобильный гудок. Где-то в центре города водитель потерял терпение. Подняв глаза к фасаду, Элиас заметил свет в комнате Адама. Задался вопросом, победил ли тот свою мнимую болезнь. В окне мелькали то голубые, то красные отблески. Наверняка задремал перед телевизором. За спиной Элиаса остановилась машина. Оттуда вылез Аббад.

— Думаю, твое предложение сработает. Дадим Одри понюхать запах Симона.

Словно пытаясь окончательно заручиться его согласием, Аббад поделился своей историей. Женщина, о которой он неотступно думал вот

уже двадцать лет, вошла в его жизнь не одна. Она была матерью маленькой девочки, и обе переехали к Али. Итогом брачного союза, семейных разборок и развода стало то, что девочка, которой тогда было три года, одни выходные в месяц должна была проводить с биологическим родителем. Али в те времена исходил нежностью и без всяких задних мыслей приручил малышку. Они чувствовали себя счастливыми, все трое. Таким счастливым он с тех пор не бывал ни разу. Но, к сожалению, тот факт, что малышка расцвела и повеселела, подействовал на бывшего мужа, как электрошок. Он решил, что его отодвигают в сторону, не пожелал смириться с тем, что кто-то ускользает у него из рук, и приложил кучу усилий, чтобы вернуться в семью. Выбирая между отцом дочурки и сравнительно недавним партнером, мать решила дать прошлому второй шанс. Ради дочери. И Аббад после двух лет идиллии потерял не одну любовь, а две. Сейчас девочка повзрослела, превратилась в молодую женщину и совершенно забыла о роли, которую он сыграл в ее жизни. А самым душераздирающим в этой истории было то, что Аббаду до сих пор не хватило ни духу, ни сил ей напомнить. В ее глазах он был лишь копом, который принял

близко к сердцу принцип «служить и защищать». И в этом она не ошиблась. Он намерен защищать Одри даже ценой карьеры. Каким бы проходным отцом он ни был.

— И вы ни разу не попытались позвонить матери Одри?

— А какой смысл? Из трусости, а может, из самолюбия я позволил этой женщине уйти, так и не сумев дать ей понять, кем она для меня была. Я даже не пробовал бороться. Когда через несколько лет я узнал, что тот человек вновь — и на этот раз окончательно — их бросил, мне подумалось, что уже слишком поздно, и я так с ней и не поговорил.

Аббад вскинул голову, мешая слезам пролиться. Собственное бездействие оставалось самым большим его сожалением. И если сегодня у него появился шанс наверстать упущенное, борясь за дочь этой женщины, он им воспользуется. Таков его долг перед самим собой. Пока Элиас слушал Аббада, все его внутренние возражения отпадали одно за другим. Но молодого человека по-прежнему пугала мысль о том, что попытка «помочь» может ранить Одри, поэтому идти навстречу полицейскому он не хотел. Одри пришлось бы слишком сильно страдать.

— И все же вы рискуете ментальным здоровьем Одри, принуждая ее к сеансу ольфакторных воспоминаний. Да еще при наличии серьезных сомнений.

— Но ведь сомнения — это лучше, чем ничего?

Элиас состроил гримасу, которую Аббад расценил как брешь в стене. Довершая начатое, он решил сблефовать в расчете на неосведомленность Элиаса, который наверняка не знал, что «Фрагранция» вычеркнула следователя из списка своих контактов: мол, в обмен на услугу он надавит на Нору, чтобы та предоставила молодому человеку место ольфактора. Элиасу, готовому на все ради возвращения в центр, этого оказалось достаточно. Он сдался:

— Я помогу Одри.

39

Правильно ли он поступал? Трудно сказать. Во всяком случае, ему казалось, что правильно. Он прошел вдоль глухой стены кабинета Алена и остановился у окна. Бульвар Рене Левассёра был непривычно тих для середины дня. Словно весь мир замер, трепетно ожидая следующих минут. Вид безмятежного города помог Элиасу отстраниться от происходящего, избавить совесть от груза вины. Он оставит за Одри право отказаться. Одно ее слово — и он все остановит. Эта мысль его успокоила. Он повернулся и открыл шкафы, в которых горделиво выстроились склянки с обонятельным исходным сырьем. На перекличку не явилась только ЛСМ. Этого следовало ожидать. Он так и думал, что после двух недель простоя филиала «Фрагранция» задействует план по срочному восстановлению своих запасов. Но Элиас предвосхитил ход событий. Его собственного запаса ЛСМ, спрятанного за навесным потолком туалета, будет достаточно. Направляясь к тайнику, Элиас поглядывал на разгром, учиненный пироманским безумием Алена. Помещения, еще

недавно загроможденные бесконечными коллекциями, были нынче удручающе пусты.

Металлическому жетону в руке никак не удавалось справиться с комом тревоги, набухающим в желудке. Надписи, стершиеся от многократного соприкосновения с пальцами, когда-то сообщили ему, что в другой жизни эта вещица играла роль медали за трезвость. Награда, которой сообщество Анонимных Алкоголиков удостаивало своих членов, чтобы отметить различные периоды абстиненции. Одна неделя, один месяц, один год. Медалька являла собой воплощение грядущей победы над привычкой. Элиас нашел ее на тротуаре у входа в бар.

Вернувшись из туалета, он поставил бидончик перед собой и включил компьютер. Авторизовавшись в базе под именем Алена, поискал среди сотен цифровых файлов интересующую его формулу. В базе данных «Фрагранции» содержались хроматограммы почти всех парфюмерных товаров, коммерциализированных во Франции за последние семьдесят лет. Эта таблица давала тому, кто умел в ней разбираться, все искомые составляющие любого продукта. Посудомоечные жидкости, гели для волос, кремы, дезодоранты для салонов автомобилей — «Фрагранция»

считала своим долгом индексировать любой потенциальный возбудитель. Найти правильную формулу оказалось детской забавой. Затем Элиас выставил на старом деревянном столе Алена исходные материалы. Молодого человека кольнуло было чувство вины за то, что он собирается провести сеанс за спиной наставника, но соображение, что лучше просить прощения, чем разрешения, оказалось сильнее. Гераниол, лавандин, метилантранилат, кумарин. Не хватало только дубового мха. Короткий поиск помог выяснить, что данная субстанция считалась аллергеном и уже несколько лет была запрещена Международной ассоциацией парфюмерии. Элиас заменил ее синтезированной нотой — эвернилом. Завершив смесь, он написал на этикетке флакона: «Аккорд Одри — 12 % Eth»[62]. Потом взял блоттер и обмакнул в сосуд. Если верить носу, результат соответствовал ожиданиям.

В дверь постучали, зашли Одри и Аббад. Элиас с удивлением воззрился на посетительницу. Она совершенно не соответствовала тому, что он себе навоображал. Одри виделась ему опустошенной, мятущейся, тщетно пытающейся скрыть свои

---

[62] Примечания: 62

Eth — сокращенное обозначение этанола (этилового спирта).

стигматы. Однако стоящая перед ним молодая женщина казалась «нормальной». Ничто в ее облике не наводило на мысли о том, через что ей пришлось пройти. Высокая, темноволосая, с безупречной стрижкой-каре… даже ногти не обгрызены. А вот Аббад в сравнении с ней выглядел довольно жалко. Элиас разозлился на себя за то, что собирался всячески помогать жертве, поддерживать и опекать ее во время сеанса. Теперь он понимал, что сострадать ей было бы смешно. Он неловко пригласил их садиться. Ему столько раз приходилось наблюдать за работой наставника, что он совершенно не тревожился по поводу самостоятельного проведения сеанса. Эта мысль его подбодрила.

— Следователь объяснил, зачем вы здесь?

— Нет.

— Я собираюсь предложить вам сеанс ольфакторных воспоминаний.

Элиас растолковал в общих чертах сам принцип. Она вроде бы заинтересовалась. Он воспользовался этим, чтобы выдвинуть свое условие, и повернулся к Аббаду:

— Сессия — дело сугубо личное. Вам придется обождать в приемной. Мы выйдем к вам, когда закончим.

На лице инспектора удивление быстро сменилось разочарованием, но от возражений он воздержался. Судя по всему, Элиас контролировал ситуацию. Так что Аббад в обнимку со своим страхом что-либо упустить (или *fear of missing out*[63], говоря на изысканном французском) покинул помещение.

Когда они остались вдвоем, Элиас признался Одри, что скрыл свои истинные намерения. Та выпрямилась.

— Инспектор уверен, что цель этого сеанса — порыться в вашей памяти, чтобы найти там что-то, подтверждающее личность нападавшего.

— А это не так?

— Нет, не так. Это было бы настолько же бесполезно, насколько и пагубно.

— Тогда зачем мне было приходить?

Но в одном Элиас не солгал. Он и правда думал, что сумеет ей помочь. Вместо истины он предлагал ей передышку, поддержку, подкрепление. Одри нахмурилась. Элиас положил ладонь на флакон:

— Я знаю, что это может показаться абсурдным, но у меня есть средство, способное возродить

---

[63] Примечания: 63
Синдром упущенной выгоды *(англ.),* он же синдром FOMO.

нежность и любовь, скрывающиеся в ваших воспоминаниях. Далекие от ваших сиюминутных мучений, эти воспоминания только и ждут, чтобы вы снова к ним обратились. Возможно, мое предложение покажется вам лишь попыткой замести сор под ковер. В какой-то мере так оно и есть. Идея укрыться в прошлом, чтобы убежать от настоящего, иногда выглядит контрпродуктивной. Но на самом деле я предлагаю вам это, чтобы вы снова обрели оружие. А уж как вы им распорядитесь, меня не касается. Я здесь не для того, чтобы помочь вам восстановиться. Я лишь хочу показать вам то, что не дает увидеть ваша боль. Ваша жизнь и вы сами не сводитесь к тому, что вам пришлось перенести, и если вы не против вспомнить об этом, я сделаю, что смогу.

Одри, не двигаясь, пристально смотрела на него. Казалось, она вглядывается в самую его сущность. Чувствуя себя неловко, Элиас добавил:

— Должен признаться, я отрепетировал свою речь, прежде чем с вами увидеться. Перед зеркалом это звучало убедительнее. Вы можете отказаться. Вы даже можете встать, выйти из комнаты, и мы поставим на этом точку.

Одри немного успокоилась и в конце концов согласилась. Элиас взял флакон, перелил его

содержимое в распылитель, добавил несколько капель ЛСМ и протянул девушке.

— Вы все еще вправе отказаться.

— Чем оно пахнет?

— Это вы должны мне сказать.

Она посмотрела на распылитель. Элиас подошел ближе и показал кнопку включения. Подражая Алену, он спокойным негромким голосом предложил нажать эту кнопку, когда она решит, что готова. И с теми же, что у наставника, жестами, с теми же уважительностью и мягкостью проговорил:

— Пора вам вернуть свое прошлое.

После фазы эйфории Одри двинулась назад, к тому, что успела забыть. Она увидела себя в машине. Серый «пежо». Кому он принадлежал? Они ехали в зоопарк. Кто был за рулем? Молодая женщина сдавленно застонала. Ее глаза, прикрытые веками, двигались. На нее нахлынули десятки вернувшихся воспоминаний. Мозг, неспособный быстро все осознать, разложить по полочкам и распределить во времени, сдался, решив довольствоваться восприятием ассоциированных положительных эмоций, пусть и поступающих вперемешку. Одри шмыгнула носом. Ее мать хохотала на переднем пассажирском сиденье,

прямо перед ней. Одри забыла не только этот смех, но и то, что он вообще когда-то звучал. Становясь неудержимым, он соскальзывал в некое подобие скрежета. Одри было четыре года, и весь ее мир состоял из любви. Она звала «мамой» эту женщину, которая обнимала ее, ласкала и покрывала поцелуями. Женщину, которую делал счастливой мужчина за рулем. Он присутствовал во всех воспоминаниях. С каждой новой всплывшей картиной его жесты и облик приобретали в сознании Одри все более четкие очертания. Этот незнакомец смешил ее мать, а ее саму водил в зоопарк, в кино и в парки. Этого человека она любила всей любовью, какая только могла уместиться в сердце ребенка.

Одри очнулась в слезах, с ладонью, прижатой к губам. Элиас склонился над ее плечом:

— Добро пожаловать обратно.

— Я хочу увидеть Али.

40

После генеральной ассамблеи Нора отметила перемены в поведении ольфакторов-резидентов. Все они и думать забыли про заносчивость и бахвальство. Возможно, закрытие филиалов на этот раз их и не коснулось, но страх, что каждого из них могут заменить, вызвал к жизни потоки чрезмерной любезности. Отныне они вели себя крайне обходительно, говорили с медовыми интонациями и даже пытались предупреждать любую просьбу. Признаться, они всегда умели проявлять такую покорность, однако прежде приберегали ее исключительно для Корнелии. Остальным членам дирекции никогда не удавалось добиться от ольфакторов подобной почтительности, граничившей с подобострастием.

В конце дня она решила пойти побегать. Натянула спортивный костюм, который на всякий случай держала в центре, и двинулась по тропинке, ведущей в глубину леса. Двенадцать километров, две судороги в ногах, а потом еще один круг… но проветрить голову так и не удалось. Ей не давала покоя куча проблем, с которыми

предстояло разобраться в ближайшие месяцы. Аббад со своим расследованием был лишь прелюдией к тому, что ее ожидало. Она знала, что из-за увеличения числа подпольных лабораторий и сложностей по части сохранения тайны полиция станет требовать такого рода услуг все чаще. Баш на баш, основа человеческих взаимоотношений.

Когда Нора остановилась в нескольких метрах от главных ворот, чтобы перевести дыхание и потянуться, ее внимание привлек маленький блестящий диск на земле. Она нагнулась и подняла его. Монетка в два евро. Если подавляющее большинство людей расценили бы эту находку как приятную милость судьбы, то Нора почувствовала разочарование. На какое-то мгновение она поверила, что отыскала жетон Элиаса.

Она сделала еще несколько упражнений на растяжку. Наступающий день пугал ее. Работа шла в бешеном и все нарастающем ритме. Только за это утро гора папок на ее письменном столе выросла еще на два досье, связанных с конфиденциальностью. Первое касалось некоего слишком любопытного префекта; придется или подмазать его, или пустить в ход угрозы — в зависимости от степени неподкупности субъекта. Во втором досье, неприятном и не терпящем отлагательств,

речь шла о Марселе. (Она приложила два пальца к запястью и посчитала пульс.) Все та же история с поддельной ЛСМ в самом центре города. Та самая, которую Аббад использовал для своей попытки шантажа в парке Мелёна. Какой далекой казалась теперь эта встреча. И интуиция подсказывала молодой женщине, что Корнелия сочтет это животрепещущее задание приоритетным.

Она поприветствовала дежурных охранников и прошла за тяжелую чугунную ограду. Вид возникающего перед ней во всем своем гармоничном величии центрального здания порождал в Норе странное чувство собственной цельности. Конечно, «Фрагранция» оставалась царством Корнелии, но она, Нора, была его стражем, его защитницей, надзирательницей и цербером. Тут женщина услышала, как кто-то окликнул ее по имени, и обернулась.

— Ты и вдруг на улице, по доброй воле? Невероятно, — бросила она тому, кто ее позвал.

— Очень смешно, прям обхохочешься. Могла бы иногда заглядывать в свой телефон.

Стив торопливо семенил к ней.

— Я поставила его на беззвучный режим, пока бегала. Хотелось отключиться.

Мужчина — с уже заметными жировыми

складочками на талии и в майке со значком трифорса[64] — махнул на ходу рукой, приглашая следовать за собой и явно собираясь ей кое-что показать. Когда она поинтересовалась, можно ли сначала принять душ, то он буркнул, что это касается Элиаса. Нора не заставила просить себя дважды.

По дороге во флигель кибербезопасности ей бросилось в глаза некоторое волнение, царящее среди сотрудников. Они со Стивом как раз входили в дверь, когда в парке появились три черных седана. Возбужденная сверх всякой меры Кахетель перескакивала от одного куста к другому. Нора попыталась ее подозвать, но безуспешно. Виверра прыгала и тявкала. Казалось, она охотится за воображаемой добычей. В своем сумасшедшем метании она в конце концов помяла клумбу, и садовник сделал ей замечание, что взбудоражило зверька еще больше. Нора повернулась к главному зданию. Из каждого окна торчали головы — где одна, а где и сразу несколько. Взгляды были устремлены на машины, ехавшие по главной аллее. Казалось, все вокруг затаили дыхание. Кортеж двигался неторопливо, задавая

---

[64] Примечания: 64

Трифорс (triforce) — вымышленный артефакт в видеоигре *Nintendo* «Легенда о Зельде» («The Legend of Zelda», 1986).

свой ритм всему центру. Когда виверра замерла и навострила уши, а затем помчалась к паркингу, Нора все поняла.

— Возвращение короля! — воскликнул Стив.

— Я и забыла, что это сегодня. Черт, пойду переоденусь. Мне обязательно нужно переговорить с ней об Элиасе.

— Думаю, сначала тебе нужно кое-что увидеть.

Когда Нора зашла в штаб-квартиру кибербезопасности, команда хором ее поприветствовала. В ответ она лишь помахала рукой. Стив уселся на свое рабочее место, придвинул поближе пакетик с мармеладками и нажал клавишу пробела на клавиатуре. Открылось видео, снятое в кабинете Фиссона веб-камерой его компьютера. На экране возник Элиас, двигающий мышкой.

…Вскоре после полудня руководитель отдела кибербезопасности получил сигнал тревоги из филиала в Мане. Обычно начало ольфакторного сеанса было событием вполне рядовым, но все представало в совсем ином свете, когда дело касалось обреченного филиала. Стив дистанционно включил встроенные в монитор вебкамеру и микрофон, чтобы записать всю сцену. Нора, не говоря ни слова, просмотрела видео от начала до конца. Неучтенная ЛСМ, кража идентификаторов, сеанс

ольфакторных воспоминаний с пациентами, не получившими допуска. Количество выявленных нарушений зашкаливало до абсурда. Когда запись закончилась, она вздохнула, выпрямилась и положила руку на плечо Стива:

— Кто еще это видел?

— Я. А теперь уже и ты.

— Отлично. Спасибо за бдительность и за то, что предупредил. Можешь все стереть.

— Да? Ты уверена?

Нора кивнула. Она воздаст Стиву сторицей. Ибо очень хочет снова работать с Элиасом и сделает все, чтобы такая возможность сохранилась.

Покинув флигель, она стремительным шагом понеслась через парк. В самом скором времени она переговорит с Корнелией. Но сначала ей необходимо срочно залезть под душ. Глубокий вдох, прежде чем в очередной раз броситься в бурю.

41

На кухне Фиссонов Клодина бомбардировала Элиаса вопросами. Она желала все знать и все понять. И к концу повествования ее усилия принесли плоды и темные места прояснились.

— А потом? — спросила она, дуя на свой чай.

— Одри пошла к нему в приемную. Я не осмелился идти следом. Наверняка у них накопилось, что друг другу рассказать.

Ален, шинкующий луковицу на кухонном столе, хранил молчание. Когда Элиас добавил, что из всех памятных моментов, свидетелем которых он оказался в филиале, самым впечатляющим стал тот, когда Одри вспомнила Али Аббада, по лицу наставника скользнула улыбка. Но только Клодина заметила этот мелькнувший знак тайного воодушевления. Она подошла к молодому человеку и материнским жестом коснулась его щеки.

— Мы гордимся тобой. Я говорю и за этого старого дурня, раз уж неуместная стыдливость велит ему молчать.

Ее веселый голос стал доверительным, что позволило Алену уклониться от участия в беседе.

Растроганный, Элиас поблагодарил.

— Хм-м.

Этот звук был единственным вкладом Алена в разговор. Клодина окинула его взглядом. Своего мужа она выучила наизусть. После стольких совместно прожитых лет она знала, что с некоторых пор его преследовала какая-то мысль, причем так неотступно, что даже помешала достойно поздравить ученика. Осознав, что это молчание, будучи неправильно истолкованным, могло ранить Элиаса, она решила, что их сближению поспособствует какое-нибудь общее занятие.

— Послушай, Элиас, подсоби-ка Алену почистить овощи. Ты согласен, дорогой?

— Хм-м.

С овощечисткой в руке ученик присоединился к Алену у кухонного островка. Не говоря ни слова, тот с отсутствующим видом ткнул пальцем в шкафчик для провизии, из чего Элиас сделал вывод, что там-то и хранится картошка. Положив на стол пластиковый мешок для мусора, он приступил к делу.

Несколько секунд спустя Элиас еле сдержал крик. Порезаться овощечисткой — это достижение, доступное лишь элите косоруких, и он только что вступил в их клуб. Первый же клубень,

третье движение. Если он и не стал чемпионом мира по скорости нанесения себе увечий, то уж точно вошел в первую десятку. Ранка оказалась поверхностной, но кровила достаточно, чтобы обеспокоенная Клодина велела следовать за ней. Пристыженный, Элиас оставил на столе картофелину, оружие, пластиковый пакет и четыре обрезка. Картофельных из них было только три.

Оказавшись на втором этаже, Элиас с самым непринужденным видом задал мучивший его вопрос. Он вложил в него всю раскованность, на какую только был способен. То есть самую чуточку.

— Почему Ален молчит? Думаешь, я его разочаровал?

— Вовсе нет. Я думаю, его заботит будущее. Нам предстоит продать этот дом, найти жилье рядом с Фонтенбло, распрощаться со здешними друзьями. — Она открыла шкафчик, служивший аптечкой, и достала коробку с пластырями и бинтами. — Все свалилось совершенно неожиданно, и Алену нелегко даются эти перемены. Да еще его филиал. Ты же знаешь, как он был к нему привязан.

Сунув руку под воду, Элиас кивнул; она его убедила, но не успокоила. Струйка крови скользнула

по эмали раковины и исчезла в сливе.

Ему по-прежнему казалось, что на последнем сеансе ольфакторных воспоминаний он превзошел сам себя. И потому он ожидал более живого отклика.

Элиас приложил к открытой ранке кусочек марли…

До них донесся жуткий грохот кастрюль. Клодина вздохнула:

— Лишь бы он тоже не поранился. На, держи коробку. Крови многовато, так что через час повязку придется поменять.

Элиас поблагодарил, и они спустились. Внизу их пути разошлись. Клодина присоединилась к мужу на кухне, а Элиас отправился добавить к прочим своим вещам еще и бинты. Когда он уже готов был застегнуть рюкзак, его внимание привлекла лежавшая на дне красно-белая упаковка. Одно из лекарств, которые он закупал для Адама, не вывалилось вместе с остальными на кровать соседа. Он достал картонную коробочку, одновременно набирая номер Адама.

— Привет. Я забыл отдать тебе один из твоих препаратов. *Durinovil.* Вечером занесу.

— Да ладно, он не помогает от моих проблем с эрекцией.

— Ну ты и придурок.

Внезапно Элиас замер. Вертя упаковку в пальцах, он вспомнил, где видел такую же.

— Слушай, — прервал он болтавшего Адама, — а это лекарство от чего?..

Элиас дал отбой на середине объяснений соседа и устремился на кухню, где согбенные Клодина и Ален разбирали гору упавших кастрюль. Потрясая маленькой картонкой, он возопил:

— Я все понял!

Ален поднял голову и прищурился, пытаясь разобрать название лекарства, которым размахивал Элиас.

— Оно было в ванной этого говнюка, Симона, когда я искал там его запах. А еще мне попался рецепт, и выписан он был в тот день, когда напали на Одри.

Элиас пришел в крайнее возбуждение. Он еле удерживался, чтобы не запрыгать по кухне. Ален уперся ладонями в колени, помогая себе разогнуться.

— Ты знаешь, что теперь делать.

На этот раз его улыбку можно было разглядеть с центральной площади Мана. С триумфальным видом Элиас достал мобильник и набрал номер. Это было глупо, просто и очевидно. Настолько

очевидно, что фрагранцианцам это даже не пришло в голову.

На том конце ответили.

42

— Как это?

Зажав телефон между ухом и плечом, Аббад шарил по всем карманам в поисках пачки сигарет. Найдя, вытащил одну и засунул в уголок рта.

— Симон принимал *Durinovil* в вечер изнасилования. Это сосудосуживающее средство, которое медики прописывают от заложенности носа. Читать его обонятельные воспоминания было бесполезно, потому что в момент нападения он вообще не чувствовал никаких запахов.

А следовательно, результаты допроса недействительны. Дав Симону понюхать аккорд из парфюма Одри, его собственного запаха и атмосферы комнаты брата Эмилии, «Фрагранция» надеялась увидеть на энцефалограмме весьма специфические церебральные проявления. Те, которые считываются как эмоция, вызванная воспоминанием. Удовольствие, чувство вины… не важно. Малейшая реакция, отличная от непонимания, стала бы доказательством его ответственности за содеянное. Но банальный насморк в вечер изнасилования позволил Симо-

ну выявить несостоятельность одной из самых продвинутых технологий своего времени.

Сигарета следователя догорела, хотя он так ни разу и не затянулся. Когда дым, поднимающийся к лицу, попал ему в правый глаз, он пробормотал пару ругательств и раздавил окурок в пепельнице. И поспешил позвонить Одри, чтобы спросить, смогут ли они увидеться. Через полчаса они встретились в кафе на первом этаже ее дома.

Едва успев сделать заказ, Аббад поделился с ней выводами Элиаса. И тут же уточнил, что в ее ситуации новость ничего не меняет: они все равно не смогут на этом основании обвинить Симона. Демонстрация несостоятельности метода еще не доказательство виновности. К сожалению, Симон вряд ли окажется в камере. Во всяком случае, не в этот раз.

Одри помрачнела. Затылок у нее свело, нога задергалась. В тот вечер она разговаривала с Симоном. Он ей даже понравился. На нее произвели впечатление его уверенность и красноречие. Она с отвращением вынуждена была себе в этом признаться. Головокружение, приливы жара, внутренняя дрожь — она распознала признаки надвигающейся панической атаки. Достала из кармана куртки таблетницу. Отломив от белой

пилюли четвертинку, сунула ее под язык.

Али все говорил и говорил, всячески ее успокаивая, — заверения столь же тщетные, сколь и беспомощные. Через несколько минут бензодиазепин подействовал, и Одри прервала Али:

— Ты уверен, что с юридической стороны ничего нельзя сделать? Если ты твердо убежден в его виновности, скажи об этом судье.

— Мое слово, если оно ничем не подкреплено, ничего не стоит. Я все перепробовал, все сделал, чтобы найти хоть малейшую улику. ДНК, свидетельские показания, вплоть до этой хрени с ольфакторным допросом.

— Ты говорил с Эмилией?

— Еще до того, как ты обнаружила ее сообщение в своем телефоне. Убедить ее дать показания невозможно. Единственное, что я могу сказать по поводу твоей подруги, — Симон здорово на нее надавил, чтобы она держала рот на замке.

Он ощупал свою куртку. Сигареты он забыл в машине.

Одри еще больше замкнулась в себе. Она чувствовала, что у нее не осталось ни сил, ни надежды. И отдала бы что угодно, лишь бы расследование возобновилось, лишь бы нашлась хоть какая-нибудь ключевая зацепка. Желатель-

но прямо сейчас. Маленькое озарение. Вспышка, воспоминание. Но нет, ничего. От того вечера у нее остались только туманные ощущения, чувство всепроникающего стыда и усталость. Такая огромная, такая давящая. Она винила себя в том, что загляделась на Симона, на мгновение представив близость со своим будущим насильником, что не уследила за своим стаканом, что не легла спать в комнате Эмилии, что вымылась, едва вернувшись домой и уничтожив тем самым возможность взять пробу, когда все-таки пошла подавать жалобу. Она заклинала воспоминания всплыть на поверхность, но вместо них пришли слезы. Только одна мысль, даже более отвратительная, чем прочие, пробилась сквозь ментальные барьеры. Что бы она теперь ни делала, это тело, перенесшее надругательство, останется ее собственным. Она словно попала в ловушку. Новый приступ, новая четвертинка таблетки транквилизатора.

Аббад беспомощно сжимал кулаки — так, что суставы побелели, пока он пытался сдержать гнев. Он сказал, что может, с согласия Одри, навестить Симона, причем вовсе не как представитель закона.

Сначала она ничего не ответила. Инспектор

уточнил:

— Когда я с ним закончу, будет чудом, если он снова сможет ходить.

Ей бы хотелось сразу отказаться от этого предложения. Ей бы хотелось потом вспоминать, как она вскочила со стула и отчитала Али, втолковывая, насколько важно не допускать самосуда. Но сама мысль, что физическая неприкосновенность ее обидчика зависит только от ее доброй воли, была соблазнительна. Одно ее слово, и тот, кто накачал ее наркотиком и изнасиловал, окажется на больничной койке. Одно слово, и она увидит, как эта гадина ползет к своей машине, пока Аббад его избивает. Перспектива столь привлекательная, что какое-то мгновение Одри ею наслаждалась. Но ее рассудок, пусть израненный, пусть измученный, все-таки восстал против этого предложения.

Официант принес напитки, не подозревая о переживаниях клиентов. Улыбка, привычная шутка — и он отошел. Всплеск обыденности, банальной и безобидной, умиротворил молодую женщину.

— Спасибо, Али, но это не лучший выход.

— Он должен заплатить за то, что с тобой сделал, — ответил Аббад, борясь с комком в горле и

опустив глаза.

Одри повысила голос. Защищать больше нечего. Зло свершилось. Ожесточенное упорство Али не имело смысла. Он и так уже много раз рисковал из-за этой истории. Пора остановиться.

Одри успокоилась. Немного. Но достаточно, чтобы сформулировать свои мысли. Да, она хочет, чтобы Симон заплатил за то, что сделал. И будет бороться, чтобы правосудие восторжествовало. Но она не позволит, чтобы Аббад стрелял себе в ногу. Наверняка в тот вечер кто-то что-то видел. И если этот человек не пожелал ничего говорить копам, возможно, он доверится жертве. А еще остается Эмилия. Есть надежда, что та нарушит обет молчания и рано или поздно все же расскажет, чему была свидетельницей в тот вечер. Одри не опустит руки.

Чем дольше она говорила, тем сильнее крепла в ней надежда. Когда буря наконец миновала, Одри попросила прощения у Али за то, что так вспылила. Она отлично знает, что ради нее он готов растоптать свою карьеру. И что неуместное предложение было лишь проявлением его искренних чувств. Она поблагодарила Аббада за то, что он сделал, а главное — за то, чего он делать не должен.

— Я только-только нашла тебя. Пожалуйста, не порть все. Я уверена, что ты мне поможешь. То, что ты уже сделал, бесценно. Ты поддержал меня в тот момент, когда полиция решила умыть руки. Это дает мне силу продолжать верить. Ты мне нужен. И всегда будешь нужен…

43

Едва Элиас вернул телефон на базу, как Ален бросил с притворной непринужденностью: «Тебе есть чем гордиться, паренек».

Молодой человек шагнул к нему. Ален распахнул руки, и они обнялись. Впервые за все время их общения. Порыв, который случается, когда в жизни двоих наступает переломный момент. Это объятие вместило в себя все то, что не было сказано ими друг другу за несколько лет знакомства.

Взволнованный, Элиас предпочел сбежать, столкнувшись с такой открытостью. Выдумал, что забыл выключить кран на втором этаже, и выскочил вон. Переоценил собственную способность выдержать наплыв сильных чувств.

Ален нагнулся и поднял последнюю из рассыпавшихся кастрюль.

— Такая насадка подходит?

Клодина вернулась на кухню с отверткой в руке.

— Как раз та, что надо. Теперь я смогу починить эту чертову кастрюльную вешалку.

Он взял у жены инструмент и поцеловал ее в

лоб. Расчувствовался что-то к концу дня.

Ален вскарабкался на неустойчивую табуретку и прикручивал к стене металлический кронштейн, когда мысль в голове окончательно оформилась. Исключительные способности ассистента заставили мозг заработать на полную катушку. То, что продемонстрировал Элиас, было достойно большего, чем хилые аплодисменты равнодушного прохожего и кинутая им в шляпу монетка. Нет, на этот раз наставник был глубоко потрясен. Даже покорен. Тщеславие, пустившее корни в душе, расцветало все более пышным цветом, даря удовлетворение и даже опьяняя. А боль от предстоящей потери филиала мало-помалу стихала, уступая место очевидному выводу: его преемником станет Элиас.

— Ну и пускай себе закрывают мой офис!

— Что ты сказал?

— Ничего, дорогая. Разговариваю сам с собой.

Смутившись, он слез со своего пьедестала и отдал отвертку жене. Крючок выдержит, если не навешивать на него слишком много.

Он подождал, пока Клодина выйдет, чтобы отнести отвертку на место, и вернулся к своим размышлениям. Конечно же, Элиас заменит его и наследует ему. Это только вопрос времени,

когда «Фрагранция» тоже все осознает. Да-да, так оно наверняка и будет… Ален придержал полет воображения. Чтобы его пророчество сбылось, именно он должен заложить первый камень. Первый, и последний. Единственный. Самый важный. Завтра он назначит встречу с Корнелией и договорится о досрочной отставке, предложив обменять свое место ольфактора на постоянное место ассистента для Элиаса. Предложение, от которого невозможно будет отказаться, поскольку «Фрагранция» упорно искала способы избавиться от переизбытка практиков. Ну а как только его ученика примут, Ален уж постарается, чтобы талант Элиаса раскрылся полностью. Мальчик однажды сделается ольфактором. Ален ни секунды в этом не сомневался.

Солнце стояло уже низко. Ветер разыгрался сильнее обычного, заставляя мерцать листву деревьев. Черное пятно, обозначившее ту точку, где Ален спалил половину своей жизни, сейчас притягивало его куда меньше. Он отвернулся и принялся обдумывать, чем бы теперь занять освободившееся пространство. Если он ничего не предпримет, супруга воспользуется этим, чтобы увеличить число своих зеленых питомцев. Надо же, о чем он размышляет. Забавно. Может, это и

есть смысл жизни на пенсии: забота о мелочах. Он ощутил в глубине души нечто вроде успокоенности. Через несколько минут появилась Клодина.

— Ты что, не слышал, как звонил стационарный? — поинтересовалась она, держа трубку в руке.

— Нет. И кто это был?

Жена передала ему сообщение от секретаря Корнелии. Та хотела встретиться с Элиасом, причем не позднее завтрашнего утра. Ален улыбнулся. Не говоря ни слова, он начал извлекать из шкафов разные ингредиенты и кухонную утварь. Потом снял с крючка кастрюлю.

— Что ты такое делаешь? Иди немедленно скажи ему.

— Думаю, подобная новость достойна моего знаменитого пирога. Согласна?

Клодина засмеялась.

В доме Фиссонов витал дурманящий аромат лимонного пирога. Тот самый, который четыре года назад встретил молодого человека — немного растерянного и во власти своих тревог. Сегодня, улыбаясь и принюхиваясь, этот же молодой человек зашел на кухню и прикрыл веки, чтобы полнее проникнуться запахами мгновения.

Когда он снова открыл глаза, Ален положил руку ему на плечо:

— С возвращением в наши ряды.

Эпилог

Первое сомнение зародилось, когда банк отказался принимать чек. Оно подтвердилось, когда выяснилось, что номер Флоранс Хено больше не обслуживается. И наконец, переросло в уверенность, когда, погуглив директрису «Геймтеха», Симон ее не нашел. Перед ним предстала жесткая и очевидная реальность: его развели. Но кто? И ради чего? Следующие недели он провел в поисках ответов. Вечер в «Доместике», кража со взломом, наркотик, который его заставили вдохнуть в Этампе. Все это было связано. Но как? И по какой причине? Сколько он ни копал, ничего не находилось. Ни в контракте, подписанном его рукой, ни в интернете. Каждая попытка распутать ниточки этой истории оборачивалась тупиком. К счастью, у него оставалась еще карта в рукаве. Его голос в сетях! Сам он в одиночку не смог добраться до правды, а вот обратившись за помощью к своему сообществу, наверняка сумеет отделить истину от фальши. И он решил поговорить с подписчиками на своем канале. Чтобы собрать у компьютеров в шесть часов вечера как можно

больше членов сообщества, он приманил их хештегом «день, когда меня накачали наркотой без моего ведома». Симон намеревался в прямом эфире подробно рассказать о том, что именно с ним случилось. И привлечь особое внимание к произошедшему в Этампе.

В 17:30 десятки зрителей уже сидели в виртуальном зале ожидания. Стоило появиться лицу Симона, как в колонке справа поплыли комментарии. Через пять минут к стриму подключились три тысячи пользователей. Симон поприветствовал всех взмахом руки…

— Привет, команда, я…

Черный экран, конец передачи.

Из тысяч растерявшихся подписчиков, сидевших в тот момент в чате, только один в точности знал, что произошло. Стив, глава кибербезопасности, после ольфакторного допроса не спускал с инфлюенсера глаз. Он отслеживал онлайн каждый его шаг, читая то, что читал Симон, отсматривая то, что смотрел Симон, отслеживая то, что искал Симон. Вывод? Он не мог позволить тому заговорить.

Раз уж все попытки хакерского взлома компьютерной системы Симона ни к чему не привели, Стиву пришлось прибегнуть к серьезным мерам.

Он поручил одному из членов группы реагирования провести в тот вечер, когда они проникли в дом, несложную операцию: воткнуть в стационарный компьютер Симона флешку. С этой флешки скопировался сверхмощный вирус, позволяющий Стиву взять компьютер под полный контроль, и Стив отключил прямой эфир одной простой командой. Но глава кибербезопасности «Фрагранции» на этом не остановился. Он воспользовался ситуацией, чтобы стереть все следы существования Симона в интернете. Он закрыл его криптовалютные кошельки, убрал счета в *Twitch*[65], «Ютубе», «Инстаграме», «ТикТоке». Он ничего не упустил. Адресные книги, контакты, папки, фото, видео, содержимое телефона, документы… Стив даже опустошил все его онлайн-счета. Мало кто представляет себе, насколько наша жизнь зависит от Всемирной паутины. У Симона не осталось ничего, ничто ему больше не принадлежало. Заставив инфлюенсера замолчать, Стив озаботился еще и тем, чтобы программа немедленно уничтожала любой новый счет, который Симон попытается открыть. Как минимум два ближайших года. (И вот это уже

[65] Примечания: 65

«Твитч» («Twitch») — платформа для прямых трансляций (стримов), популярная среди любителей видеоигр.

было сделано исключительно для собственного удовольствия.)

Гордый собой, Стив, раскачиваясь на стуле, ухватил пакетик с конфетами. Там оставалась всего одна мармеладка-смурфик[66], причем Смурфетта, самая его любимая.

В этой вендетте, как личной, так и необходимой для защиты тайн «Фрагранции», он проглядел одну-единственную деталь. Крошечную, но очень важную для будущего сражения Одри.

Уничтожая все резервные копии, имевшиеся в компьютере Симона (в одном тщательно защищенном уголке — папка в папке, которая в свою очередь была закопана в энной папке), Стив заодно стер видео под названием *Emilie_arriere_Audi.*[67]

Таким образом, заткнув рот одному, он, сам того не подозревая, дал свободу говорить другому, а вернее — другой.

---

[66] Примечания: 66

Смурфики (смурфы) — выдуманные существа, созданные бельгийским художником Пейо (Пьер Кюллифор) в 1958 году; в 1980-е стали персонажами мультсериала, а в 1990-е — видеоигр *Nintendo.* В силу их популярности выпускаются мармеладные и шоколадные конфеты в форме смурфов.

[67] Примечания: 67

Эмили_заднее сиденье_Ауди *(фр.).*

Благодарности

Спасибо всем, кто был рядом со мной, особенно Шарлотте, Валери, Доминик, Изауре, Элии, Флорану, Патрисии, Энтони, Викториану, Жанне и Веронике. Вы сделали эту историю возможной.